РФ
М57

Prof. P. P. Migouline; La guerre et les finances russes.

ВОЙНА и НАШИ ФИНАНСЫ.

П. П. Мигулина,

доктора финансоваго права, орд. профессора Харьковскаго университета.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Клочковская ул., д. № 5.
1905.

85
59
Prof. P. P. Migouline; La guerre et les finances russes.
336
M57

ВОЙНА и НАШИ ФИНАНСЫ.

П. П. Мигулина,

доктора финансоваго права, орд. профессора Харьковскаго университета.

Библиотека МФЭИ
11693
П 1516-23
РЕДКИЙ ФОНД

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Клочковская ул., д. № 5.
1905.

На основаніи ст. 41, § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать разрѣшается.
Января 7 дня 1905 года.

И. д. Ректора Университета *Брiо*.

ОТЪ АВТОРА.

Значительная часть настоящей книги была напечатана въ фельетонахъ одной ежедневной газеты („Русь“, за іюль—сентябрь 1904 г.). Она возбудила большое вниманіе со стороны общества и печати, какъ русскихъ такъ и заграничныхъ. Авторъ получилъ много просьбъ отъ изданіи его статей отдѣльной книгой.

Книга издается однако не вслѣдствіе только этихъ просьбъ. Съ одной стороны автору было желательно высказаться по поводу волнующихъ въ настоящее время общество вопросовъ болѣе прямо и откровенно, нежели это возможно въ ежедневной газетѣ, а съ другой его статьи вызвали со стороны нѣкоторыхъ органовъ нашей прессы (какъ относимыхъ къ разряду регрессивныхъ, такъ отчасти и „либеральныхъ“) крайне недобросовѣстное отношеніе, выразившееся или въ прямомъ искаженіи высказанныхъ авторомъ мыслей или даже въ приписываніи ему такихъ положеній, которыхъ онъ не только никогда и нигдѣ не высказывалъ, но говорилъ какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ. Одинъ публицистъ позволилъ себѣ утверждать, что авторъ рекомендуетъ Россіи завоевать Америку, Англію, Китай, Индію, Афганистанъ, Белуджистанъ, Персію, Турцію и другія страны, оставивъ только въ покоѣ Испанію и Португалію по ихъ удаленному отъ Россіи положенію или позабывъ, что онѣ существуютъ на свѣтѣ. Конечно, это особый пріемъ дешеваго остроумія, но такъ какъ напечаталъ публицистъ свои

„остроты“ въ серьезномъ журналѣ, то нашлись наивные люди,—которые повѣрили ему въ серьезъ, и спрашивали автора настоящей книги, правда ли что онъ могъ написать нѣчто подобное. Изданіемъ въ свѣтъ настоящей книги авторъ желалъ представить на судъ общества то, что онъ говорилъ, а не то, что ему приписывали разные остроумные и добросовѣстные публицисты, мало знакомые съ литературными приличіями и не понимающіе всей важности переживаемаго момента и необходимости серьезнаго къ нему отношенія. Выхватить изъ статей отдѣльныя фразы, съ разными пропусками и добавленіями безъ всякаго сопоставленія къ контекстомъ, возражать на одну статью, не прочитавъ другой, разъясняющей вызываемыя первой недоумѣнія, не значитъ представить серьезную критику, которая крайне была бы желательна въ интересахъ самого дѣла. Все существенное въ книгѣ оставлено совершенно безъ измѣненій, какъ было напечатано первоначально, сдѣланы только нѣкоторыя, вызванныя ходомъ событій, дополненія, да многое рѣзче и прямѣе отмѣчено, что неудобно было отмѣтить въ газетѣ.

Авторъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что какъ бы плохи ни были обстоятельства, въ которыхъ мы находимся, какъ бы ни были велики сдѣланныя ошибки при нашемъ движеніи на Дальній Востокъ, нельзя оставить дѣло на полудорогѣ, нельзя выбросить сотни милліоновъ рублей денегъ и десятки тысячъ человѣческихъ жизней, не добившись осуществленія никакихъ историческихъ задачъ государства, которыя авторъ для Россіи видитъ въ укрѣпленіи на побережьяхъ Тихаго океана, достиженія выхода къ Индійскому океану и установленіи твердой естественной границы съ Китаемъ. Только въ этомъ случаѣ огромныя наши владѣнія въ Сибири и Средней Азіи могутъ получить свое настоящее экономическое значеніе даже въ ближайшемъ будущемъ, перестануть лежать бременемъ на

внутренней Россіи и будутъ надлежащимъ образомъ использованы, какъ земельный фондъ ея *избытчествующаго* населенія европейскихъ губерній. Авторъ предлагаетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ что изъ Россіи ежегодно выселяется только черезъ Германскіе порты въ Америку отъ 70.000 до 100.000 и въ Сибирь свыше 220.000 человѣкъ, тогда какъ изъ Германіи только до 25.000 человѣкъ, даже изъ Англіи всего свыше 200.000 человѣкъ, изъ Австро-Венгріи свыше 150.000—180.000 человѣкъ, изъ *Японіи ни одного человѣка* (есть только отхожіе промыслы на заработки, но эмиграціи не было вовсе). При такихъ условіяхъ совершенно не имѣетъ значенія сопоставленіе плотности населенія Россіи съ з.-европейскими государствами, а особенно съ Японіей. Да и сопоставленіе плотности населенія могло бы имѣть значеніе еслибы имѣть при этомъ въ виду только годныя для земледѣльческой культуры земли, а не сибирскія тундры.

Авторъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что мы въ данный моментъ еще не нуждаемся въ земельныхъ территоріяхъ и могли бы обождать съ движеніемъ къ Тихому и Индійскому океану, *еслибы это зависѣло отъ насъ*. Ошибка нашего правительства въ значительной степени въ томъ и состояла, что оно хотѣло *ждать*, когда другіе народы не ждали и проводили политику *имперіализма*. Въ результатѣ, мы оказались совершенно не готовыми къ борьбѣ, ни политически, ни экономически. Отсюда и наши военныя неудачи (говоря постоянно о мирѣ, мы не готовились совершенно къ войнѣ, которую десять лѣтъ усердно подготовляла Японія). Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы складывали оружіе. Намъ нуженъ *прочный миръ* а не перемиріе, а прочный миръ надо завоевать и *заслужить*. Даромъ, изъ милости, по великодушію державъ посредницъ его получить нельзя. Разъ война (которую мы хотѣли избѣгнуть, но не сумѣли) начата, надо чтобы изъ

нея была для государства извлечена *выгода*, т. е. обезпеченъ надолго миръ и покончено со всѣми территоріальными приращеніями и выходами къ „теплымъ морямъ“, разъ—навсегда. Лучше затратить еще два милліарда рублей, но получить сказанныя выгоды, чѣмъ ограничиться первыми двумя милліардами и не получить ничего, кромѣ позора въ настоящемъ и безконечныхъ войнъ съ желтой расой въ будущемъ. Политика имперіализма, расширенія и использованія нашихъ территорій не означаетъ непремѣнно оправданія нашего движенія именно въ Южную Манчжурію и Квантунъ, которое авторъ считаетъ ошибочнымъ. Вотъ почему онъ высказывался въ печати за *немедленный* даже *миръ* съ Японіей хотя бы цѣной уступки ей Квантуна и Кореи, но на условіи обезпеченія Россіи естественной границы съ Китаемъ въ Сѣверной Манчжуріи, Монголіи и Восточномъ Туркестанѣ, и заключенія затѣмъ съ Японіей *союзнаго договора*, который обезпечилъ бы намъ мирное развитіе въ Азіи и далъ бы возможность продвинуться къ Индійскому океану, гораздо болѣе для насъ важному, чѣмъ *собственные* незамерзающіе порты на Тихомъ океанѣ.

Авторъ за высказанныя имъ идеи довольно единодушно названъ „имперіалистомъ“, создателемъ нарождающейся у насъ партіи имперіализма, подобно англійскому и германскому. Попутно не могли не побранить слегка Чемберлена, Имп. Вильгельма II и Рузвельта. Для автора слишкомъ много чести. Но вѣдь съ имперіализмомъ надо считаться какъ съ фактомъ. Пусть съ точки зрѣнія права и морали имперіализмъ явленіе нежелательное, какъ политика эгоизма, самоудовлетворенія, какъ возрожденіе идей меркантилизма, что же можемъ сдѣлать мы противъ этого міроваго и грознаго для насъ движенія? Только вооружиться тѣмъ же оружіемъ... Но идея имперіализма для насъ русскихъ, при нашей лѣни, косности, пасивности

отсутствіи одушевленія, развитіи космополитическихъ идей въ значительной степени тѣмъ благодѣтельна, что зоветъ къ творчеству, къ энергической работѣ, заставляетъ стряхнуть наше вѣчное проклятіе,—обломовщину. Уже и теперь Россія зашевелилась и требуетъ *внутреннихъ реформъ*. Безъ этихъ реформъ немыслимо дѣйствительно никакое поступательное движеніе. Могъ ли Петръ Великій выдержать ужасающую 20 лѣтнюю борьбу за Балтійское побережье безъ своихъ внутреннихъ реформъ? Тѣмъ болѣе можемъ-ли мы теперь выдержать почти столь же страшную борьбу за побережья Тихаго Океана?

Авторъ ставитъ вопросъ о внутреннихъ реформахъ чрезвычайно радикально и всесторонне, обращая главное вниманіе на *подъемъ производительныхъ силъ Россіи*, хотя бы и героическими средствами. Отсюда нападки на него со стороны реакціонной печати. Авторъ въ то же время глубоко убѣжденъ, что радикальныя реформы будутъ осуществлены только въ случаѣ доведенія борьбы за побережья Тихаго океана и наши естественныя границы—*до конца*. Если мы бросимъ борьбу на серединѣ и заключимъ позорный миръ, мы будемъ раззорены, въ обществѣ установится недовѣріе къ своимъ силамъ, восторжествуютъ идеи милитаризма, ибо мы будемъ готовиться къ реваншу, и наступитъ *неизбѣжная реакція*. Только огромный подъемъ духа, вызванный побѣдой и ея *блестящими результатами* (безрезультатная побѣда—то же, что и пораженіе), можетъ подвинуть народъ и къ внутреннему обновленію, какъ это всегда и всюду въ исторіи наблюдается. При расширеніи территоріи государства, при расширеніи политическихъ задачъ немыслимо оставаться при нашихъ затхлыхъ и дискредитовавшихъ себя порядкахъ, просто потому немыслимо, что въ результатѣ грозитъ полное банкротство. А сокративъ территоріи, сузивъ политическія задачи, отказавшись отъ идей имперіализма и міровой политики, воз-

можно продолжать существованіе (правда, жалкое существованіе) и при прежнихъ порядкахъ, ступить на путь реакціи, занимаясь „внутреннними дѣлами“ иного рода, чѣмъ думаютъ представители нашей радикальной прессы. Поэтому авторъ полагаетъ, что многіе у насъ, требуя мира во что бы то ни стало, требуя отказа отъ всякой внѣшней политики (тѣмъ болѣе міровой), настаивая на ненужности для Россіи не только новыхъ, но и прежнихъ ея территорій, доказывая, что русскій народъ страдаетъ отъ многоземелья, безсознательно играютъ въ руку реакціи. Не даромъ первый сталъ требовать *мира, хотя бы и позорнаго*, „Гражданинъ“; остальная печать, даже не имѣющая съ нимъ ничего общаго, только ему вторитъ.

Односторонній взглядъ на вещи весьма опасенъ, особенно когда рѣчь идетъ о важныхъ государственныхъ задачахъ. Государство не можетъ отказаться отъ внѣшней политики и заняться только внутренними дѣлами. И внѣшняя и внутренняя политика находятся во взаимодѣйствіи весьма тѣсномъ. А у насъ большинство печати стоитъ именно на однобокой точкѣ зрѣнія: или только внѣшняя политика, внѣшній престижъ, внутри же произволъ и нищета, или наоборотъ только заботы о внутреннемъ правопорядкѣ и народномъ просвѣщеніи безъ широкой постановки вопроса о поднятіи производительныхъ силъ страны и безъ всякой внѣшней политики. Затѣмъ преобладаетъ у насъ критика передъ творчествомъ. Критика часто доходитъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, до отрицанія даже возможности чего либо хорошаго въ Россіи. Японцы по случаю взятія Портъ-Артура (гдѣ именно русскими войсками было высказано столько же блестящаго искусства, таланта и знаній, сколько и мужества, а пала наша крѣпость единственно вслѣдствіе недостатка въ снарядахъ и развитія эпидеміи) объявляются одержавшими побѣду вслѣдствіе своей *большей даровитости*, какъ будто бы даровитость народа выражается въ хорошей

боевой организаціи! Тогда Чингизъ-ханы, Тамерланы, Моххамеды и Баязеты съ ихъ ордами должны быть признаны самыми даровитыми представителями человѣческой расы! Или напримѣръ, критика нашего движенія на Дальній Востокъ. Здѣсь было такъ много допущено самыхъ вопіющихъ ошибокъ, что поле для этой критики—обширнѣйшее и безъ всякихъ преувеличеній. Но этого кажется недостаточнымъ, и усваивается точка зрѣнія японской дипломатіи, т. е. русское правительство обвиняется въ нашествіи *на Японію* и чуть ли не въ захватѣ японскихъ территорій. Должно быть въ 1894 г. и Китай тоже напалъ на Японію и японскія территоріи...

Выступить у насъ въ защиту неообходимости осуществленія Россіей своихъ историческихъ задачъ, необходимости для нея, какъ и всякаго государства, имѣть внѣшнюю политику, указать, что намъ необходима побѣда, а не пораженіе, что мы защищаемся отъ Японіи, а не нападаемъ на нее—почти актъ гражданскаго мужества. Терпимости къ чужому мнѣнію мы еще не знаемъ, хотя и усердно проповѣдуемъ свободу слова. Этой свободы мнѣнія у насъ хотѣли бы только для себя, но не для другихъ, и въ этомъ наши крайнія партіи вполнѣ сходятся, и равно другъ къ другу не терпимы. Между тѣмъ, при обсужденіи поднятыхъ теперь важнѣйшихъ вопросовъ, необходимо безпристрастіе и *уваженіе къ чужому мнѣнію.* Иначе трудно требовать того же и къ своему. Въ другихъ культурныхъ странахъ это—аксіома, а у насъ приходится объ этомъ говорить какъ о чемъ-то едва ли не новомъ. И автору этой книги приходится повторить эту старую истину, ибо онъ не видѣлъ безпристрастія и терпимости со стороны даже такихъ органовъ печати, многія основныя положенія которыхъ, проводимыя ими въ жизнь, онъ считаетъ со своими солидарными и былъ даже въ числѣ сотрудниковъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. О несолидарныхъ, конечно, и говорить не зачѣмъ.

X

Надо помнить, что первая наша задача—заботиться объ интересахъ вскормившаго насъ *русскаго народа*, а не о своихъ партійныхъ интересахъ. А народъ не можетъ жить и правильно развиваться безъ надлежащихъ для этого условій, столько же естественныхъ (въ зависимости отъ свойствъ занимаемой имъ территоріи), сколько и культурно-правовыхъ. И надо не столько критиковать, сколько не покладая рукъ работать. Правда, „la critique est aisée“, а „l'art est difficile“. Но это ужъ другой разговоръ.

Харьковъ, 7 января 1905 года.

I.

Въ XIX ст. Россія вела четыре крупныхъ войны: 1805—1807 гг. противъ Франціи въ защиту Австріи и Пруссіи, въ 1812—1814 гг. противъ Франціи въ собственную защиту, въ 1853—1855 гг. извѣстную «крымскую» кампанію и въ 1877—1878 гг.—турецкую въ защиту балканскихъ славянъ. Ни одна изъ этихъ войнъ не носила аггрессивнаго характера, хотя кампаніи 1813—1814 г.г. и 1877—1878 г.г. сопровождались нѣкоторымъ приращеніемъ нашей территоріи. И не этими войнами Россія достигла своего политическаго могущества и создала обширную имперію. Между тѣмъ всякое государство имѣетъ свои историческія задачи, которыя въ области внѣшней политики сводятся къ пріобрѣтенію, такъ называемыхъ, естественныхъ границъ, что не возможно безъ войнъ. Понятіе о естественныхъ границахъ—внѣ открытыхъ морей—спорно, но за выходъ къ открытому морю борются всѣ государства и не считаютъ своей задачи выполненной, пока этой границы не достигнутъ. Россія XIX вѣка получила въ наслѣдство отъ XVIII выходы и къ Балтійскому, и къ Черному морямъ,—результатъ Петровскихъ и Екатерининскихъ войнъ,—результатъ *аггрессивной* политики великихъ нашихъ монарховъ. Въ свое время эта политика вызывала серьезныя возраженія, такъ какъ сопровождалась временнымъ экономическимъ разореніемъ внутреннихъ областей, но затѣмъ съ нею примирились въ виду очевиднаго обогащенія Россіи отъ казавшихся обременительными войнъ: Прибалтійскій край, Новороссія, Крымъ, Кавказъ—слишкомъ богатыя области, чтобы присоединеніе ихъ къ Рос-

сіи считать причиной нашей бѣдности. Характерно, что эта аггрессивная политика, способствовавъ возрожденію нашего общества, шла рука объ руку съ *внутренними реформами*, что и понятно, такъ какъ безъ этихъ реформъ становилось невозможнымъ удержать за собою и слить съ имперіей въ одно цѣлое новыя обширныя области. Восемнадцатый вѣкъ, однако, не установилъ еще прочной нашей границы на западѣ и едва намѣтилъ нашу возможную естественную границу на юго-востокѣ. На западѣ за отсутствіемъ точной географической границы—таковую являлось возможнымъ опредѣлить только *этнографически*,—мѣстностями, занятыми *славянскимъ* населеніемъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ можно было еще мечтать о слитіи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, т. е. о соединеніи съ Россіей польскаго королевства во всемъ его объемѣ, а также, быть можетъ, Чехіи и Балканскаго полуострова. Отсюда семилѣтняя война съ Фридрихомъ II, скрытая борьба Екатерины съ Пруссіей и Австріей за польское наслѣдство, энергическое наступленіе на Балканы, продолжавшееся и послѣ Екатерины. Въ началѣ XIX столѣтія союзъ съ Франціей могъ бы привести всѣ эти задачи къ весьма легкому осуществленію, но, къ сожалѣнію, династическая политика взяла верхъ надъ государственными интересами, и началась упорная, безцѣльная борьба съ нашимъ естественнымъ союзникомъ за интересы нашихъ сосѣдей и естественныхъ враговъ славянства. Эти войны ничего не принесли Россіи, кромѣ полнаго экономическаго истощенія, общей реакціи во внутренней политикѣ и вооруженнаго мира въ будущемъ. Какъ бы то ни было, усиленіе Пруссіи и развитіе національнаго самосознанія у западныхъ славянъ и балканскихъ народовъ сдѣлали для насъ совершенно безсмысленной и неосуществимой задачу присоединенія къ Россіи славянскихъ земель: наша задача на западѣ—единственно сохраненіе уже занятыхъ нами раньше областей и способствованіе культурному объединенію

славянства, а затѣмъ, быть можетъ, и политической федераціи славянскихъ государствъ. *Никакой агрессивной политики на западѣ у насъ теперь нѣтъ и быть не должно,* и борьба за «австрійское» или «турецкое» наслѣдство была бы для насъ не только совершенно ненужной, но и гибельной во всѣхъ отношеніяхъ. Западную границу нашу надо считать опредѣлившейся *навсегда*. На югѣ дѣло обстоитъ совершенно иначе. До сихъ поръ еще не въ нашихъ рукахъ Босфоръ, до сихъ поръ еще для защиты Черноморскаго побережья мы вынуждены тратить ежегодно десятки милліоновъ рублей и не имѣть свободнаго выхода для своего военнаго флота. До сихъ поръ не въ нашихъ рукахъ побережья Персидскаго залива и, слѣдовательно, мы не имѣемъ выхода къ Индійскому океану. Отсюда неизбѣжность нашей аггрессивной политики на югѣ, какъ бы мы ни были озабочены своими внутренними дѣлами и какъ бы ни увѣряли въ своемъ миролюбіи. Босфоръ могъ бы уже быть въ нашей власти, если бы мы не присоединяли сюда вопроса о Константинополѣ (ни на что намъ ненужномъ), о Дарданеллахъ, о существованіи Турціи, о ея раздѣлѣ и т. д. Есть полное основаніе думать, что сама Турція не очень бы стала спорить съ нами изъ-за Босфорскаго пролива, получивъ взамѣнъ него продолжительный (если не вѣчный) съ нами миръ и обязательство не держать военнаго флота на Черномъ морѣ (не нужнаго для насъ, если въ нашей власти будетъ Босфоръ). Рекомандовать *войну* съ Турціей изъ-за Босфора—совершенная нелѣпость. Еслибы почему-либо пріобрѣтеніе Босфора *путемъ мирнаго соглашенія съ Турціей* оказалось бы невозможнымъ, то пришлось бы по прежнему, только содержать на Черномъ морѣ большой военный флотъ, т. е. продолжать нынѣшнюю политику. Такая переспектива, навѣрно, Турція улыбается гораздо меньше, чѣмъ совершенно неопасное для нея владѣніе Россіей выходовъ изъ Босфора въ Черное море. Для насъ же владѣніе Босфоромъ означало бы и освобожденіе отъ расходовъ

на охрану Черноморскаго побережья и возможность перенести свою дѣятельность на берега Персидскаго залива, гдѣ могъ бы базироваться и нашъ взятый съ Чернаго моря флотъ.

Къ Персидскому заливу мы подвигаемся со временъ Петра Великаго двумя путями: со стороны Кавказа и со стороны Средней Азіи, но политика наша и здѣсь, и тамъ была крайне неустойчива. Занятыя при Петрѣ персидскія области были возвращены при Аннѣ Іоанновнѣ, чтобы снова быть завоеванными при Екатеринѣ II и Николаѣ I. Имѣя полную возможность завоевать Персію еще въ 1828 г. или, по крайней мѣрѣ, установить надъ нею свой протекторатъ, чѣмъ разъ навсегда обезпечить свободный выходъ къ Индійскому океану и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить умиротвореніе Кавказа, мы удовольствовались небольшою военною контрибуціей и двумя областями, въ настоящее время имѣющими впрочемъ исключительное экономическое значеніе (нефтяныя залежи Бакинскаго раіона), каковое значеніе могла бы имѣть и вся Персія по богатству ея естественныхъ условій (полная пригодность для широкоразвитаго хлопководства и разведенія чая, огромныя нефтяныя залежи). Вопросъ о приближеніи нашемъ къ берегамъ Персидскаго залива подымался очень много разъ, разработывались проекты желѣзной дороги отъ границъ Закавказья до одного изъ южныхъ персидскихъ портовъ, получались отъ персидскаго правительства соотвѣтствующія концессіи, но дѣло до сихъ поръ ни на одинъ шагъ не подвинулось впередъ. Въ послѣдній разъ, въ эпоху англо-бурской войны мы могли бы или объявить свой протекторатъ надъ Персіей, или заключить съ ней равносильный союзный договоръ, отдающій въ наши руки защиту побережья Персидскаго залива, чему Англія, связанная войною по рукамъ и ногамъ, не могла оказать серьезнаго сопротивленія, а Германія имѣла (да имѣетъ и теперь) еще слишкомъ ничтожные интересы въ Персіи, чтобы изъ за нея идти на столкновеніе съ Россіей. Да и вообще изъ-за Персіи ожидать войны немыслимо, тѣмъ болѣе

что нѣтъ рѣчи о *завоеваніи* этого дружественнаго намъ государства,—рѣчь идетъ о *союзѣ* съ нимъ. Проведеніе Персидской желѣзной дороги и перемѣщеніе нашего военнаго флота въ Бендеръ-Аббасъ изъ Севастополя, а отчасти и изъ Кронштадта съ Либавой, въ связи съ укрѣпленіемъ Босфора (занятіе котораго было, напр., во время армянскаго возстанія очень и очень возможно *мирнымъ путемъ*, съ согласія самой Турціи) дало бы намъ прочнѣйшую базу и при движеніи на Дальній Востокъ: вопроса о проходѣ черезъ Дарданеллы, Гибралтаръ или Суэцъ для нашего флота поднимать уже во всякомъ случаѣ не пришлось бы. Главное же, явилась бы возможность вполнѣ *искренняго* соглашенія съ Англіей, съ которой мы теперь имѣемъ *единственную* точку соприкосновенія, именно—въ вопросѣ о Персидскомъ заливѣ. Разъ завѣтная цѣль наша была бы достигнута, разъ Англія имѣла бы дѣло съ единственно признаваемымъ ею «fait accompli», отпала бы всякая причина для нашего *столкновенія* съ Англіей, и ей пришлось бы ступить на путь *соглашенія*, вполнѣ возможнаго, такъ какъ рѣшительно нигдѣ наши интересы не сталкиваются съ англійскими, а, напротивъ, во многомъ сходятся, и постоянная вражда Англіи къ Россіи (какъ прежняя вражда къ намъ Франціи) основана лишь на недоразумѣніи, на подозрѣніи, что Россія грозитъ захватомъ Индіи. Теперь мы orbi et urbi заявляемъ, что намъ Индія ни на что не нужна. Это справедливо. Но въ то же время мы же заявляемъ, что и Персія намъ не нужна. Это—неправда, подобной нелѣпости, что намъ для всѣхъ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній и Закавказья не нуженъ выходъ къ открытому океану, никогда практичные англичане не повѣрятъ, сколько бы мы ихъ въ томъ ни увѣряли. Отсюда и опасенія ихъ, что разъ мы увѣряемъ въ отказѣ отъ нашихъ видовъ и на Персію и на Индію, то это только съ цѣлью усыпить ихъ бдительность, а на самомъ дѣлѣ, несомнѣнно имѣя виды на Персію, имѣемъ ихъ и на Индію. Англичане просто не вѣрятъ въ

нашу искренность и совершенно съ своей точки зрѣнія правы. Занятіе Россіей Персидскаго побережья выяснило бы окончательно, *куда* мы въ дѣйствительности стремились, и враждѣ нашей съ Англіей положенъ былъ бы навсегда конецъ, а между тѣмъ именно этой враждѣ въ значительной степени обязаны мы и нынѣшней японской войной. Экономическое значеніе Персіи—внѣ всякаго сомнѣнія: Персія—естественный рынокъ для сбыта нашихъ издѣлій, взамѣнъ которыхъ мы могли бы получить (при условіи проведенія желѣзной дороги и организаціи производства соотвѣтствующихъ культуръ) хлопокъ и чай,—продукты, которые мы ввозимъ ежегодно на сумму до 150 милл. рублей изъ странъ, въ которыя сами ничего не вывозимъ.

Движеніе къ Персидскому заливу въ Средней Азіи было столь же нерѣшительно, какъ и со стороны Кавказа. Занятіе каждой изъ богатѣйшихъ среднеазіатскихъ областей сопровождались робкими отступленіями, уступками въ пользу Англіи. Выдающіеся генералы (М. И. Черняевъ) получали порицаніе за одержанныя побѣды, отъ присоединенія завоеванныхъ областей отказывались. Единственно настоятельная необходимость заставила заваевывать Бухару, Хиву, Кокандъ и Мервъ, но уже передъ Афганистаномъ мы остановились, а Англія тѣмъ временемъ объявила свой протекторатъ (для насъ, въ сущности, совершенно необязательный) надъ Белуджистаномъ и отрѣзала насъ отъ Персидскаго залива. До чего мы были робки и неувѣренны въ своихъ дѣйствіяхъ, показываетъ знаменитое столкновеніе съ Афганистаномъ въ 1885 г., когда мы испугались совершенно дутой угрозы Англіи (грозившей намъ своимъ флотомъ, который былъ въ то время въ такомъ непорядкѣ, что, безусловно, былъ непригоденъ для военныхъ операцій, и англичане въ слѣдующемъ же году признали этотъ фактъ сами и немедленно соорудили *совершенно новый флотъ*, сдавъ старый въ архивъ, но мы, по обыкновенію, объ англійскихъ дѣлахъ освѣдомлены не были).

Испугавшись, мы отказались отъ своихъ правъ на нѣкоторыя прилегающія къ Афганистану области, и отказались отъ своихъ правъ на самый Афганистанъ, косвенно признавъ его въ сферѣ англійскаго вліянія... Часть Восточнаго Туркестана (Кульджа) была въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ нашей власти,—мы ее уступили Китаю, другая часть (Кашгаръ, Яркендъ) неоднократно просила о нашемъ протекторатѣ,—мы отказались. Эти богатыя области, какъ и еще болѣе обширную степную Монголію, вполнѣ пригодную для заселенія нашими земледѣльцами и для развитія уже падающаго русскаго скотоводства и особенно овцеводства (уже сало, а отчасти шерсть и кожи мы получаемъ изъ Австраліи, тогда какъ раньше это была видная статья нашего вывоза), области, находящіяся въ номинальной зависимости отъ Китая, который отдѣленъ отъ нихъ великою стѣной и горными хребтами и изъ котораго воспрещено даже переселеніе сюда китайцевъ, мы давно могли бы присоединить къ своимъ владѣніямъ, установивъ твердо разъ на всегда свою пограничную линію съ Китаемъ, создавъ естественную границу нашихъ южныхъ азіатскихъ областей. Мы этого до сихъ поръ не сдѣлали. Причина—двоякая. Съ одной стороны мы всегда чрезвычайно уважали призрачныя права Китая на всѣ эти мало населенныя и въ сущности независимыя отъ Китая и ничѣмъ съ нимъ не связанныя земли, еще болѣе уважали суверенныя права разныхъ шаховъ, хановъ и эмировъ, не считая возможнымъ (даже въ случаѣ просьбъ ихъ «подданныхъ») включить ихъ государства въ составъ русской Имперіи. Съ другой стороны мы страдали боязнью пространства, боязнью чрезмѣрнаго расширенія Россіи, которая и безъ того «велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ». Эта ходячая фраза временъ Гостомысла сдѣлалась у насъ излюбленной, своего рода девизомъ, пришедшимся всѣмъ по сердцу и якобы объясняющимъ судьбы Россіи. У насъ создалась довольно-таки наивная теорія, что аггерессивная политика, расширеніе терри-

торіи является препятствіемъ для нашихъ внутреннихъ реформъ, для развитія нашего экономическаго благосостоянія, что мы принесли въ жертву окраинамъ свой центръ, который истощается этими окраинами, въ числѣ которыхъ bona fide назывались и Кавказъ, и Средняя Азія, и Малороссія, и Новороссія, и Бессарабія, и Прибалтійскій край. Въ подтвержденіе своей мысли наши «финансисты» не умѣли придумать ничего лучшаго, какъ сопоставлять сумму прямыхъ налоговъ, получаемыхъ съ этихъ окраинъ, съ суммой производимыхъ въ этихъ же окраинахъ правительственныхъ расходовъ. Упускалось изъ виду, что весь нашъ бюджетъ строится на косвенномъ обложеніи, размѣръ котораго по областямъ учесть невозможно, такъ какъ налоги эти взимаются съ производителей продуктовъ и перекладываются затѣмъ самими производителями, а не правительствомъ на потребителей. Упускалось изъ виду, сколько мы должны были-бы переплачивать за границу безъ хлопководства Средней Азіи, безъ нефти Закавказья, безъ фруктовъ, вина и курортовъ Кавказа и Крыма, безъ черноморскихъ и прибалтійскихъ портовъ, безъ обрабатывающей промышленности Привислинскаго и Прибалтійскаго краевъ,— сколько вывозимъ мы хлѣба изъ Новороссіи, Малороссіи, Бессарабіи и Сѣвернаго Кавказа, масла изъ Сибири, что значитъ для насъ угольная и желѣзодѣлательная промышленность Донецкаго раіона, экспортъ керосина и марганца изъ Закавказья и т. д. При нашей огромной внѣшней задолженности (около 5 милліардовъ рублей), мы нуждаемся въ вывозѣ нашихъ продуктовъ заграницу во что бы то ни стало, отсюда неизбѣжны низкія цѣны на главный предметъ нашего экспорта, хлѣбъ, а такія низкія цѣны возможны лишь при *экстенсивной* системѣ земледѣлія, которая практикуется и нашими конкуррентами по поставкѣ хлѣба въ Европу,—Сѣверной и у Южной Америкой, Индіей, Египтомъ. Экстенсивная же система земледѣлія возможна лишь при огромной *неистощенной* площади земель, которая все болѣе и болѣе у насъ со-

кращается, вызывая разореніе населенія и вынуждая его къ переселеніямъ. Отсюда необходимость *расширенія этой площади*, возможнаго лишь за счетъ *свободныхъ и незаселенныхъ* земель азіатскаго материка между Россіей и Китаемъ, отсюда и стремленіе русскаго народа по направленію къ *Дальнему Востоку* Народъ нашъ никогда не боялся завоеваній и расширенія занимаемой имъ территоріи. Онъ понималъ инстинктомъ то, чему учитъ насъ міровая исторія,—что расширеніе территоріи *всегда и вездѣ* служило источникомъ обогащенія государствъ, а не ихъ истощенія, какъ у насъ проповѣдуютъ по отношенію къ Россіи, что чаще всего это расширеніе сопровождается и необходимыми внутренними реформами, какъ это и у насъ наблюдалось въ эпоху завоевательныхъ войнъ при Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ II и Александрѣ II (завоеваніе Кавказа, Средней Азіи и присоединеніе Амурской области произошли какъ разъ въ эпоху «великихъ реформъ»). Напротивъ, такъ называемая мирная внѣшняя политика очень часто сопровождается застоемъ и во внутренней политикѣ (эпоха Николая I, царствованіе Императора Александра III). То расширеніе территоріи, о которомъ говорили мы (т. е. въ сторону Монголіи и Восточнаго Туркестана) и которое считаемъ *единственнымъ* возможнымъ для Россіи, представляетъ для насъ исключительныя выгоды, *не грозя ни малѣйшими политическими осложненіями, а тѣмъ болѣе войнами*, такъ какъ рѣчь идетъ объ областяхъ, никому не принадлежащихъ и на которыя ни одно государство не имѣетъ видовъ. У насъ же, къ сожалѣнію мечтали (и мечты свои пытались привести въ исполненіе) о расширеніи территоріи на счетъ Балканскаго полуострова, Малой Азіи и областей бывшаго Польскаго Королевства. Это—приводило насъ къ кровопролитнымъ и тяжкимъ войнамъ, раззорявшихъ наше отечество на многія годы. *Такая* аггрессивная политика—вещь очень вредная, и мы всѣми силами противъ нея протестуемъ. Но политика почти безкровнаго завоеванія Средней

Азіи и вновь безкровнаго—Приамурья, примѣненная имп. Александромъ II есть политика *культурная*, актъ высокой государственной мудрости, какъ пріобщеніе дикихъ и пустынныхъ дотолѣ областей къ благамъ культурной жизни. Такая политика никогда не раззоряла Россіи, не вела ее на путь задолженности. Раззоряли Россію, разстраивали ея денежное обращеніе, вводили въ долги—войны династическія или идейныя (въ защиту православнаго Востока), но вовсе не ея аггрессивная политика. *Движеніе наше въ Южную Манчжурію (вмѣсто Монголіи и В. Туркестана) также было ошибочно и неправильно проведено.* Оно съ самаго начала грозило столкновеніемъ съ Китаемъ и грозитъ таковымъ въ будущемъ. И характерно, что это движеніе отнюдь не было вызвано нашей *аггрессивной политикой* (Ю. Манчжурія, какъ густо заселенная и очень удаленная отъ насъ область ни на что намъ не нужна), а произошло совершенно случайно, единственно, для противодѣйствія аггрессивной политикѣ Японіи.

Движеніе наше на Дальній Востокъ совершалось скачками, крайне непослѣдовательно, большею частью по иниціативѣ частныхъ лицъ или мѣстныхъ правительственныхъ органовъ безъ участія или даже вопреки желанію центральной власти. Приамурскій край, разъ занятый нами, былъ уступленъ Китаю (при Аннѣ Іоанновнѣ) во избѣжаніе совершенно проблематическаго съ нимъ столкновенія, новое занятіе его (въ 1858 г.) съ трудомъ было утверждено въ Петербургѣ, а протектората надъ Кореей (этотъ протекторатъ разъ на всегда рѣшилъ бы и вопросъ о выходѣ нашихъ владѣній къ незамерзающимъ портамъ Тихаго океана) такъ утвердить и не рѣшились, не рѣшились и на занятіе чрезвычайно важнаго въ стратегическомъ отношеніи острова Цусима, который теперь является одной изъ базъ японскаго флота и препятствіемъ для прохода нашего флота черезъ Корейскій проливъ. Занятыя нашими поселенцами части Манчжуріи для разработки золотыхъ розсыпей на р. Желтугѣ («Желтугин-

ская распублика») были отданы Китаю, а равно никакой охраны не дано нашимъ переселенцамъ (ихъ довольно много) въ Монголіи. Вопреки распространенному мнѣнію, что наше движеніе на Дальній Востокъ вызывается самимъ правительствомъ, что оно поэтому вызвано исключительно политическими, а отнюдь не экономическими соображеніями,—на самомъ дѣлѣ наши крестьяне (не смотря на *противодѣйствіе* правительства) давно уже двигаются на Дальній Востокъ, ими въ значительной долѣ *самовольно* была заселена Сибирь, Приморская область, Приамурскій край и начато заселеніе Монголіи и Манчжуріи задолго до начала сооруженія тамъ нашей желѣзной дороги. Движеніе это вызвано *малоземельемъ* въ Европейской Россіи, какъ та же причина создала эмиграцію и изъ Западной Европы [1]). Утверждать иное значитъ не знать фактической стороны вопроса и не желать ея знать. Но переселенческая волна направлялась у насъ безъ всякой системы и долгое время безъ содѣйствія правительства, отсюда наши колонизаціонныя неудачи. Дѣло стало налаживаться только послѣ того, какъ рѣшили приступить къ сооруженію Сибирской магистрали (т. е. въ началѣ 1890 годовъ), а строить желѣзную дорогу черезъ всю Сибирь къ Владивостоку рѣшено было только послѣ того, какъ окончательно убѣдились въ грядущей возможной опасности со стороны пока еще (тогда) «недвижнаго» Китая и уже возрожденной Японіи. Эту Японію (какъ теперь совершенно уже достаточно удостовѣрено, относившуюся *всегда* къ намъ крайне враждебно и съ подозрѣніемъ) почему-то считали дружественно къ намъ расположенной (какъ по недоразумѣнію всегда зачисляли, а иногда зачисляютъ и теперь, въ число нашихъ друзей также С.-А. Соединенные Штаты, въ чемъ горько уже разочаровываются, а въ будущемъ придется, конечно, разочароваться

---

[1]) О значеніи этого (конечно относительнаго) малоземелья нашего, равно какъ и цифры по этому вопросу см. ниже, гл. XII.

еще больше). Однако возрожденіе, по преимуществу военное, Японіи наиболѣе опасное именно для сосѣдей—для насъ и Китая,—заставляло и насъ, и Китай думать объ оборонѣ. Мы начали съ сооруженія стратегической желѣзной дороги, связывающей нашъ центръ съ далекой окраиной, китайцы съ укрѣпленія Портъ-Артура и Вей-Ха-Вея, улучшенія флота и арміи. Враждебное отношеніе къ намъ Японіи выразилось еще до закладки (во Владивостокѣ) великаго Сибирскаго пути: покушеніе (въ Отсу) на жизнь нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, тогда Государя Наслѣдника, отправившагося лично для этой закладки,—у всѣхъ еще въ памяти. Японія не дождалась окончанія Сибирской желѣзной дороги: она объявила войну Китаю, разгромила его и утвердилась было на азіатскомъ материкѣ. Мы не могли оставить Китай на произволъ судьбы, иначе черезъ нѣсколько лѣтъ мы имѣли бы противъ себя возрожденный Китай, руководимый Японіей и въ союзѣ съ нею,—второе Монгольское нашествіе: оно открыто проповѣдывалось японцами, требовавшими отъ Китая—въ результатѣ войны—оборонительнаго и *наступательнаго* съ нимъ союза. Мы вмѣшались и вырвали изъ рукъ Японіи часть плодовъ ея побѣдъ. Но здѣсь мы допустили рядъ крупныхъ и непоправимыхъ ошибокъ.

II.

Вмѣшательство наше (въ союзѣ съ Франціей и Германіей) въ борьбу Японіи противъ Китая было актомъ высокой политической мудрости. Самый союзъ съ Франціей и Германіей былъ однимъ изъ блестящихъ дѣлъ поздно призваннаго на отвѣтственный постъ руководителя нашей внѣшней политики, и столь безвременно почившаго кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, возвратившаго въ свой недолгій срокъ управленія министерствомъ прежній престижъ Россіи, померкшій было во время безцвѣтнаго министерства Н. К. Гирса. Франція не могла не идти съ Россіей рука объ руку въ виду угрозы Японіи ея интересамъ въ Индо-Китаѣ, Германія разсчитывала на колоніи на Дальнемъ Востокѣ и на развитіе тамъ своей внѣшней торговли съ помощью Россіи. Монгольская опасность, какъ угроза для всей бѣлой расы, уже сознавалась вполнѣ чуткимъ имп. Вильгельмомъ II, и онъ не колебался отправить свой флотъ на помощь русскому. Позволить Японіи овладѣть Китаемъ потому только, что она сумѣла вооружить 75-тысячную армію и небольшой флотъ, а военная организація Китая оказалась негодной,—было бы для Европы признаніемъ собственнаго безсилія, и надо удивляться, что вмѣшательство произведено было только тремя, а не всѣми великими державами. Европѣ просто слѣдовало бы признать, что Японія является факторомъ, вносящимъ смуту и нарушающимъ равновѣсіе на Дальнемъ Востокѣ, а потому не только лишить ее права на какія бы то ни было выгодны отъ войны съ Китаемъ, но и ограничить ея право на дальнѣйшее увеличеніе своего военнаго флота, такъ какъ

ясно, что военное могущество Японіи грозитъ опасностью *всей Европѣ* въ предпріятіяхъ послѣдней на Дальнемъ Востокѣ и вызываетъ новые грандіозные расходы на вооруженіе. Къ сожалѣнію вѣчное соперничество между державами и здѣсь породило далеко несогласный образъ ихъ дѣйствій. Англія весьма недвусмысленно становилась на сторону Японіи, восхищаясь, какъ всегда, новой силой, хотя бы ей и враждебной, а можетъ быть—въ тайной надеждѣ, что съ этой силой покончатъ другіе, безъ всякихъ расходовъ со стороны самой Англіи. Какъ бы то ни было, вмѣшавшіяся въ борьбу Японіи съ Китаемъ державы выказали чрезвычайную осторожность въ своихъ дѣйствіяхъ; можно подумать, что онѣ всего больше старались о сохраненіи съ Японіей «дружбы», боясь ея возрастающаго могущества, пока еще недостаточнаго для борьбы съ тремя державами вмѣстѣ, но уже страшнаго для каждой изъ нихъ въ отдѣльности, особенно, въ будущемъ. Японію старались только *устранить съ Азіатскаго материка* и потому предложили возвратить Китаю занятую на материкѣ территорію, но Корею признали отъ Китая независимой, островъ Цусиму,—мостъ изъ Японіи въ Корею,—оставили въ японскихъ рукахъ, Японіи передали богатый островъ Формозу и, что самое главное, признали Китай обязаннымъ уплатить Японіи огромную контрибуцію въ суммѣ до *850 мил. франковъ*. Около половины этой контрибуціи (400 мил. франковъ=150 мил. р.) гарантировано было русскимъ правительствомъ изъ 4%, вслѣдствіе чего Китай немедленно могъ заключить и заключилъ на самомъ дѣлѣ заемъ во Франціи, суммы котораго тотчасъ же были переведены въ Японію. Въ этомъ была важнѣйшая и крупнѣйшая ошибка европейской дипломатіи. Разоренная войной, бѣдная Японія, даже безъ особенно репрессивныхъ мѣръ, не способна была на созданіе новаго огромнаго флота и арміи и надолго оставалась бы безвредною для большихъ военныхъ державъ. Получивъ контрибуцію, Японія, напротивъ, могла привести въ

порядокъ свои финансы и употребить огромныя суммы на усиленіе своего флота и своей арміи. Принявъ во вниманіе весьма слабую дотолѣ кредитоспособность Японіи, господство въ ней серебрянной валюты и необходимость всѣ заказы по созданію и вооруженію флота и арміи дѣлать исключительно за границей, можно сказать съ полною увѣренностью, что безъ китайской контрибуціи, данной Японіи съ согласія, при содѣйствіи и съ гарантіей европейскихъ державъ, Японія никогда не была бы въ состояніи вступить въ борьбу съ какимъ либо изъ крупныхъ государствъ. Японія вынуждена была согласиться на всѣ условія договора съ Китаемъ, какія ей предложили державы-союзницы, и даже сдѣлать видъ, что она принимаетъ эти условія добровольно; на самомъ же дѣлѣ, Японія затаила глубокую вражду къ тѣмъ, кто лишилъ ее значительной доли легкихъ побѣдъ и сталъ поперекъ осуществленія ея стремленій къ преобладанію на Азіатскомъ материкѣ. Тщетно Россія въ оффиціальномъ сообщеніи по поводу вмѣшательства въ договоръ Японіи съ Китаемъ объясняла это вмѣшательство *дружбой* къ Японіи и желаніемъ ей блага, какъ островной державѣ, которой не слѣдуетъ распространяться на материкѣ. Любопытнѣе всего, что заявленіе нашего правительства было вполнѣ искренне, что мы были убѣждены въ японскомъ дружескомъ къ намъ расположеніи, признали Японію вошедшею въ кругъ цивилизованныхъ державъ, отмѣнили, на ряду съ другими державами, консульскую юрисдикцію въ Японіи и т. д. Но Японія (впервые признанная *цивилизованной* державой *послѣ побѣды* надъ Китаемъ) признавала главной своей задачей—сравняться въ военномъ отношеніи съ европейскими государствами и отмстить за ихъ вмѣшательство въ ея борьбу съ Китаемъ. Спрашивается, сохранила-бы Японія свое враждебное чувство къ европейцамъ въ случаѣ невмѣшательства державъ въ ея борьбу съ Китаемъ? Несомнѣнно, сохранила бы, но въ этомъ случаѣ достиженіе Японіей завѣтныхъ цѣлей на азіатскомъ материкѣ совершилось бы

неизмѣримо скорѣе и рѣшительнѣе при помощи неисчерпаемыхъ китайскихъ рессурсовъ. Державы только *пріостановили* японское движеніе, но, къ несчастью, не сумѣли и не пожелали остановить его совсѣмъ. Японія, тотчасъ-же по полученіи китайской контрибуціи, приступила къ грандіознымъ работамъ по созданію крупнаго флота и первоклассной арміи. Былъ выработанъ правильный планъ приведенія въ боевую готовность флота и арміи къ концу 1903 г., была направлена колонизація въ Корею, правильно организованы развѣдки въ Пріамурскомъ краѣ и Приморской области, дѣятельно и почти открыто готовилась къ войнѣ именно съ Россіей. Въ 1897 году введена была въ Японіи золотая валюта, а финансы постепенно были приведены въ порядокъ; помимо контрибуціи былъ заключенъ въ Англіи рядъ займовъ, давшихъ новыя средства для вооруженій. Съ лучшими европейскими и американскими фирмами были завязаны связи и пріобрѣтенъ у нихъ кредитъ. Словомъ, дѣло было поставлено и велось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Сперва мы ничего не хотѣли замѣчать, и политика наша на Дальнемъ Востокѣ полна была колебаній. Съ Китаемъ былъ заключенъ особый договоръ въ силу котораго мы получили право вести Сибирскую желѣзную дорогу черезъ сѣверную Манчжурію, по прямой линіи къ Владивостоку вмѣсто проектированной первоначально дороги вдоль Амура. Корея попала было подъ нашъ протекторатъ (фактическій), былъ основанъ Русско-Корейскій банкъ, назначенъ русскій руководитель корейскими финансами, посланы были русскіе инструкторы для корейской арміи, заговорили о постройкѣ русской желѣзной дороги къ одному изъ незамерзающихъ корейскихъ портовъ и объ уступкѣ такого порта Россіи. Затѣмъ, въ виду самаго энергическаго сопротивленія планамъ Россіи со стороны Японіи мы быстро пошли на уступки, отказались и отъ занятія корейскихъ портовъ, отозвали инструкторовъ и финансоваго совѣтника, перестали препятство-

вать японской колонизаціи Кореи. Одновременно съ этимъ мы сами себя убѣждали въ японской къ намъ дружбѣ и рѣшительно никакихъ мѣръ къ оборонѣ противъ японскаго нашествія не принимали: количество войскъ на Дальнемъ Востокѣ оставалось ничтожнымъ,—кромѣ Владивостока мы не имѣли ни одного укрѣпленнаго пункта, флотъ нашъ былъ и вообще не великъ, и устарѣлаго типа, къ усиленной постройкѣ новыхъ судовъ не приступали. Съ свойственнымъ намъ добродушіемъ мы даже не обращали никакого вниманія на японскихъ шпіоновъ и развѣдчиковъ, которыми буквально кишѣли наши области Дальняго Востока; доносы на этихъ шпіоновъ оставлялись безъ вниманія, захваченные развѣдчики съ планами и картами нашихъ укрѣпленій и путей сообщенія отпускались на свободу.

Заявленіямъ, что Японія готовитъ войну съ нами, не вѣрили, съ своей стороны о возможности войны и не думали. Только съ конца 1897 г., стало слишкомъ ужъ очевиднымъ враждебное отношеніе къ намъ Японіи, что было видно и изъ японской печати, и изъ образованія цѣлаго ряда явныхъ и тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью пропаганду войны съ Россіей, и всего яснѣе изъ программы японскихъ вооруженій. Поневолѣ приходилось думать объ *оборонѣ* (въ то же время наше правительство обвиняли въ *аггрессивной* политикѣ)! Высочайшимъ указомъ 24 февраля 1898 г. повелѣно было ассигновать 90 мил. руб. на нужды нашего судостроенія, которые и были употреблены на заказы лучшимъ иностраннымъ фирмамъ (англійскимъ, французскимъ, германскимъ, итальянскимъ, датскимъ и американскимъ) военныхъ судовъ новѣйшихъ типовъ, каковыя суда по мѣрѣ изготовленія были отправлены на Дальній Востокъ. Увеличено было и отечественное кораблестроеніе, и часть балтійскаго флота переведена была въ составъ тихоокеанской эскадры. Затѣмъ, по соглашенію съ Китаемъ, въ томъ же 1898 г. Россіи переданъ былъ Портъ-Артуръ съ Квантунскимъ полуостровомъ, какъ опорная

база для новаго флота и грозная крѣпость для обороны побережья Тихаго океана противъ Японіи. Въ то же время спѣшно началось сооруженіе къ Артуру Южно-Манчжурской ж. дороги, безъ которой послѣдній являлся бы совершенно оторваннымъ отъ Россіи. Количество войскъ нашихъ было нѣсколько увеличено въ интересахъ охраны строящейся дороги. Но этимъ и ограничились. Россія желала выполнять на Дальнемъ Востокѣ культурную, а не военную миссію. Мы желали строить желѣзныя дороги и коммерческіе порты, а не крѣпости. Денежный потокъ, сотни милліоновъ рублей были направлены именно сюда, а не на военное дѣло. Огромная желѣзная дорога, сооруженная со сказочной быстротой среди враждебнаго намъ и некультурнаго населенія,—возникшіе по линіи ея громадные торговые города, великолѣпный портъ Дальній, созданный буквально изъ ничего среди голыхъ камней и оборудованный такъ, что онъ могъ бы черезъ нѣкоторое время при благопріятныхъ условіяхъ конкуррировать съ Шанхаемъ,—Восточно-Китайское пароходство, вотъ плоды, блестящіе плоды нашей культурной дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ, совершенно однако безполезные для Россіи, обогатившіе Манчжурію, сдѣлавшіе изъ нея заманчивый рынокъ для Европы, Америки и Японіи. Но Артуръ оставался укрѣпленнымъ слабо, военный флотъ создавался медленно, мы старались быть сильными культурою, но на Востокѣ цѣнятъ только военную силу. Чрезвычайно характерно, что на укрѣпленіе Артура, на снабженіе его сухими доками, на устройство второго выхода изъ порта и на его углубленіе *деньги отпущены не были* (требовалось около 30 мил. рублей). Спрашивается тогда, зачѣмъ же былъ занятъ Артуръ? А между тѣмъ на Дальній рѣшено было отпустить свыше 40 мил. руб., изъ которыхъ 20 мил. руб. было израсходовано. Въ Дальнемъ были и доки, и молы и всевозможныя техническія портовыя приспособленія. Какъ портъ однако Дальній гораздо хуже Артура,

даже иногда замерзаетъ, экономическое значеніе его равно нулю, для Россіи—это вѣчная статья расхода. Артуръ прекрасно могъ бы служить и военнымъ и торговымъ цѣлямъ. Но у насъ—расточительность необыкновенная: рядомъ создаются *два* порта вмѣсто одного, хотя и для одного нѣтъ никакого дѣла. Одинъ изъ этихъ портовъ незащищенъ, его легко занять и сдѣлать превосходную базу противъ второго военнаго порта для непріятеля. Такъ вышло и на дѣлѣ. Не будь Дальняго, японцы не въ состояніи были бы выгрузить огромныя 11-дюймовыя осадныя орудія, а безъ этихъ орудій и взятіе крѣпости было бы невозможнымъ. Да и всѣ военно-морскія операціи гораздо удобнѣе вести, имѣя въ рукахъ прекрасно-оборудованный незамерзающій портъ, чѣмъ если бы пришлось ограничиваться Фузаномъ и Чемульпо, совершенно неустроенными, гдѣ суда останавливаются на рейдѣ. Можно сказать, что, создавая Дальній подъ руководствомъ нашего министерства финансовъ, общество восточной китайской дороги именно создавало оплотъ для Японіи на случай ея нашествія на Квантунъ.

Съ точки зрѣнія интересовъ Россіи дѣло наше въ Манчжуріи было поставлено съ самаго начала безусловно неправильно, что мы своевременно указывали [1]), нельзя было тратить деньги, и при томъ громадныя, особенно при страшной нашей бѣдности, въ *чужой* странѣ, безъ всякой возможности когда-либо въ будущемъ получить ихъ обратно. Напротивъ о занятіи сѣверныхъ къ Китаю областей, номинально ему принадлежащихъ, поднять вопросъ было вполнѣ своевременно, и именно вслѣдъ за японско-китайской войной, именно эти области, Монголію и Сѣверную Манчжурію, Россія могла выговорить себѣ въ вознагражденіе отъ Китая за помощь противъ Японіи. Само собою ясно, что въ этомъ случаѣ ни объ уступкѣ Формозы, ни о контрибуціи съ Китая въ пользу

---

[1]) „Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика“, X. 1903 г.

Японіи рѣчи быть не могло. Мало того, Россія должна была принять на себя извѣстныя обязательства и *въ будущемъ* на счетъ обезпеченія Китая отъ японскаго нашествія. Восточный Туркестанъ съ его ханствами, какъ и Корея, должны были быть объявлены независимыми и поступить подъ русскій протекторатъ, и въ Кореѣ же Россія могла найти выходъ къ незамерзающимъ портамъ Тихаго океана, *а не въ южной Манчжуріи*. Вопросъ *о цѣлости* Китая,—пресловутый вопросъ, которымъ такъ успѣшно играла и играетъ европейская и американская пресса и дипломатія, такимъ присоединеніемъ къ Россіи областей, лежащихъ *за Великой Китайской Стѣной*, куда до самаго послѣдняго времени китайцамъ воспрещено было переселеніе (этотъ переселенческій потокъ даже современъ Ли-Хунъ-Чанга, поощрявшаго колонизацію сѣверныхъ китайскихъ областей, все-таки былъ направленъ *единственно* въ Южную Манчжурію),—этотъ вопросъ не могъ быть поднятъ: собственно Китай (восемнадцать провинцій) оставался бы въ цѣлости и неприкосновенности, и если бы европейскія державы пожелали приступить къ раздѣлу и этого «собственно» Китая, то кромѣ неудачи онѣ ничего не потерпѣли бы, и мы въ подобныхъ предпріятіяхъ отнюдь не должны были бы поддерживать ихъ. Самый раздѣлъ Китая никакою опасностью для Россіи не грозилъ бы, ибо тамъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ нашихъ экономическихъ и политическихъ интересовъ.

Къ сожалѣнію, наша дипломатія прежде всего начала настаивать на цѣлости и неприкосновенности Китая, включая въ составъ послѣдняго —по какому-то странному недоразумѣнію— и всѣ безъ различія области, лежащія за Великой Стѣной, изъ которыхъ многія (въ томъ числѣ удобная для возрожденія нашего скотоводства Монголія) безусловно находятся лишь въ чисто номинальной зависимости отъ Китая. Европейская дипломатія обрадовалась такому толкованію и съ того времени твердо на немъ настаиваетъ. Но одновременно съ разговорами о «неприкосновенности» Россія знала Артуръ съ Квантунскимъ

полуостровомъ, Германія—Цзяо-Чжоу, Англія—Вей-Хай-Вей, Франція—Гуанъ-Чжоу, что уже явно нарушало принципъ неприкосновенности. Затѣмъ русское общество Восточной Китайской желѣзной дороги взялось за постройку безъ всякой гарантіи со стороны китайскаго правительства страшно дорогой линіи на китайской территоріи, — примѣръ въ исторіи не слыханный, такъ какъ дорога не могла сулить никакихъ доходовъ. Дѣйствительно, не было примѣра, чтобы какое-либо государство жертвовало въ интересахъ другого государства сотни милліоновъ безъ извлеченія для себя какихъ-либо выгодъ. Какъ хлопочетъ до сихъ поръ Германія о постройкѣ Багдадской желѣзной дороги въ Малой Азіи, однако никому и въ голову не приходитъ строить эту дорогу безъ километрической гарантіи отъ Турціи. Наше общество Китайской Восточной желѣзной дороги взялось строить дорогу въ Манчжуріи не только безъ гарантіи со стороны Китая, но и на условіи уступки безвозмездно Китаю самой построенной дороги черезъ извѣстный промежутокъ времени (80 лѣтъ). Само собою ясно, что это обстоятельство было истолковано всѣми за желаніе Россіи постепенно оккупировать Манчжурію, уступленную ей Китаемъ по особому «секретному договору», тѣмъ болѣе что Россія дѣйствительно получала право на охрану строящейся дороги своими войсками. На самомъ дѣлѣ, однако, такого секретнаго договора не было: Россія дѣйствительно строила дорогу для Китая, она дѣлала Манчжурію страною, открытою для міровой торговли, она обогащала манчжурское населеніе огромными затратами на строящуюся и эксплоатируемую дорогу, но всѣ налоги съ этого населенія поступали попрежнему въ пользу китайскаго правительства, самая охрана линіи производилась за счетъ общества (т. е. въ сущности русской казны), вновь устраиваемый портъ Дальній признанъ былъ открытымъ (porto-franco), таможенные и портовые сборы въ Инкоу и Нью-Чжуанѣ (портахъ судоходной Ляохе), достигающіе

довольно крупныхъ суммъ, попрежнему остались въ распоряженіи китайскихъ властей, хотя количество этихъ сборовъ возросло въ значительныхъ размѣрахъ именно вслѣдствіе проведенія манчжурской жел. дор.

Трудно сказать, какой задачей мы въ данномъ случаѣ руководились. Если Манчжурію изъ нежеланія ссориться съ Китаемъ или по инымъ соображеніямъ не предполагалось присоединять къ русскимъ владѣніямъ, то сооруженіе желѣзной дороги черезъ чужую (и въ будущемъ) территорію приходится признать *крайне неудачнымъ и раззорительнымъ предпріятіемъ*. Дальній могъ имѣть для насъ значеніе только какъ портъ *ввозной*, его торговля должна была убить Владивостокъ, иностранные товары должны были совершенно вытѣснить (черезъ Манчжурію) русскіе изъ Пріамурья и даже изъ Сибири. И за все это мы должны были охранять на свой счетъ порядокъ вдоль линіи желѣзной дороги и эксплоатировать послѣднюю себѣ въ убытокъ. Другое дѣло, конечно, если бы Манчжурія была прямо присоединена къ Россіи. Въ этомъ случаѣ граница наша съ Китаемъ довольно значительно сократилась бы и по естественнымъ условіямъ стала бы гораздо болѣе удобной для ея охраны; въ Манчжуріи введена была бы русская система обложенія, портовые и таможенные сборы манчжурскихъ портовъ поступали бы въ пользу русскаго правительства, израсходованные на сооруженіе и эксплоатацію дороги деньги обратно возвращались бы въ казну при помощи правильно дѣйствующаго податного аппарата, при таможенномъ покровительствѣ былъ бы открытъ въ Манчжурію ходъ русскимъ товарамъ (покровительство легко было бы создать и спеціальными желѣзнодорожными тарифами), и Манчжурія не только ничего бы не стоила намъ, но при своихъ огромныхъ естественныхъ богатствахъ, довольно густо (въ южной части) заселенная, давала бы намъ хорошій доходъ, была бы цѣннымъ пріобрѣтеніемъ (конечно какъ управляемая нами колонія, но не какъ мѣсто для русскихъ поселенцевъ). Дальній, разсчитанный

прямо на соперничество съ Гонконгомъ, Шанхаемъ, Тянь-Цзинемъ и Инкоу, благодаря своей желѣзной дорогѣ, имѣющей быть проложенной впослѣдствіи въ глубь Китая, съ лучшими и болѣе дешевыми портовыми сооруженіями, не стѣсненный, какъ упомянутые порты, недостаточностью берегового протяженія и скученностью, узкими рѣками съ ихъ періодическимъ мелководьемъ и большими расходами по перегрузкѣ, со временемъ могъ стать однимъ изъ важнѣйшихъ транзитныхъ портовъ Великаго океана, принося безчисленныя прямыя и косвенныя выгоды Россіи. Но все это лишь при условіи присоединенія къ русской территоріи Манчжуріи, а отнюдь не при условіи оставленія ея въ рукахъ Китая. Мы не противорѣчимъ себѣ: по нашему мнѣнію, Манчжурію присоединять къ Россіи, занимать Артуръ и Дальній строить восточную китайскую жел. дорогу не слѣдовало. Но разъ эта ошибка была уже сдѣлана, дорога сооружена, сооружены порты, затрачены кровныя деньги русскаго народа въ чужой территоріи, то оставался единственный выходъ для поправленія ошибки: сдѣлать эту территорію своей, а не бросать ее безъ всякой защиты, на произволъ судьбы и на волю воинственной сосѣдки.

Чѣмъ же объяснить нашу удивительную политику въ Манчжуріи? Неужели возможно было допустить такую невозможную ошибку, какъ сооруженіе на чужой территоріи огромнаго рельсоваго пути, созданіе на немъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, постройку новыхъ городовъ и портовъ? Мы думаемъ, что теперь дѣло уже нѣсколько проясняется. Русское правительство дѣйствительно сознавало всю трудность занятія и присоединенія къ намъ Манчжуріи, страны богатой, но въ южной (лучшей) своей части густо заселенной и, слѣд., не пригодной для русской колонизаціи, и очень отъ центральной Россіи удаленной, чтобы можно было разсчитывать на сбытъ туда нашихъ издѣлій. Эксплоатировать свои колоніи мы совер-

шенно не умѣемъ, насъ самихъ эксплоатируютъ иностранцы, и присоединеніе къ Россіи Манчжуріи грозило въ сущности для центра новой статьей крупнаго расхода. Поэтому общество наше и печать весьма единодушно высказалось противъ этого присоединенія. Но *оккупація* чужой провинціи, безъ ея окончательнаго присоединенія совершенно уже, казалось, не имѣла смысла. И дѣло объясняется довольно просто *стратегическими* соображеніями. Сперва, послѣ вмѣшательства въ японско-китайскую войну, Россія обратила вниманіе на Корею, предполагая здѣсь имѣть выходъ къ незамерзающему порту Тихаго Океана для великаго Сибирскаго пути. За смертью кн. А. Б. Лобанова мысль о Кореѣ была оставлена, чтобы не вступать съ Японіей въ конфликтъ. Но когда увидѣли, что Японія все-таки дѣятельно готовится къ войнѣ съ Россіей, спѣшно заняли Артуръ, какъ базу на случай этой войны для нашего флота. Отрѣзанный отъ Россіи Артуръ не представлялъ стратегически никакой цѣнности: рѣшили соединить его съ Россіей рельсовымъ путемъ. Отсюда—соглашеніе съ Китаемъ о проведеніи дороги черезъ Южную Манчжурію,—молчаливое соглашеніе о взаимной оборонѣ противъ Японіи. Когда же войны съ Японіей не послѣдовало (Японія не была готова, мы же думали что она отказалась отъ мысли о борьбѣ съ нами, когда увидала въ нашихъ рукахъ прочную стратегическую базу), а огромныя деньги были израсходованы въ Манчжуріи, мелькнула мысль объ извлеченіи изъ дороги нѣкоторыхъ *экономическихъ* выгодъ. Отсюда забвеніе военныхъ цѣлей, пренебреженіе Артуромъ и военнымъ флотомъ, созданіе Дальняго и пароходства восточно-китайскаго общества,—а затѣмъ и общее негодованіе, зачѣмъ мы „полѣзли“ въ ненужную намъ (экономически) Манжурію. Уходить, затративъ огромныя деньги, было уже нельзя. Оставался одинъ выходъ—войти въ соглашеніе съ Китаемъ и присоединить Манчжурію къ Россіи окончательно. Однако, прямое присоединеніе Манчжуріи казалось совершенно невозможнымъ

въ виду нашей «дружбы» съ Китаемъ и отторженія уже отъ него Формозы, Кореи, съ уплатой еще и огромной контрибуціи Японіи. Такъ первая ошибка (заступничество за Китай противъ Японіи, но съ извлеченіемъ отсюда для Японіи выгодъ за счетъ Китая) влекла за собой вторую: занятіе Монголіи и даже Манчжуріи, естественное и справедливое взамѣнъ помощи противъ Японіи и избавленія отъ контрибуціи и уступки территоріи японцамъ, становилось явно несправедливымъ при условіи предоставленія одновременно Японіи воспользоваться выгодами отъ своей побѣды.

Итакъ, мы Манчжуріи не взяли, предпочитая сохраненіе «дружбы» и съ китайцами, и съ японцами. Но ни тѣ, ни другіе не могли повѣрить этой дружбѣ, не могли представить себѣ, чтобы государство могло затрачивать сотни милліоновъ рублей въ пользу другого государства. Въ нашихъ дѣйствіяхъ видѣли скрытую цѣль, и въ 1900 г., когда манчжурская дорога была почти готова, китайцы внезапно напали на Благовѣщенскъ и одновременно разрушили желѣзную дорогу. Вслѣдъ затѣмъ вспыхнуло общее возстаніе противъ европейцевъ, и, хотя китайское правительство очевидно стояло во главѣ этого возстанія, европейская дипломатія объявила его «боксерскимъ», противоправительственнымъ, и рѣшила выступить не противъ, а въ защиту китайскаго правительства. Такое единственное въ своемъ родѣ толкованіе военныхъ китайскихъ операцій противъ Россіи, дѣлающее невозможнымъ присоединеніе къ Россіи китайскихъ завоеванныхъ нами областей, было принято и нами, хотя несомнѣнно направлено было именно противъ насъ. Во всемъ дѣлѣ, какъ извѣстно, мы сыграли первую роль: подъ начальствомъ русскихъ взяты были Таку, Тянь-тзинь и Пекинъ, мы уничтожили китайскія полчища въ Монголіи и Манчжуріи, мы охранили и возстановили Шанхай-Гуаньскую желѣзную дорогу, ведущую къ порту Цинь-Ванъ-Дао, который собственно и долженъ былъ бы служить, вмѣсто Дальняго,

конечнымъ пунктомъ Сибирской желѣзной дороги. Играя въ этомъ «усмиреніи» Китая столь важную роль, мы естественно должны были разсматриваться китайцами, какъ главные ихъ враги, мысль о «дружбѣ» приходилось совершенно оставить, и въ вознагражденіе за наши потери, а также для обезпеченія нашей границы въ будущемъ естественно напрашивалось само собою присоединеніе къ Россіи всѣхъ сѣверныхъ областей Китая по великую стѣну, т. е. Манчжуріи и Монголіи и съ проведеніемъ далѣе (на Западъ отъ Великой стѣны) естественной границы по хребтамъ Алтынъ-Тагъ, Куэнь-Лунь и Кара-Корумъ, чѣмъ разъ на всегда выполнялась-бы одна изъ важнѣйшихъ нашихъ историческихъ задачъ по созданію Южно-Азіатской границы и пріобрѣтенію побережья Тихаго Океана къ Сѣверу отъ Шанхай-Гуаня (Цинь-Ванъ-Дао). Отъ денежной контрибуціи (весьма затруднительной для Китая) мы въ этомъ случаѣ могли бы отказаться, предоставивъ таковую всецѣло другимъ европейскимъ державамъ. При всемъ томъ, не можемъ не повторить, что собственно присоединеніе *Южной Манчжуріи* съ *экономической* точки зрѣнія мы лично считаемъ *нежелательнымъ*, оно несомнѣнно было бы *вынужденнымъ*, вслѣдствіе произведенныхъ тамъ нами огромныхъ затратъ, и выгоды для нашей торговли и промышленности наврядъ ли принесло бы (не смотря на то что буквально вся долина рѣки Ляо съ ея притоками сплошное *золотое* дно,—одна изъ богатѣйшихъ въ мірѣ золотыхъ розсыпей). Но *стратегическое* (противъ Японіи) занятіе Манчжуріи было необыкновенно удачно, что доказала вполнѣ нынѣшняя война, начатая для насъ при исключительно невыгодныхъ условіяхъ: 10 мѣсяцевъ, безъ флота, съ одноколейной неустроенной дорогой, сперва совершенно безъ войска мы могли держаться съ большимъ успѣхомъ, не смотря на множество всевозможныхъ ошибокъ и неблагопріятно сложившихся для насъ случайностей. Японцы не могли продвинуться даже до Мукдена, Артуръ съ остатками флота ока-

залъ необычайно могучее сопротивленіе, русская территорія осталась въ полной неприкосновенности.

Надлежащаго однако сознанія даже этого стратегическаго значенія для Россіи Манчжуріи у насъ не было.

Мы объявили принципъ нераздѣльности Китая, и, занявъ съ боя Манчжурію, введя туда войска для охраны своей желѣзной дороги, категорически утверждали, что это занятіе—только временное, впредь до водворенія въ Манчжуріи порядка, обезпечивающаго правильное желѣзнодорожное движеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы признали Китай обязаннымъ вознаградить Россію за понесенные вслѣдствіе боксерскаго возстанія убытки наравнѣ съ убытками другихъ державъ. Наши убытки (включая уничтоженіе желѣзной дороги) были исчислены въ 500 мил. франковъ при общей суммѣ убытковъ всѣхъ державъ въ 1,728 мил. франковъ, хотя, повторяемъ, главная роль при усмиреніи возстанія выпала на долю Россіи (мы мобилизировали армію въ 220,000 человѣкъ и значительную часть своего флота, Японія посылала свой корпусъ всего въ 30,000 человѣкъ, европейскія державы всего по нѣсколько полковъ). Контрибуція Китая послѣднимъ реализована не была, а была назначена къ уплатѣ въ теченіе 39 лѣтъ, при чемъ эта уплата остается проблематической, такъ какъ Китай и теперь уже уклоняется отъ ея правильнаго производства. Въ виду этого естественно всѣ державы (въ томъ числѣ и Китай) предполагали, что мы столь умѣрены въ своихъ требованіяхъ единственно вслѣдствіе намѣренія овладѣть окончательно Манчжуріей. Правда министръ финансовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ говорилъ положительно, что «не ожиданія выгодъ подвинули насъ на войну съ Китаемъ, а единственно сознаніе своей общности со всѣмъ человѣчествомъ», что «все это непреложно доказываетъ, что Россія въ высокой степени миролюбива не потому, что она слаба, а потому, что она могущественна и на могуществѣ своемъ не основываетъ ка-

кихъ-либо скрытыхъ своекорыстныхъ расчетовъ». Но для міра всего болѣе говорящимъ было то, что одновременно съ необычайной быстротой и энергіей мы приступили къ возстановленію разрушенной ж. дороги, къ организаціи ея пограничной стражи, къ укрѣпленію Артура и устройству порта въ Дальнемъ съ большимъ коммерческимъ пароходствомъ. Эти расходы поглотили по 1903 г. свыше 400 милл. р., изъ которыхъ свыше 46 милл. р. одна охрана жел. дороги, до 12 милл. р. организація пароходства, до 19 милл. р. портъ Дальній, свыше 250 милл. р. самая дорога, 70 милл. р. приведеніе ея въ порядокъ послѣ разрушенія. По бюджетамъ 1903—1904 гг. на ту же Китайскую Восточную дорогу было ассигновано еще свыше 60 милл. р., кромѣ того, нѣсколько десятковъ милл. р. составили расходы по оборонѣ Квантуна, не считая 100 милл. руб., израсходованныхъ на усмиреніе боксерскаго возстанія. Такихъ огромныхъ суммъ (свыше 600 милл. руб., не считая процентовъ на нихъ) никто безкорыстно не тратитъ, и для всѣхъ вопросъ объ окончательномъ присоединеніи къ Россіи Манчжуріи являлся только вопросомъ нѣкотораго времени. Тѣмъ болѣе неожиданнымъ показалось заявленіе русскаго правительства, что Манчжурія будетъ эвакуирована къ 8 октября 1903 г., и не могли не истолковать этого заявленія иначе, какъ вынужденнымъ давленіемъ Японіи или Англіи. Вынужденіе уже было признакомъ слабости, а не могущества, и Россія, если не желала лишиться разъ на всегда своего престижа великой державы, не должна была выполнять своего обѣщанія, тѣмъ болѣе, что оно было дано условно въ зависимости отъ положенія дѣлъ въ Манчжуріи и поведенія другихъ державъ.

Очищеніе Манчжуріи отъ русскихъ войскъ 8 октября 1903 г. не послѣдовало, потому что никакихъ тамъ войскъ, кромѣ пограничной стражи, какъ потомъ оказалось, не было и сейчасъ же Японія выступила со своими настойчивыми требованіями и представленіями. Предполагать однако, что

дѣло кончится непремѣнно войной, было совершенно невозможно вслѣдствіе крайней рискованности и безцѣльности ея для Японіи. Россія употребила всѣ усилія, чтобы предотвратить войну, но оказалось, что Японія жаждаетъ войны ради самой войны, что Японія просто хочетъ пустить въ ходъ пріобрѣтенное ею за счетъ китайской контрибуціи оружіе, которое иначе можетъ оказаться ненужнымъ и постепенно прійти въ негодность, устарѣть. И война состоялась. Она состоялась бы при всякихъ уступкахъ съ нашей стороны, еслибы мы даже освободили Артуръ, уступили безъ всякихъ условій Японіи Корею, допустили оккупацію Южной Манчжуріи Японіей. Въ сущности намъ было очень выгодно дѣлать *какія-угодно* уступки, и разъ Японія рѣшилась на *требованія*, ясно было что *вынужденныя* отъ насъ уступки *рано или поздно* приведутъ къ войнѣ. Для японцевъ выгоднѣе было вести войну *рано*, ибо они были къ войнѣ готовы, для насъ *поздно*, ибо мы тогда успѣли бы подготовиться. Война въ сущности именно оттого и произошла, что мы къ ней не были готовы. Наша поразительная беззащитность на Дальнемъ Востокѣ, полное отсутствіе арміи и слабость флота—побуждали японцевъ напасть на насъ, какъ раньше напали они на беззащитный Китай, и одержать *легкую* и быструю побѣду. О Сибирской дорогѣ говорили, что она не въ состояніи перевезти сколько-нибудь большую армію, кромѣ того предполагалось дорогу перервать шайками хунгузовъ, разсчитывали и на безпорядки внутри Россіи. Балтійскій флотъ запоздалъ въ изготовленіи почти на два года: всѣ суда, вышедшія въ составѣ эскадры Рожественскаго въ октябрѣ 1904 г., должны были быть готовы по плану и смѣтамъ (и ассигновкамъ) къ 1902 году. Еслибы Японія согласилась на наши уступки, она рисковала, что *черезъ годъ* флотъ будетъ готовъ, что куплены нами будутъ новыя военныя суда и по крайней мѣрѣ 30 броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ нашихъ окажется въ

водахъ Тихаго Океана противъ 14 японскихъ. Тогда Россія могла бы просто *предложить* Японіи освободить уступленныя ей и занятыя ею области, и Японіи оставалось бы только исполнить это предложеніе. Войны бы, конечно, не было, ибо неравенство въ силахъ было бы слишкомъ велико, но престижъ Японіи, столь дорогой для молодого государства, былъ бы потерянъ. Поэтому-то напрасно думаютъ, что наши уступки предотвратили бы войну: Японія все-равно ее объявила бы.

III.

Едва началась война, какъ у насъ появились своего рода японофилы, всячески оправдывающіе всѣ дѣйствія Японіи въ ея отношеніяхъ къ Россіи и обвиняющіе русское правительство, которое съ одной стороны всячески будто бы вызывало войну съ Японіей, а съ другой стороны *совершенно* къ ней не готовилось. Разсужденія этихъ лицъ до того грѣшатъ незрѣлостью политической мысли и незнаніемъ общеизвѣстныхъ фактовъ, что ихъ можно было бы оставить безъ вниманія, но, къ сожалѣнію, въ обществѣ эти разсужденія очень распространены, и, слѣдовательно, съ ними приходится считаться. Доказываютъ, напримѣръ, что Россія не имѣетъ никакихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, какъ и вообще не имѣетъ *никакихъ* внѣшнихъ интересовъ и должна заботиться только о своихъ внутреннихъ дѣлахъ, что ей не нужны незамерзающіе порты на Тихомъ океанѣ (какъ не нужны, по мнѣнію тѣхъ же лицъ, и на Персидскомъ заливѣ), тѣмъ болѣе не нужна Манчжурія, которую (по мнѣнію одной почтенной провинціальной газеты) слѣдовало бы не только возвратить Китаю, но и заплатить ему милліардъ рублей скорѣе, чѣмъ оставить въ нашихъ рукахъ эту одну изъ богатѣйшихъ въ мірѣ областей,—что Россія *страдаетъ отъ многоземелья* и не нуждается поэтому въ увеличеніи своей территоріи, тогда какъ плотность населенія въ Японіи очень велика, и ей необходимы новыя земли, которыхъ ей не даетъ Россія,—что это «культурное» государство настаиваетъ совершенно основательно на возвращеніи «варварскаго» отечества нашего въ прежнія границы, за Амуръ и даже за Байкалъ.

Мы уже говорили выше, что невозможно, напротивъ, считать историческую задачу Россіей выполненной, пока она не имѣетъ свободнаго выхода къ незамерзающимъ портамъ Индійскаго и Тихаго океановъ, что къ подобнымъ выходамъ неизмѣнно стремились и стремятся всѣ великія и жизнеспособныя государства, въ интересахъ какъ настоящихъ, такъ и *будущихъ* поколѣній, что только такія естественныя границы обезпечиваютъ государствамъ миръ и правильное экономическое развитіе. Настоящее преступленіе не достичь этихъ выходовъ, если по дорогѣ къ нимъ лежатъ области, занятыя некультурными народами, исторически предназначенными къ завоеванію болѣе культурными и жизнеспособными народами. Если эти области кромѣ того мало заселены, а сами по себѣ плодородны и обладаютъ большими естественными богатствами, не будучи эксплоатируемы своимъ населеніемъ по бѣдности и невѣжеству, то занятіе ихъ великимъ культурнымъ государствомъ—есть важный и настоятельный долгъ передъ всѣмъ цивилизованнымъ человѣчествомъ. Всякія сантиментальныя разсужденія на ту тему, что мы здѣсь посягаемъ на собственность дружественныхъ державъ, на суверенныя права разныхъ средне-азіатскихъ владыкъ, на свободу мирныхъ народовъ,—совершенно несостоятельны, особенно, когда идутъ по адресу Россіи: всѣ присоединенныя къ Россіи области съ полудикимъ населеніемъ: Крымъ, Кавказъ, Закавказье, Средняя Азія ассимилированы съ Россіей, населенію ихъ даны одинаковыя права съ русскимъ кореннымъ, благосостояніе этого инородческаго населенія чрезвычайно возросло за время русскаго владычества и не можетъ идти въ сравненіе съ благосостояніемъ населенія оставшихся независимыми отъ Россіи странъ, откуда часты просьбы послѣдняго о присоединеніи къ Россіи или о русскомъ протекторатѣ. То же явленіе наблюдалось и въ Манчжуріи, гдѣ коренное населеніе (манчжуры), разбогатѣвшее подъ короткимъ русскимъ управленіемъ, весьма дружески къ намъ относится, за исклю-

ченіемъ хунхузовъ, немногочисленнаго чисто-китайскаго населенія и властей. Мы лично думаемъ, что туземному населенію Манчжуріи ея русская оккупація приносила и приноситъ гораздо больше пользы, нежели Россіи и русскому населенію. Вотъ почему, настаивая на урегулированіе русской границы въ сторону Восточнаго Туркестана и Монголіи и на выходѣ къ незамерзающимъ портамъ Тихаго Океана въ Кореѣ, мы съ самаго начала возражали противъ оккупаціи именно Манчжуріи (особенно ея южной части, ибо сѣверная по крайней мѣрѣ даетъ возможность спрямленія сибирской магистрали).

Соображенія о чрезвычайномъ обиліи у насъ свободныхъ земель рѣшительно ни на чемъ не основаны: свободныхъ для экстенсивнаго хозяйства земель уже почти нѣтъ въ Европейской Россіи, ихъ мало даже въ Сибири, не смотря на вообще огромную площадь занимаемаго нами пространства. Но пока наши конкурренты по вывозу сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Европу не перейдутъ къ интенсивному хозяйству, невозможенъ такой переходъ и для насъ, а въ Европѣ интенсивная система процвѣтаетъ единственно подъ покровомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Отсюда— необходимость для нашего крестьянства новыхъ земель, чѣмъ объясняется и постоянная эмиграція населенія изъ внутренней Россіи. Эмиграція эта достигаетъ огромныхъ размѣровъ, и только одна она можетъ служить истиннымъ мѣриломъ нашей нужды въ землѣ, а не подсчеты, сколько на душу населенія у насъ приходится земли сравнительно съ З. Европой, гдѣ условія хозяйства совсѣмъ иныя. Конечно, и условія нашего хозяйства можно измѣнить, и надо работать въ этомъ направленіи, улучшая системы обработки земли. Но пока мы добьемся здѣсь какихъ либо результатовъ, народъ все-равно будетъ выселяться. Уже въ 1896 г. притокъ переселенцевъ въ Сибирь (только зарегистрованныхъ) достигалъ цифры 202.302 человѣкъ, въ 1898 г.—

209.519 чел., въ 1899 году—227.200 чел., въ 1900 г.—225.627 чел. [1]). Въ десятилѣтіе 1891—1900 г.г. только въ С. Штаты С. Америки эмиграція изъ Россіи составила 525.595 человѣкъ [2]), а вообще эмиграція изъ Россіи составляетъ во всякомъ случаѣ свыше 70 тысячъ человѣкъ ежегодно, въ нѣкоторые же годы (голодный 1891-ый) она превосходила 100 тысячъ человѣкъ [3]). Для сравненія припомнимъ, что изъ Германіи въ пятилѣтіе 1898—1902 г. выселяютъ всего 123.024 чел., т. е. въ среднемъ только по 24.605 человѣкъ. Русскіе, слѣд., имѣютъ меньше шансовъ на заработки у себя дома, чѣмъ нѣмцы. Характерно, что такой эмиграціи изъ Японіи вовсе не наблюдается, не смотря на густоту ея населенія. Еще характернѣе, что цѣлый рядъ японскихъ острововъ, въ томъ числѣ Курильскіе, Іезо, Формоза, заселены очень слабо (Іезо на 94 тыс. кв. кил. имѣлъ всего 610 тыс. жит., на Формозѣ съ Пескадорскими о-вами въ 35 тыс. кв. кил. было около 2,7 мил. населенія китайскаго и всего нѣсколько десятковъ тысячъ челов. японцевъ), не смотря на чудный свой климатъ и отличныя естественныя богатства (климатъ Іезо, по свидѣтельству проф. А. Н. Краснова, напоминаетъ климатъ лучшихъ мѣстъ нашего Черноморскаго побережья). Не смотря на огромную плотность населенія и на то, что до 60% его живетъ земледѣліемъ, *площадь, занятая земледѣльческими культурами, весьма незначительна.* Для собственной Японіи (безъ Іезо и Формозы) она составляетъ лишь 17½% всего пространства и *весьма мало измѣняется съ теченіемъ времени.* Этотъ процентъ самый низкій, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ за исключеніемъ Швеціи, Норвегіи и Финляндіи. Даже въ Швейцаріи обрабатывается до 19% всей площади земли,

---

[1]) См. Сибирская жел. дорога, оффиц. изданіе, 1903 г. стр. 299—300.

[2]) Statesman's year book 1904 г. стр. 1033.

[3]) Внѣшняя торговля Россіи 1902 года, Спб. 1904 г. стр. 91.

въ Европейской Россіи подъ земледѣльческими культурами состоитъ болѣе 24% всей поверхности [1]). Какъ въ собственной Японіи, такъ въ особенности на Іезо (Хоккаидо) имѣется еще *обширный запасъ цѣлинныхъ земель*, которыя могутъ быть обращены въ поля для воздѣлыванія частью риса и высокоцѣнныхъ торговыхъ растеній, но главнымъ образомъ, другихъ менѣе цѣнныхъ хлѣбныхъ и торговыхъ растеній. *Количество этихъ земель почти равно находящимся нынѣ въ обработкѣ* [2]). Отсюда, не смотря на чрезвычайную, казалось бы, плотность населенія, которая должна была бы породить огромную эмиграцію въ другія страны—земледѣльческихъ классовъ,—*эмиграціи изъ Японіи нѣтъ вовсе*. Эмиграція японцевъ въ Америку, Австралію, Китай, Корею и Россію (число такихъ японцевъ въ концѣ 1902 г. составляло всего 139.553, изъ которыхъ 97.404 въ С. Штатахъ С. Америки) [3])—исключительно временная, на заработки; въ частности эмиграція въ Корею (22.471 чел. къ 1902 г.) искуственно поощрялась правительствомъ путемъ зачисленія проведеннаго въ Кореѣ времени въ число лѣтъ, требуемыхъ для отбытія воинской повинности. Объясняется это явленіе исключительной акклиматизированностью японцевъ у себя дома, любовью къ скученной жизни на своихъ благословенныхъ островахъ, развитіемъ промышленной жизни въ странѣ, когда возможны большіе заработки при скученномъ населеніи, нежели при занятіи земледѣліемъ на полупустынныхъ островахъ. Эмигрировавшіе японцы также земледѣліемъ нигдѣ не занимаются, а лишь торговлею и разными промыслами. Кромѣ того, даже для эмиграціи вовсе не требуется присоеди-

---

[1]) Очеркъ экономическаго положенія Японіи *Н. И. Кохановскаго*, Владивостокъ 1903 г. стр. 2—4.

[2]) Ibid. стр. 14. Всѣ свѣдѣнія этой книги по лучшимъ англійскимъ и американскимъ источникамъ.

[3]) Statesman's year book 1904 г. стр. 859.

неніе къ странѣ, постановляющей эмигрантовъ, тѣхъ странъ, куда они переселяются: страдающее отъ малоземелья нѣмецкое населеніе, массами (съ японской эмиграціей здѣсь и сравненія быть не можетъ) выселяется въ Америку, Россію, Малую Азію, Африку, но никогда о присоединеніи ихъ къ Германіи не подымалось даже вопроса.

Почему же считать для цѣлей японской эмиграціи необходимымъ присоединеніе къ ней Кореи—страны и безъ того, кстати, довольно густо заселенной, тѣмъ болѣе какихъ-либо русскихъ и китайскихъ областей? Почему Россія якобы стала на пути японской эмиграціи, которая, между прочимъ, совершенно свободно была допущена даже въ самую Россію? Да и пусть раньше *докажутъ*, что Японія, не выселившая никуда ни одного эмигранта, дѣйствительно нуждается въ новыхъ территоріяхъ?

Почему, наконецъ, Японіи надо было распространяться на азіатскій материкъ, а, напримѣръ, не на Филиппины, объ уступкѣ которыхъ Японіи Америкой говорятъ и теперь? Между тѣмъ и сама Японія, и наши японофилы оправдываютъ настоящую войну именно препятствованіемъ Россіей японскому «естественному» расширенію, пріобрѣтенію новыхъ земель для японскаго избыточествующаго населенія. Любопытнѣе всего, что Россія, несомнѣнно имѣвшая первоначально виды на Корею, подъ давленіемъ японскихъ настояній рѣшила отъ нея отказаться, при чемъ отказъ отъ Южной Кореи дѣлался подъ единственнымъ условіемъ, чтобы японцы не укрѣпляли Мозампо, т. е. не препятствовали бы сообщенію моремъ между Артуромъ и Владивостокомъ. Въ Кореѣ Японіи представлялось рѣшительно все, вплоть до права введенія своихъ войскъ для охраны своихъ подданныхъ и концессій. Слѣдовательно, *для расширенія Японіи за счетъ Кореи препятствій со стороны Россіи не дѣлалось.* И все-таки Японія объявила Россіи войну! Война

была бы объявлена при всякихъ обстоятельствахъ, даже если бы Россія очистила Манчжурію, такъ какъ принципъ Японіи «Otes-toi, que je m'y mette», простирался такъ далеко, что она готова была требовать освобожденія Квантуна, уступки Владивостока, отказа нашего отъ права держать на Тихомъ океанѣ военный флотъ. Японія желала стать на мѣстѣ Россіи на побережьяхъ Великаго океана, она желала заполучить осыпанную русскимъ золотомъ и снабженную драгоцѣнной желѣзной дорогой Манчжурію, она мечтала о паназіатскомъ союзѣ, она мечтала о гегомоніи на аізатскомъ материкѣ. Ни разу не поднятъ былъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, чтобы пріобрѣсти у русскихъ манчжурскую желѣзную дорогу за деньги, ее требовали даромъ... При такихъ условіяхъ война была неизбѣжна при всякихъ нашихъ уступкахъ,—уступки, напротивъ разжигали еще болѣе страсти, заставляя думать, что Россія дѣйствительно безсильна, что Сибирская дорога не способна къ массовой перевозкѣ войскъ, что внутри Россіи грозитъ возстаніе «притѣсняемыхъ» ею инородцевъ, грозятъ извнѣ осложненія на Балканахъ и съ Австріей, какъ увѣряли японцевъ англійскія и американскія газеты. Ведя переговоры о Кореѣ и Манчжуріи, Японія въ то же время дѣятельно подготовлялась къ войнѣ, *дѣйствуя совершенно открыто*, что именно и заставляло сомнѣваться въ ея искренности и думать, что Японія только грозитъ, но на самомъ дѣлѣ не рискнетъ войною. Отсюда, будучи при томъ готовы на всевозможныя уступки, мы далеко не такъ дѣятельно готовились къ войнѣ-какъ слѣдовало бы. Въ этой-то именно *нашей неподготовленности* и надо искать *главную причину войны*. Остальное—только *предлогъ* для войны, но не причина. Слабость всегда и вездѣ вызывала предпріимчивыхъ сосѣдей на нападеніе. Вспомнимъ еще недавній разгромъ Америкой Испаніи и Англіей Трансвааля, той же Японіей — Китая. Наша сла, бость на Дальнемъ Востокѣ сулила Японіи быструю и лег-

кую побѣду, а уступки, на которыя мы шли, ясно указывали на эту слабость.

Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что если не все главное было правительствомъ своевременно приготовлено, то и нельзя сказать, чтобы вовсе не было сдѣлано ничего. Нужно быть справедливыми и объективными, иначе *огульное* осужденіе *всѣхъ* правительственныхъ дѣйствій будетъ имѣть видъ совершенно необоснованныхъ, голословыхъ утвержденій, вызываемыхъ не желаніемъ отысканія истины, а преслѣдованіемъ извѣстныхъ политическихъ цѣлей. Тогда устранится различіе между обвиненіемъ правильнымъ и неосновательнымъ, и самыя серьезныя и правильныя указанія правительственныхъ ошибокъ потеряютъ свою цѣну и въ глазахъ общества, и въ глазахъ правительства, ибо истину будетъ разыскать весьма трудно. Мы стараемся по этому избѣгать всякихъ *огульныхъ* осужденій, указать на то, что было сдѣлано удачно и подыскать объясненія самымъ ошибкамъ правительства въ его движеніи на Дальній Востокъ.

Итакъ прежде всего готова была желѣзная дорога, которая оказалась въ гораздо большемъ порядкѣ, чѣмъ всѣ думали, и подъ такой прекрасной охраной, что испортить ее не могли при величайшихъ усиліяхъ врага; дорога же обезпечивала подвозъ войскъ изъ внутренней Россіи, сосредоточеніе которыхъ заранѣе, до войны, могло оказаться безцѣльнымъ, если бы войны не было, по дорогимъ предпріятіемъ, а въ случаѣ отправки ихъ обратно война все же должна была вспыхнуть. Слѣдовательно, пришлось бы держать на Дальнемъ Востокѣ постоянную 500,000 армію, что дороже войны. Къ сожалѣнію, какъ указано выше, требованія намѣстника кредитовъ на *окончательное* укрѣпленіе и улучшеніе Портъ-Артура исполнены не были, и вмѣсто того, была устроена превосходная база для японцевъ въ Дальнемъ. Но здѣсь уже все несчастье—въ той розни, которая существуетъ у насъ въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ

одно вѣдомство препирается и состязается съ другимъ,— къ большому ущербу для *общаго* дѣла. У насъ тоже была и партія *войны* (требовавшая усиленія военныхъ средствъ на Дальнемъ Востокѣ) и партія *мира* (отказывавшая въ этихъ средствахъ).

Далѣе готовы были и въ относительномъ порядкѣ двѣ приморскія первоклассныя крѣпости (Владивостокъ и Артуръ), препятствующія военнымъ операціямъ на побережьяхъ Тихаго океана въ очень значительной степени. Третья, необходимая для этой цѣли крѣпость (въ Мозампо), не могла быть готова, такъ какъ Корея была не въ нашихъ рукахъ. Конечно, невозможность содержанія 500.000 арміи не исключала возможности держать армію въ 100.000 человѣкъ, особенно въ виду явныхъ угрозъ Японіи, но такой арміи при огромности защищаемой ею территоріи было бы недостаточно для предотвращенія войны, какъ на самомъ дѣлѣ и оказалось (всѣхъ войскъ къ началу войны у насъ было до 70 тыс. чел. на Дальнемъ Востокѣ, не считая 50 тыс. корпуса пограничной стражи, великолѣпно снаряженнаго и снабженнаго даже горной скорострѣльной артиллеріей, которой не было въ нашей арміи).

Наконецъ, флотъ нашъ былъ доведенъ до весьма солиднаго состава, и все лучшее изъ этого флота было переведено на Дальній Востокъ. Тихоокеанскія эскадры наши не могли еще равняться съ японскими, но сила ихъ оказалась такова, не смотря на первую неудачу, что японскій флотъ буквально былъ прикованъ къ Портъ-Артуру, не будучи въ состояніи ничего выдѣлить для операцій ни противъ Владивостока, ни противъ Сахалина, ни противъ портовъ Приморской области. Мало этого, благодаря постоянной угрозѣ со стороны нашего флота, особенно владивостокской крейсерской эскадры, транспортныя операціи японцевъ были страшно затруднены, мобилизированныя своевременно войска доставлены и высажены были на материкѣ съ такою проволочкою времени,

что Артуръ успѣли укрѣпить съ суши, снабдивъ его всѣми необходимыми запасами, а армію увеличили на четыре корпуса прежде, чемъ японцы могли приступить къ рѣшительнымъ операціямъ. Важнѣйшія ошибки были допущены *морскимъ вѣдомствомъ*, не сумѣвшимъ изготовить въ срокъ тѣ четыре первоклассныхъ броненосца (Александръ III, Бородино, князь Суворовъ и Орелъ), которые должны были бы быть въ Артурѣ уже въ 1903 году. Другая ошибка того же вѣдомства, что оно не сумѣло (вѣрнѣе не пожелало) пріобрѣсти готовые броненосные крейсера Чили (Libertad и Constitucion) и Аргентины (Rivadavia и Mareno—теперь Ниссинъ и Кассуга), купленные поэтому передъ самой войной Англіей и Японіей,—самой лучшей конструкціи, наиболѣе современныхъ типовъ, не говоря уже о полной возможности пріобрѣтенія *передъ войной* еще шести превосходныхъ броненосныхъ крейсеровъ нѣсколько болѣе старыхъ типовъ у тѣхъ же государствъ (Esmeralda, O'Higgins, Garibaldi, Pueyrredon, San Martin и Belgrano), чего уже почти невозможно сдѣлать во время войны. Если бы были куплены эти 10 броненосцевъ (расходъ на это не превысилъ бы 80 милліоновъ рублей) войны съ Японіей не было бы, ибо мы имѣли бы на *Дальнемъ Востокѣ* въ январѣ 1904 г.—20 броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ противъ 12 японскихъ (хотя бы и лучшихъ, чѣмъ наши).

Такимъ образомъ обвиненіе русскаго правительства, что оно *не все* сдѣлано для обороны Дальняго Востока, что могло бы сдѣлать — справедливо, но что его застали *совершенно* неготовымъ къ войнѣ, рѣшительно ни на чемъ не основано. Приготовляться къ войнѣ еще болѣе серьезно правительство находило очевидно неудобнымъ въ виду искреннихъ заявленій о своемъ миролюбіи; наконецъ, никто не вѣрилъ, что Японія рѣшится на борьбу съ нами въ виду ничтожныхъ шансовъ ея на окончательную побѣду надъ такой сильной державой, какъ Россія и невозможности

разсчитывать на поддержку противъ Россіи со стороны какой-либо другой державы, ибо и для Европы, и для Америки разгромъ Японіи чрезвычайно выгоденъ и, несомнѣнно, завѣтная ихъ мечта. Побѣда Японіи означала бы страшный подъемъ желтыхъ народовъ, преобладаніе Японіи въ Китаѣ, гегемонію Японіи въ Азіи, возможность созданія Японіей колоссальной арміи и военнаго флота, изгнаніе въ ближайшемъ будущемъ Франціи изъ Индо-Китая и Англіи изъ Индіи, развитіе японской промышленности и торговли въ ущербъ американской и европейской, быть можетъ закрытіе для послѣднихъ всѣхъ японскихъ и китайскихъ портовъ. Поэтому только полная увѣренность въ побѣдѣ Россіи пробуждала Англію и Америку заигрывать съ Японіей и побуждать ее на войну съ Россіей; такая война сулила все наилучшее для нейтральныхъ державъ: разгромъ Японіи, важнѣйшей ихъ соперницы политической и экономической, сильное ослабленіе другого соперника—Россіи, всегда непобѣдимой, всегда кажущейся опасной, и все это за чужой счетъ безъ всякихъ расходовъ и потерь со стороны нейтральныхъ державъ, напротивъ получающихъ огромныя косвенныя выгоды отъ поставки по вздутымъ цѣнамъ воюющимъ сторонамъ разныхъ необходимыхъ имъ запасовъ и отъ кредитныхъ операцій изъ ростовщичьяго процента для тѣхъ же воюющихъ сторонъ. Очень можетъ быть, что принявъ въ обезпеченіе японскихъ займовъ таможенные сборы, а въ дальнѣйшемъ государственныя желѣзныя дороги и разныя фискальныя монополіи, въ томъ числѣ табачную, Западная Европа и Америка думаютъ окончательно подчинить Японію своему вліянію, взять ея финансы въ опеку, сперва на подобіе Турціи, а затѣмъ (кто знаетъ?) даже Египта. Несомнѣнно, что нѣкоторые выдающіеся японскіе дѣятели (напр. маркизъ Ито) все это отлично понимали, почему не только не высказывались за войну съ Россіей, но настаивали на *союзъ* съ ней, понимая, что Россія—сама рынокъ пот-

ребительный—не можетъ быть соперницей по торговлѣ и промышленности Японіи въ Китаѣ и не явится препятствіемъ для преобладанія послѣдней въ Кореѣ, и что политическое распространіе Японіи гораздо выгоднѣй и естественнѣй—при постепенномъ развитіи флота—на острова Тихаго океана, всего прежде на тѣ же Филиппины, а затѣмъ на пустынную еще Австралію, но не азіатскій материкъ. При такихъ условіяхъ война съ Россіей—для Японіи есть величайшая нелѣпость, грозящая ей сильнѣйшимъ экономическимъ разореніемъ, паденіемъ политическаго престижа, потерей экономической, а, можетъ быть, и политической самостоятельности, полнымъ банкротствомъ. Предполагать, что правительство микадо не понимаетъ этого, было немыслимо. А отсюда, естественно, и предположеніе, что Японія не рѣшится на войну съ нами, а удовольствуется вполнѣ сдѣланными Россіей уступками. Такъ думали всѣ серьезные политическіе дѣятели въ Европѣ и Америкѣ, такъ думала и рекомендовала наиболѣе солидная часть европейской прессы, такъ думало, конечно, и русское правительство.

Но случилось явленіе, встрѣчающееся въ исторіи молодыхъ военныхъ или возрождающихся народовъ: страсть къ политическимъ авантюрамъ, желаніе испытать свои силы въ борьбѣ съ другимъ великимъ народомъ, наконецъ слѣпая безотчетная ненависть къ этому народу. Къ этому присоединяется опьяненіе всѣхъ вообще народовъ военною славою, преклоненіе передъ побѣдами: Японію признали вѣдь цивилизованнымъ и равноправнымъ государствомъ только послѣ побѣды надъ Китаемъ,—что же сулила побѣда надъ Россіей! А вѣдь шансы на побѣду надъ Россіей у Японіи были,—по мнѣнію многихъ восточныхъ авторитетовъ Англіи и Америки,—другое дѣло, какіе это были авторитеты... Не одну Японію можно упрекать въ увлеченіяхъ. Можно ли представить себѣ что-нибудь нелѣпѣе вѣковой вражды Франціи къ Россіи, похода Наполеона въ 12 году, Крымской

кампаніи! А вѣдь въ свое время доказывалась и основательность, и необходимость этихъ кровопролитнѣйшихъ и разорительнѣшихъ войнъ, нелѣпость которыхъ сознана теперь почти уже всѣми... Все это были политическія авантюры. Но и въ недавнее время Америка объявила Испаніи войну единственно изъ желанія показать свою силу и стать въ рангъ военныхъ державъ. Съ того времени военный флотъ Америки увеличивается со сказочной быстротой, хотя Америкѣ рѣшительно никто и ничто не угрожаетъ, и ничего не будетъ невѣроятнаго, если Америка испробуетъ его въ другой авантюрѣ, напр. противъ Россіи въ защиту побежденной Японіи, противъ Турціи или противъ Китая. Этой авантюрѣ, какъ и всякой авантюрѣ, нельзя будетъ придумать *разумнаго* объясненія, но дѣйствительной причиной ея будетъ именно слабость того государства, на которое Америка нападетъ. Подобное предпріятіе заставитъ погибнуть много жизней и разоритъ государство на многіе годы, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Характерно, что къ подобнымъ предпріятіямъ всего больше склонны именно морскія державы, какъ наиболѣе обезпеченныя отъ возмездія на собственной территоріи. Стоитъ вспомнить только нелѣпую и безцѣльную борьбу Англіи на европейскомъ материкѣ противъ злополучной Франціи: сколько было съ той и другой стороны потрачено силъ и средствъ, какъ тормозилось ихъ экономическое и культурное развитіе! Теперь отношенія этихъ государствъ давно уже дружественныя, какъ дружественны теперь отношенія и между Россіей и Франціей, когда-то ведшихъ истощавшую ихъ и безцѣльную борьбу. Не прійдемъ ли мы въ концѣ концовъ къ союзу и съ Англіей, а, быть можетъ, еще раньше и съ той же Японіей?

Конечно, побѣда Японіи открыла бы ей самые широкіе горизонты, но мы твердо надѣемся, что, не смотря на первыя неудачи нашей арміи и флота, въ концѣ концовъ мы нанесемъ Японіи полное пораженіе на сушѣ, а при благо-

пріятныхъ условіяхъ и на морѣ [1]) и заставимъ ее положить оружіе. Устанавливать условія мира еще преждевременно, нельзя дѣлить шкуру медвѣдя, не убивъ его, да и вообще было бы смѣшно разсчитывать на извлеченіе какихъ бы то ни было выгодъ въ результатѣ войны собственно отъ Японіи,—страны бѣдной, островной, отъ насъ очень удаленной. Можно прямо сказать, что съ Японіи взять нечего, оттого она такъ смѣло и рѣшилась на борьбу. Но необходимо уже теперь окончательно опредѣлить цѣль войны, сдѣлать ее совершенно ясной для всѣхъ, чтобы знать твердо, какія средства мы можемъ и должны употребить для достиженія этой цѣли, что средства эти, какъ бы велики они ни были, будутъ затрачены для достиженія великой исторической задачи, а не на политическую авантюру.

Всякая война требуетъ затраты огромныхъ средствъ, особенно современная война, сопровождающаяся концентраціей огромныхъ массъ войска и требующая усовершенствованнаго вооруженія. Но не всякая война разорительна для государства: есть войны, которыя прямо ведутъ къ чрезвычайному обогащенію побѣдителя, напр. такая война, какъ германо-французская 1870 г. или екатерининскія турецкія войны, англійскіе захваты въ Индіи и Египтѣ, напи въ Средней Азіи. Но войны, веденныя не для завоеванія новыхъ территорій, войны династическія, войны идейныя, даже если онѣ вполнѣ побѣдоносны, совершенно истощаютъ страну. Таковы и тѣ четыре великихъ войны, о которыхъ мы упоминали въ первой главѣ настоящей книги. Наполеоновскія войны стоили Россіи однѣми деньгами свыше милліарда рублей, при чемъ пришлось на 600 мил. рублей увеличить бумажное денежное обращеніе, доведя курсъ ассигнацій до 20—25 коп. за рубль. Несмотря на побѣду

---

[1]) Послѣднія ошибки наши, выразившіяся въ отправкѣ слабой и неготовой къ бою эскадры адм. Рожественскаго, къ сожалѣнію, заставляютъ колебать надежду на побѣду нашу на морѣ.

въ 1813—14 гг., какъ и при пораженіяхъ 1805—1807 и 1812 гг., Россія совершенно была разорена и истощена, кредитъ упалъ до необходимости заключать займы свыше, чѣмъ изъ 7 проц. дѣйствительныхъ [1]), государственныя кредитныя установленія вынуждены были почти совершенно прекратить свою дѣятельность, налоги сильно возросли (введена была казенная продажа питей), а во всей нашей внутренней политикѣ наступилъ полный застой и реакція, и съ прекрасными мечтами первыхъ годовъ царствованія императора Александра I-го было покончено, ихъ смѣнили мечты Аракчеева... Тоже и теперь будетъ, или война кончится простой побѣдой безъ всякихъ другихъ выгодныхъ для Россіи послѣдствій. О войнѣ 1853—1855 гг. говорить не приходится: плачевные результаты ея слишкомъ извѣстны. Мы затратили на войну отъ 500 до 800 мил. руб., разстроили наше денежное обращеніе выпускомъ на 400 мил. руб. кредитныхъ билетовъ, мы потеряли свой военный и политическій престижъ. Но и враги наши ничего не выиграли, затративъ на войну еще больше нашего и ограничившись только военной славой и поднятіемъ своего политическаго значенія. Вслѣдъ за Крымской войной проведенъ былъ у насъ рядъ полезныхъ реформъ, которыя часто приписываютъ именно нашему разгрому, показавшему наглядно правительству наши непорядки. Поэтому, многіе и теперь желаютъ этого разгрома, въ чаяніи получить въ результатѣ его рядъ полезныхъ внутреннихъ реформъ. Но это ожиданія—напрасныя. Реформы 1860 годовъ послѣдовали бы безразлично, независимо отъ исхода войны и безъ самой войны: ихъ требовала жизнь, и часть ихъ (освобожденіе крестьянъ) была намѣчена даже въ предыдущее царствованіе. Но въ случаѣ побѣды, еще болѣе если бы война имѣла послѣдствіемъ для насъ какіе-нибудь реальные результаты,

[1]) Объ этомъ см. въ нашей книгѣ «Русскій государственный кредитъ», т. I.

напр. захватъ Босфора и Дарданеллъ, присоединеніе Батумской области и т. п., то здѣсь мы получили бы крупное вознагражденіе за понесенныя затраты, въ народѣ сохранилась бы увѣренность въ своихъ силахъ, и реформы были бы проведены послѣдовательнѣй и радикальнѣе, чѣмъ это было сдѣлано на самомъ дѣлѣ. Реформы до конца проведены не были и не могли быть проведены вслѣдствіе крайней расшатанности всего народнаго организма, потрясеннаго неудачной войной: никто ничему не вѣрилъ, во всемъ сомнѣвались, передѣлывали только что сдѣланное, развился духъ самоплеванія, порицанія всего родного, созданнаго самобытно. Этотъ несчастный духъ сомнѣнія въ своихъ силахъ и въ томъ хорошемъ, что у насъ было создано, духъ отрицанія всякихъ народныхъ началъ особенно пагубно отразился на нашей финансово-экономической политикѣ: упразднены были прекрасныя казенныя кредитныя учрежденія, замѣнявшія населенію нынѣшнія сберегательныя кассы, произведены были нелѣпые опыты въ сферѣ нашего денежнаго обращенія, разразилась вакханалія желѣзнодорожнаго строительства съ неудачнымъ привлеченіемъ иностраннаго капитала въ нашу промышленность, что, въ связи съ введеніемъ либеральнаго таможеннаго тарифа и открытіемъ границы для свободнаго отъѣзда нашихъ туристовъ, разъ навсегда создало для насъ пассивный разсчетный балансъ и колоссальную заграничную задолженность, совершенно былъ упраздненъ ипотечный земельный кредитъ и возсозданъ на чисто ростовщичьихъ условіяхъ частными банками, страшно возросло обложеніе населенія и т. д. безъ конца. Все это послѣдствія ненужной и неудачной войны. Но это еще не все. Общее недовольство породило сильное революціонное броженіе въ странѣ. Это броженіе оттѣснило на задній планъ умѣренные элементы, дало оружіе въ руки реакціонной партіи, испугало правительство и *остановило дальнѣйшія реформы*, которыя поэтому и остались недодѣланными, неоконченными. Затѣмъ прави-

тельство снова ступало на путь реакціи. Не такой ли результатъ ожидаетъ насъ и теперь въ случаѣ пораженія нашего и отступленія передъ врагомъ? Не даромъ одна реакціонная газета уже давно *требуетъ мира*, хотя бы и постыднаго, чтобы правительство могло заняться *внутренними дѣлами*. Этого требуютъ также многія изъ нашихъ такъ наз. либеральныхъ изданій. Но несомнѣнно подъ внутренними дѣлами они не одно и то же понимаютъ, что—газета реакціонная. Мы лично не сомнѣваемся,—что въ случаѣ пораженія Россіи восторжествуетъ именно реакція: прогрессъ слѣдуетъ только за побѣдой, имѣвшей полезный для страны результатъ. Это говоритъ міровая исторія. Это же наблюдаемъ и послѣ побѣдоносной, но безцѣльной войны съ Турціей 1877—1878 гг. Мы боролись за освобожденіе славянъ и не искали выгодъ своего народа. Въ результатѣ—свыше милліарда рублей, издержанныхъ на войну, полное истощеніе Россіи, возросшая заграничная и внутренняя задолженность, паденіе курса кредитнаго рубля, увеличеніе налоговъ, всеобщее народное недовольство, на почвѣ котораго разыгрались событія, окончившіяся мартовской катастрофой дѣяніемъ и наступившею затѣмъ реакціей, отъ которой мы только теперь начинаемъ понемногу оправляться.

Какія же задачи и цѣли должно поставить нынѣшней войнѣ?

IV.

Нынѣшняя война съ Японіей, чтобы довести ее до благополучнаго конца, потребуетъ отъ насъ огромныхъ жертвъ которыя сейчасъ не поддаются даже приблизительному учету Не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ дѣло съ многочисленнымъ и сильнымъ народомъ, тратящимъ уже многіе годы большую половину своего бюджета (включая чрезвычайный) на военное дѣло, обладающимъ великолѣпною боевою организаціею, лучшимъ въ мірѣ вооруженіемъ, большимъ, сооруженнымъ по послѣднему слову науки флотомъ. Японская армія снабжена и снаряжена, несомнѣнно, лучше нашей; ея солдаты, какъ и наши, предпочитаютъ смерть плѣну и поражаютъ своей храбростью и хладнокровіемъ въ бою; японскій главный штабъ отличается предусмотрительностью и осторожностью; военное искусство командующихъ японскими арміями внѣ всякаго сомнѣнія. За нѣсколько мѣсяцевъ (почти годъ) войны мы не могли добиться успѣха въ борьбѣ съ Японіей, и это при всемъ общеизвѣстномъ искусствѣ нашего командующаго манчжурской арміей, беззавѣтной храбрости всего войска, начиная отъ послѣдняго солдата и кончая корпуснымъ командиромъ, засвидѣтельствованной геройскою смертью въ первыхъ рядахъ сражающихся. Уже на театрѣ войны сосредоточено нами болѣе двѣнадцати армейскихъ корпусовъ (къ январю 1905 г.); болѣе 100.000 человѣкъ выбыло въ бояхъ изъ строя; погибла артурская эскадра; выдвинулся цѣлый рядъ замѣчательныхъ вождей; выше всякихъ похвалъ были дѣйствія нашего флота, приводившія въ восторгъ даже враговъ нашихъ въ Англіи и Америкѣ,—

но о рѣшающей побѣдѣ, объ окончаніи войны говорить пока не приходится; она еще, по мнѣнію многихъ, едва началась, мы собираемся съ силами и отправляемъ на театръ военныхъ дѣйствій все новые, новые и новые корпуса, двинута и балтійская эскадра. Но объ успѣхахъ пока не можетъ быть и рѣчи, до сихъ поръ были только неудачи.

Не слѣдуетъ забывать, что за спиной Японіи стоятъ Англія и Америка, которымъ выгодна возможно продолжительная борьба наша съ Японіей; что поэтому о скоромъ истощеніи послѣдней не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ средства ей будутъ даны непремѣнно, хотя бы и на обременительныхъ условіяхъ. Необходимо даже считаться съ возможностью прямого вмѣшательства въ войну съ нами Англіи и Америки, которыя все болѣе дѣлаются смѣлыми подъ вліяніемъ нашихъ неудачъ и нашей уступчивости по поводу захвата «нейтральныхъ» судовъ нашими крейсерами, по поводу разныхъ «Гулльскихъ инцидентовъ» и т. д. Какъ всегда, нашу уступчивость считаютъ результатомъ нашей слабости, сознанія своего безсилія, но именно на слабыхъ всегда и нападаютъ, для Англіи это даже традиція, для Америки—начало (столь удачное) положено въ войнѣ съ Испаніей. Итакъ, мы должны быть готовы ко всему, сознать важность переживаемаго момента, выйти изъ затрудненія съ честью и одержать *полную* побѣду. Для этого нельзя жалѣть никакихъ усилій и не останавливаться ни передъ какими затратами. Передъ этой важнѣйшей задачей другія пока должны отойти на задній планъ.

Но ни въ какомъ случаѣ нельзя ограничиться только одержаніемъ побѣды надъ Японіей ради самой побѣды, ради воинской славы, ради простого поддержанія нашего политическаго престижа. Цѣль настоящей ужасающей борьбы (вѣдь борьба—расовая, стихійная) должна быть другая, жертвы наши должны быть возмѣщены и оправданы. мы должны выйти изъ нынѣшняго положенія не истощенными, раззо-

ренными, съ разбитою вѣрою въ свои силы, какъ было это послѣ крымской и послѣдней турецкой кампаній, а болѣе сильными, обезпеченными отъ повторенія подобныхъ же войнъ, съ задатками новаго экономическаго и политическаго расцвѣта государства. Другими словами, мы должны въ настоящей войнѣ приблизиться къ осуществленію нашихъ давнихъ историческихъ задачъ, укрѣпиться окончательно на побережьѣ Тихаго океана, расширить и обезпечить свою южную азіатскую границу какъ отъ Китая, такъ и отъ Англіи, и затѣмъ прямо и твердо поставить также вопросъ о побережьяхъ океана Индійскаго.

Однако, едва началась найна, въ печати и обществѣ нашемъ сейчасъ же заговорили о необходимости въ результатѣ войны отстаивать status quo ante bellum или даже уступить Японіи Корею, Манчжурію возвратить Китаю въ вознагражденіе за его нейтралитетъ; заговорили о нашемъ великодушіи и безкорыстіи, о необходимости пощадить «слабую и маленькую» Японію (это съ населеніемъ, почти равнымъ германскому), сдѣлать даже изъ нея, растроганной нашимъ великодушіемъ, искренняго друга и союзника. (Оговариваемся, что союзъ этотъ—не невозможенъ, но при особыхъ условіяхъ, а вовсе не вслѣдствіе нашего или японскаго великодушія). По мѣрѣ роста нашихъ неудачъ заговорили о необходимости *просить* мира цѣною какихъ-угодно уступокъ, даже потери всего побережья Тихаго Океана и установленія нашей границы на Байкалѣ. Японіи, нарушившей общій миръ, вызвавшей безъ всякихъ на то серьезныхъ экономическихъ причинъ кровопролитнѣйшую войну, настоящую бойню при усовершенствованномъ современномъ оружіи и мужествѣ борящихся сторонъ, высказывались общія симпатіи, какъ врагу русскаго *правительства* (будто-бы), а не русскаго народа, не Россіи. Въ пораженіи Россіи стали видѣть залогъ ея внутреннихъ реформъ, залогъ прогресса. Много высказано было и другихъ подобныхъ же

наивныхъ мыслей, въ которыхъ съ особою яркостью проявилась политическая недозрѣлость ихъ авторовъ, не умудренныхъ еще опытомъ исторіи нашей и другихъ культурныхъ народовъ. Но, къ несчастью, со всѣмъ этимъ приходится считаться, приходится доказывать непреложныя, давно уже на Западѣ сознанныя истины, повторять труизмы. Приходится доказывать, что милліарды рублей и десятки тысячъ жизней лучшихъ своихъ гражданъ государство не имѣетъ права бросать ради политической авантюры, ради интересовъ другихъ народовъ, ради отвлеченныхъ идей, доказательства «своей общности со всѣмъ человѣчествомъ», даже ради своего политическаго престижа. Отъ войны народъ имѣетъ право требовать совершенно *реальныхъ выгодъ:* расширенія территоріи своего государства, обезпеченія мира въ будущемъ, обезпеченія преобладанія своихъ экономическихъ и политическихъ интересовъ въ занятыхъ и прилегающихъ къ занятымъ областямъ. Народъ можетъ требовать созданія въ результатѣ грандіозной войны такихъ условій, при которыхъ онъ будетъ въ силахъ справиться съ бременемъ, наложеннымъ на него войною, оплатить ея издержки. Какъ же создать эти условія, какъ опредѣлить конечную цѣль настоящей войны?

Прежде всего необходимо сознать важность переживаемаго момента, отбросить ту боязнь пространства, о которой мы выше говорили, и понять что мы присутствуемъ при возможномъ раздѣлѣ азіатскаго материка, гдѣ мы непремѣнно должно получить свою долю. Мы присутствуемъ при возрожденіи азіатскихъ народовъ, поднятыхъ японскими успѣхами, сознающихъ возможность борьбы съ бѣлой расой, жаждущихъ этой борьбы. Моментъ этого возрожденія едва начался, его необходимо остановить, иначе будетъ поздно, такъ какъ, если культурное возрожденіе требуетъ долгаго и упорнаго труда и времени,—возрожденіе военное, что доказалъ и опытъ Японіи, достигается очень скоро и очень успѣшно. Нельзя закрывать глаза на опасность подъ пред-

логомъ нашихъ внутреннихъ непорядковъ. Напротивъ *важность переживаемаго момента заставляетъ и насъ спѣшить покончить съ этими непорядками*, спѣшить съ нашимъ обновленіемъ. Въ Англіи отлично понимаютъ это и, предоставивъ Россіи справлятся съ Японіей, принимаютъ свои мѣры противъ нежелательнаго возрожденія Индіи и Китая. Съ этою цѣлью послѣдній имѣется въ виду постепенно прибрать къ рукамъ и обратить его возможную военную организацію на пользу Англіи, а не во вредъ ей. Не даромъ Англія тотчасъ же по объявленіи Японіей войны Россіи начала экспедицію въ беззащитный Тибетъ, откровенно объяснивъ, что цѣль ея—противодѣйствіе Россіи и желаніе подорвать престижъ послѣдней въ Средней Азіи. Изъ Тибета—широкій и открытый путь въ лучшія и богатѣйшія провинціи Китая, оттуда же путь и къ восточному Туркестану, и въ Монголію, какъ изъ Белуджистана въ Персію. Одновременно появились извѣстія о захватѣ англичанами нѣкоторыхъ острововъ въ Персидскомъ заливѣ и о продолжающемся движеніи въ южную Персію (и въ Афганистанъ). Словомъ, насъ стараются упередить, закрыть намъ расширеніе южной границы, закрыть побережья открытыхъ океановъ. Возможно, что на другую часть Китая имѣютъ виды американцы—признаки ихъ движенія туда есть, и не даромъ въ Америкѣ столь сочувствуютъ Японіи. Стоитъ намъ теперь уступить (послѣ пораженія или послѣ побѣды),—и возможно, что *мы навсегда потеряемъ путь къ нашему дальнѣйшему экономическому и политическому развитію* и изъ борьбы выйдемъ обезсиленными во всѣхъ отношеніяхъ. Ни о какомъ внутреннемъ прогрессѣ тогда уже нельзя будетъ поднимать и рѣчи, ибо не будетъ для него надлежащихъ условій: мы и такъ уже слишкомъ отстали отъ другихъ народовъ; намъ нужна усиленная работа, возможная только *при исключительномъ подъемѣ нашихъ силъ;* намъ нужна бодрость духа, а не

уныніе, побѣда а не пораженіе, новые экономическіе рессурсы, а не растрата старыхъ.

Итакъ, мы должны напречь всѣ наши силы не только для борьбы съ Японіей, но въ случаѣ надобности, съ Англіей и Америкой, быть можетъ, и съ Китаемъ, ибо при всемъ нашемъ миролюбіи, при всѣхъ нашихъ уступкахъ не можемъ мы запретить кому-бы то ни было объявить намъ войну, какъ не могли мы помѣшать начать съ нами войну Японіи. Но такое напряженіе возможно лишь въ томъ случаѣ, если народъ будетъ знать, что его ведуть на великую борьбу не ради самой борьбы, но ради великихъ государственныхъ задачъ, ради достиженія крупныхъ реальныхъ выгодъ. Мы уже сказали, въ чемъ эти задачи и выгоды: въ расширеніи нашей территоріи, въ достиженіи выхода къ открытымъ океанамъ. Народъ нашъ, обладающій страстною жаждою къ землѣ, отлично пойметъ значеніе занятія такихъ областей, какъ Монголія или Сѣверная Манчжурія съ ихъ обширными и плодородными равнинами, пригодными и для земледѣлія, и для скотоводства. Но онъ пойметъ и значеніе открытаго моря, и важность короткаго общенія (торговаго и политическаго) съ восточными народами, живущими въ иномъ, чѣмъ мы, климатѣ и производящими предметы нашего широкаго потребленія (чай, хлопокъ, пряности, фрукты), безъ которыхъ мы не можемъ обойтись и которые мы могли бы получать непосредственно въ обмѣнъ за производимые нами продукты. Пойметъ нашъ народъ отлично также важность умноженія нашихъ естественныхъ богатствъ—расширеніе площади нашихъ золотоносныхъ, желѣзныхъ, нефтяныхъ, мѣдныхъ, каменноугольныхъ и другихъ мѣсторожденій, которыми столь обильны спорныя области,—пойметъ и пойдетъ на ихъ разработку, какъ шелъ онъ въ Манчжурію задолго до нынѣшняго движенія разрабатывать золотые пріиски (вся Ялу и Ляо съ ихъ притоками—сплошное золотое дно). И если мы говоримъ, что цѣлью начатой борьбы должны быть берега

Тихаго океана до Шанхай-Гуаня (со включеніемъ слѣдовательно, Кореи, и Квантуна), далѣе вся Манчжурія, Монголія и Восточный Туркестанъ, т. е. всѣ сѣверныя области, лежащія за Великою Китайскою Стѣною и за горными хребтами Алтынъ-тагъ, Куэнь-Лунь и Кара-Корумъ, не смотря на всю обширность сказанныхъ областей, то наша мысль объясняется, съ одной стороны, невозможностью провести иначе прямую и ясную границу съ Китаемъ и Тибетомъ, а съ другой—нежелательностью оставить рядомъ съ нашими владѣніями независимыя государства, способныя къ собственному военному возрожденію и возбужденію противъ насъ родственныхъ имъ и подчиненныхъ намъ народовъ. Кромѣ того, необходима для насъ возможность противодѣйствія Англіи въ Тибетѣ и Куку-Норѣ, на которые она уже накладываетъ свою руку, и предупрежденія той же Англіи отъ захвата Монголіи и восточнаго Туркестана (или ихъ частей).

Такая цѣль наша подозрѣвается Англіей, отсюда ея нервность, ея напряженное вниманіе къ идущей борьбѣ, и вопросъ только въ томъ, рѣшится ли Англія сама вмѣшаться въ борьбу? *Если она рѣшится на это вмѣшательство, никакія уступки съ нашей стороны его не предотвратятъ.* Англія будетъ ждать только удобнаго момента и улучшать тѣмъ временемъ свою боевую способность, которая пока, къ слову сказать, очень не велика, что и даетъ надежду на сохраненіе Англіей мира. Можно сказать: 99 шансовъ противъ 1, что Англія не рѣшится на открытую борьбу съ Россіей, ибо побѣда многаго не сулитъ Англіи, а пораженіе грозитъ потерей Индіи и экономическимъ раззореніемъ. Стоимость войны для Англіи вообще неизмѣримо больше, нежели для какой-либо другой страны; вспомнимъ, что бурская война стоила англичанамъ около 2.000 милліоновъ руб. Но война съ Россіей, при условіи дѣйствія въ Атлантическомъ океанѣ даже небольшой, но отважной нашей крейсерской эскадры (такая возможность нами теперь уже доказана), повлечетъ за собою

такое страшное вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ въ Англіи, что повыситъ ея военные расходы до размѣровъ неслыханныхъ. Въ случаѣ отказа французскаго рынка въ реализаціи англійскихъ займовъ, при отсутствіи въ Англіи большихъ запасовъ наличнаго золота, ей грозитъ денежное разстройство и сильнѣйшее повышеніе учетно-ссуднаго процента. Въ Индіи же страшно не столько нашествіе Россіи, сколько возстаніе индусовъ, повторенное возстаніе сипаевъ, освѣдомленныхъ манифестомъ русскаго Царя о посылкѣ его войскъ не для завоеванія (это не встрѣтило бы сочувствія), но для *освобожденія* Индіи. Возстаніе въ Египтѣ, появленіе новыхъ «махди» и «сумасшедшихъ муллъ», возстаніе буровъ,—все это также вполнѣ возможно при объявленіи Россіей войны Англіи. Не послѣдній козырь въ нашихъ рукахъ—возможность вмѣшательства въ нашу борьбу съ Англіей Германіи, а затѣмъ и Франціи, у которыхъ есть свои счеты съ «туманнымъ Альбіономъ», не невѣроятно и движеніе со стороны Турціи (при помощи и подъ вліяніемъ той же Германіи). *При такихъ условіяхъ болѣе, чѣмъ сомнительно, что Англія рискнетъ войной съ Россіей.*

Но если такъ, то необходимо положить предѣлъ скрытой англійской помощи Японіи; помощь эта внѣ всякаго сомнѣнія для того, кто не хочетъ закрывать глаза на совершающіяся событія. Мало того: Англія позволяетъ себѣ угрожать намъ (по вопросу о Дарданеллахъ, о захватѣ и потопленіи ея судовъ, везущихъ военную контрабанду, русскими крейсерами, о потопленіи рыбачьихъ судовъ у Доггеръ-банка и т. д.), она захватываетъ Тибетъ, утверждая въ то же время, что заботится о неприкосновенности Китая, она протягиваетъ руки къ Персидскому заливу, вооружаетъ Афганистанъ. Какихъ еще надо доказательствъ враждебнаго къ намъ отношенія Англіи? Мобилизація туркестанскаго, кавказскаго и одесскаго военныхъ округовъ была бы наилучшимъ отвѣтомъ на англійскія угрозы, а соотвѣт-

ствующія соглашенія съ Афганистаномъ и Персіей положили бы предѣлъ наступленію Англіи къ берегамъ Персидскаго залива. Мы не настаиваемъ на протекторатѣ надъ Персіей, но оборонительный и наступательный *союзъ* съ этимъ злосчастнымъ государствомъ, съ правомъ и обязанностью нашими охранять отъ захвата англичанами побережьевъ Персидскаго залива, давно уже назрѣлъ, его пора осуществить и осуществить *немедленно*, чтобы показать urbi et orbi, что Россія не настолько еще ослаблена событіями на Дальнемъ Востокѣ и безъ вниманія своихъ интересовъ на Ближнемъ Востокѣ не оставляетъ. Если Англія рѣшила воевать съ нами, она не признаетъ этого союза и пошлетъ свой флотъ къ берегамъ южной Персіи, тогда жребій будетъ брошенъ, но Англія начнетъ войну далеко не подготовленной, будетъ застигнута врасплохъ, не будетъ госпожею положенія вещей. Мы успѣемъ отвѣтить ей диверсіей на Индію, отправкой своихъ войскъ въ Белуджистанъ и Персію, гдѣ населеніе, истощенное голодомъ и холерой, встрѣтитъ насъ съ распростертыми объятіями, ибо какъ и всюду, мы принесемъ порядокъ, дадимъ заработки, введемъ санитарныя мѣропріятія противъ эпидемій, проведемъ желѣзныя дороги, устроимъ порты, дадимъ отпоръ корыстолюбивымъ притязаніямъ иностранцевъ. *Но мы думаемъ, что Англія ни въ какомъ случаѣ на открытую борьбу не пойдетъ*, она уступитъ, признаетъ наши права, пойдетъ на путь компромиссовъ и соглашеній.

Россія тогда могла бы потребовать отъ Англіи дѣйствительнаго отказа отъ помощи Японіи, потребовать хотя бы подъ угрозой войны и, несомнѣнно, своего добилась бы, чѣмъ въ самой сильной степени облегчилось бы успѣшное окончаніе борьбы нашей съ Японіей. Возможно ли было, напр., посылать слабую эскадру адм. Рождественскаго, не выяснивъ отношенія къ намъ Англіи, не войдя съ ней въ соглашеніе? Противодѣйствіе Англіи лишаетъ Россію возможности купить необходимые броненосные крейсеры Аргентины и Чили, провести черезъ Дар-

данеллы Черноморскій флотъ. Англія препятствуетъ нагрузкѣ нашихъ судовъ углемъ не только въ своихъ портахъ, но и въ испанскихъ и португальскихъ, Англія изготовляетъ для Японіи военныя суда (а по послѣднимъ извѣстіямъ будто-бы даже замѣняетъ выбыванія изъ строя японскія суда боевыми судами своего флота). Выславъ свою эскадру безъ предварительнаго соглашенія съ Англіей, мы отдаемъ своихъ моряковъ на волю англичанъ и вынуждаемся дѣлать всевозможныя уступки, чтобы только сохранить свой флотъ. Между тѣмъ самое искреннее *соглашеніе съ Англіей* было бы вполнѣ возможно, особенно въ началѣ войны, когда мы еще не потерпѣли никакихъ неудачъ, и вся Европа твердо была увѣрена въ нашихъ побѣдахъ надъ японцами въ первыхъ же столкновеніяхъ на сухомъ пути. Мы могли бы предложить Англіи: 1) признаніе ея правъ въ Египтѣ и Белуджистанѣ, 2) признаніе ея правъ въ Тибетѣ, 3) признаніе ея правъ (сфера вліянія) въ долинѣ Янъ-Цзы. Взамѣнъ этого Англія должна была бы признать наши права на Персидскомъ заливѣ и отказаться отъ помощи Японіи, т. е. не препятствовать движенію нашего флота на Дальній Востокъ, покупкѣ судовъ у нейтральныхъ державъ и выходу Черноморскаго флота. Конечно, мы могли бы тогда отнестись снисходительно къ вопросу о военной контрабандѣ и не признавать за такую *каменный уголь*, кстати сказать, покупавшійся въ чужихъ странахъ нами, а не японцами, по преимуществу. Мы глубоко убѣждены, что Англія на этихъ условіяхъ (необычайно для нея выгодныхъ) пошла бы съ нами на соглашеніе, а тогда и ходъ кампаніи нынѣшней былъ бы иной.

Но и теперь, даже безъ всякихъ соглашеній, отъ Англіи трудно ждать открытаго противодѣйствія нашихъ планамъ. Не встрѣтимъ ли мы противодѣйствія со стороны Китая, интересы котораго всего болѣе затронуты въ нашей борьбѣ съ Японіей? Но мы уже встрѣчаемъ это противодѣйствіе. Всѣ китайскія власти даже въ занятой нами части Манч-

журіи враждебны намъ, не говоря уже о враждебности этихъ властей въ Нью-Чжуанѣ и Шанхай-Гуанѣ. Китайскія регулярныя войска давно уже подъ видомъ хунхузовъ борятся съ нами и помогаютъ японцамъ, китайцами-шпіонами кишитъ все расположеніе русской арміи, китайскіе генералы стоятъ со своими войсками въ угрожающемъ положеніи къ нашимъ войскамъ и ожидаютъ только благопріятнаго случая, чтобы напасть на насъ. О дружбѣ къ намъ Китая рѣчи быть не можетъ; былъ случай пріобрѣсти эту дружбу въ 1894 г., но мы его упустили. Теперь прямо приходится считаться съ тѣмъ, что Китай—нашъ врагъ и ничѣмъ другимъ никогда не будетъ. По этому мы должны *обезпечить* отъ него свою границу, а это обезпеченіе достигнется доведеніемъ ея до границъ естественныхъ, когда-то проведенныхъ самими китайцами, т. е. до Великой Стѣны. Этимъ путемъ получится и сокращеніе нашей нынѣшней границы почти на 2.000 верстъ, что сильно облегчило-бы и удешевило-бы намъ ея охрану. По словамъ *Э. Паркера*, автора извѣстной книги о Китаѣ [1]), важнѣйшимъ естественнымъ барьеромъ, возвышающимся между Китаемъ и Монголіей, всегда былъ и на значительномъ протяженіи остается таковымъ и понынѣ,—большой хребетъ, извѣстный подъ названіемъ *Инь-Шань* или «Темныя Горы». Въ общемъ своемъ направленіи горы эти образуютъ собою своего рода опору *для Великой стѣны*, начинаясь отъ сѣвернаго изгиба Желтой рѣки около Ордосскаго края и протягиваясь вплоть до Ляодунскаго залива. Затѣмъ идутъ горы *Нань-Шань* или «Южныя Горы» въ провинціи Гань-Су, которыя отдѣляютъ земли, *населенныя турецко-татарскими племенами*, отъ группъ тибетскихъ племенъ. По этимъ хребтамъ, конечно, и прійдется провести границу между Россіей и Китаемъ. Изслѣдовать ее необходимо самымъ тщательнымъ

---

[1]) Китай, его исторія, политика и торговля, русскій пер. *Грулева*, Спб. 1903 г. стр. 23—24.

образомъ, чтобы не занять *ненужныхъ* и съ экономической и стратегической точекъ зрѣнія областей. Здѣсь можетъ быть граница *только намѣчена*, для окончательнаго же ея опредѣленія понадобится изслѣдованіе *спеціальное*. Еслибы было возможно провести хорошую стратегическую границу такъ, чтобы Ю. Манчжурію можно было оставить за Китаемъ, то такой результатъ былъ бы наиболѣе для Россіи подходящій, въ виду возможности обмѣна ея на вышеуказанныя нужныя намъ экономически области и въ виду извѣстной заинтересованности въ манчжурской торговлѣ европейскихъ державъ, Японіи и Америки. Густо заселенная Ю. Манчжурія съ ея окитаяннымъ населеніемъ—область далеко не столь желанная для Россіи, какъ Монголія и Восточный Туркестанъ.

Весьма возможно, что при занятіи сказанныхъ областей мы и не встрѣтимъ противодѣйствія со стороны Китая, ибо всѣ онѣ, кромѣ южной Манчжуріи, совершенно безразличны для Китая, находятся съ нимъ въ очень слабой связи и въ вполнѣ номинальной зависимости, а Манчжурію Китай считаетъ для себя все равно уже потерянной. Конечно, если-бы Китай вступилъ съ нами въ открытую борьбу, то она не сулила бы для него никакихъ выгодъ, ибо результатомъ ея было бы, вѣроятно, занятіе нами Пекина, наложеніе на Китай крупной военной контрибуціи, быть можетъ—смѣщеніе манчжурской династіи... и окончательный раздѣлъ Китая между европейскими державами и Америкой, которыя не упустили бы легкаго и удобнаго случая наложить свою руку на столь богатую страну. Въ случаѣ-же согласія Китая на исправленіе нашей съ нимъ границы путемъ присоединенія къ Россіи областей, лежащихъ къ сѣверу въ Великой Стѣны, мы могли бы дать Китаю нѣкоторыя гарантіи противъ наступленія Англіи и Японіи и отказаться отъ той части контрибуціи, которая причитается въ вознагражденіе за убытки, понесенные при боксерскомъ возстаніи. Кромѣ того, могли бы быть сохранены нѣкоторыя права манчжурскей династіи на Мук-

день, гдѣ покоятся священныя для нея могилы предковъ. Наконецъ, если естественную стратегическую границу съ Китаемъ возможно провести безъ занятія нами Южной Манчжуріи, то было бы лучше съ нашей стороны отказаться и отъ этой области.

Явится только еще вопросъ: какъ быть съ нашимъ признаніемъ принципа нераздѣльности Китая, который поддерживаютъ и другія державы помимо Англіи? Конечно, послѣ занятія нами Квантуна и Манчжуріи, Германіей—Цзяо-Чжоу, Франціей—Гуанъ-Чжоу, Японіей—Формозы и Англіей—Вей-хай-вея, а сейчасъ уже и Тибета, странно говорить о «неприкосновенности» китайской территоріи. Принципъ этой неприкосновенности принятъ державами единственно для противодѣйствія другъ другу въ захватахъ китайской территоріи. Это—молчаливое соглашеніе отсрочить раздѣлъ Китая, къ которому бѣлая раса еще не совсѣмъ готова. Англія первая нарушила этотъ принципъ, начавъ наступленіе на Тибетъ, и не встрѣтила ни малѣйшаго протеста ни со стороны Китая, ни со стороны другихъ державъ, поддерживавшихъ принципъ неприкосновенности. Въ виду этого, Россія прямо можетъ мотивировать занятіе Монголіи и Восточнаго Туркестана необходимостью возстановить равновѣсіе въ Средней Азіи, нарушенное Англіей, и оградить Китай отъ дальнѣйшихъ англійскихъ захватовъ. Занятіе же и окончательное присоединеніе къ Россіи Манчжуріи и Кореи (если, какъ надо надѣяться, мы рано или поздно вытѣснимъ оттуда японцевъ) должны быть основаны прямо на правѣ завоеванія, такъ какъ *Китай не пожелалъ отстаивать Манчжурію отъ японскаго нашествія*, предоставивъ это русскимъ, а слѣдовательно—*совершенно и окончательно отрекся отъ своихъ правъ на Манчжурію*, Корея же была государствомъ самостоятельнымъ и теперь находится въ принудительномъ союзѣ съ Японіей. При такихъ условіяхъ не можетъ быть юридическаго повода для протеста державъ противъ присоедине-

нія къ намъ какой-бы то ни было изъ указанныхъ областей. Нѣтъ для этого также повода ни экономическаго, ни политическаго характера: для Германіи расширеніе русскаго вліянія есть крупный собственный успѣхъ, такъ какъ вслѣдъ за нами проникнетъ германская промышленность и торговля; Франція укрѣпляется въ Индо-Китаѣ, гдѣ положеніе ея весьма непрочно безъ союза съ Россіей; Америка расширяетъ свои торговые рынки, какъ и всѣ вообще промышленныя державы, ибо Россія открываетъ занятыя ею области для всемірной торговли, которой тамъ раньше не существовало вслѣдствіе недоступности: Манчжурія вѣдь стала для всѣхъ привлекательной только по занятіи ея Россіей, когда была нами проведена желѣзная дорога, устроены порты, поднято благосостояніе населенія, обезпечена личная безопасность. До этого времени Манчжуріей никто не интересовался, можно сказать, что ея никто и не зналъ.

Но при всемъ томъ вмѣшательство Америки подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ вполнѣ возможно вслѣдствіе особаго настроенія молодого народа, жаждущаго агрессивной политики, военныхъ столкновеній, завоеваній. Шансы для такого вмѣшательства весьма невелики, такъ какъ серьезныхъ поводовъ для него нѣтъ, и руководится американская политика выдающимися государственными дѣятелями, знающими цѣну войны и политическихъ авантюръ, но считаться приходится и съ небольшими шансами, почему здѣсь и упоминается о возможности конфликта съ Америкой. И въ этомъ случаѣ, мы думаемъ, что американское вмѣшательство все-таки было бы выгоднѣе для насъ теперь, когда Америка совершенно еще не готова къ войнѣ, чѣмъ впослѣдствіи (если бы мы вздумали, оставивъ дѣло незаконченнымъ *теперь*, добывать естественныя границы съ Китаемъ черезъ нѣсколько лѣтъ), когда все будетъ у нея готово. Америка не имѣетъ постоянной арміи, и сформировать таковую въ короткій срокъ будетъ не легко; но всего важнѣй, что военный американской флотъ пока еще не очень великъ: въ его

составѣ не болѣе 12 первоклассныхъ броненосцевъ, и флотъ этотъ въ главной своей части находится въ Атлантическомъ, а не въ Тихомъ океанѣ. Пока Панамскій каналъ только въ проектѣ, переводъ флота изъ одного океана въ другой (черезъ Магеллановъ проливъ) сопряженъ съ крайними затрудненіями и большой проволочкой времени. Кромѣ того, оставить безащитными свои сообщенія съ Европой Америка не можетъ, и, слѣдовательно, въ случаѣ угрозы русскихъ крейсеровъ (а, можетъ быть, и каперовъ, такъ какъ Америка не подписала извѣстнаго соглашенія державъ 1856 г. о недопущеніи каперской войны), о переводѣ атлантическаго флота въ Тихій океанъ рѣчи быть не можетъ. Совсѣмъ иначе дѣло будетъ обстоять впослѣдствіи, когда будетъ готовъ строющійся теперь и проектированный американцами флотъ и проведенъ Панамскій каналъ; но къ этому времени Россія должна уже овладѣть побережьемъ Тихаго океана, можетъ быть, до самого Цинъ-ванъ-дао, укрѣпить его и защитить настолько (быть можетъ, съ помощью подводнаго флота), что нападеніе даже очень большого флота будетъ безцѣльно. Само собою ясно, что конфликтъ съ Америкой былъ бы крайне грустнымъ и нежелательнымъ явленіемъ. Дипломатія должна употребить всѣ усилія, чтобы его избѣжать, не останавливаясь даже передъ серьезными уступками. Но закрывать глаза на опасность невозможно, съ нею необходимо считаться. Не думаемъ однако, чтобы Америка могла интересоваться вопросомъ о Восточномъ Туркестанѣ или Монголіи. Еще торговля въ Южной Манчжуріи и Кореѣ представляетъ нѣкоторый интересъ для американцевъ, но здѣсь имъ могли бы быть предоставлены всѣ права. А не доводить серьезнаго дѣла до конца потому только, что какая-либо держава пожелаетъ, *быть можетъ*, этому воспрепятствовать, немыслимо. Мы и такъ чрезмѣрно много потеряли отъ вѣчной своей политики колебаній, зависившей всегда отъ ужасавшаго дипломатію нашу вопроса: что скажетъ Европа?

Остается послѣдній вопросъ: какъ справиться съ новыми областями, какъ управлять ими, чтобы онѣ не легли новымъ и тяжкимъ бременемъ на государственное казначейство, на центральныя области нашей Европейской Россіи, какимъ образомъ окупятся присоединеніемъ новыхъ, частью пустынныхъ территорій тѣ громадныя затраты, которыя вызваны настоящей войной и возможной (хотя и весьма сомнительной) борьбой съ Китаемъ, Англіей, Америкой, гдѣ возьмемъ мы средства на эту борьбу и на устроеніе присоединяемыхъ, какъ ея результатъ, владѣній?

V.

Мы издавна страшимся увеличенія нашей территоріи, и хотя вся исторія Россіи—рядъ постепенныхъ культурныхъ и военныхъ захватовъ новыхъ областей, но эти захваты происходили какъ-то скорѣе стихійно, въ силу сложившихся обстоятельствъ, чѣмъ по строго выработанному плану. Пугали всегда огромныя издержки на пріобрѣтеніе новыхъ земель, а, главное,—на ихъ устройство и охрану. Была полная неувѣренность въ своихъ силахъ, всегдашній страхъ передъ Европой, передъ своими внутренними неурядицами. Въ этомъ отношеніи мы представляемъ полную противоположность Англіи, которая всегда стремилась къ захвату все новыхъ и новыхъ областей, по строго выработанному напередъ плану, не боясь никакихъ издержекъ и въ твердой увѣренности, что такая завоевательная политика ведетъ къ обогащенію метрополіи, что всякія затраты на колоніи будутъ окуплены съ лихвою. Способы управленія присоединенными областями у насъ и у англичанъ также совершенно различны. Англичане не сливаются съ туземнымъ населеніемъ своихъ колоній, не допускаютъ равенства правъ между нимъ и населеніемъ метрополіи или же колонистами изъ метрополіи. Никакихъ расходовъ колоній метрополія на себя не принимаетъ, колоніи должны содержать также оккупаціонный англійскій корпусъ и англійскую колоніальную администрацію, а затѣмъ изъ колоній въ пользу метрополіи извлекается цѣлый рядъ косвенныхъ выгодъ: въ колоніяхъ помѣщается англійскій ссудный капиталъ, англійская промышленность находитъ мѣста для сбыта своихъ произведеній, капиталы метрополіи

помѣщаются въ колоніальныхъ предпріятіяхъ, множество лицъ разныхъ профессій находитъ себѣ мѣста на службѣ въ колоніальной администраціи, колоніальныхъ войскахъ, колоніальныхъ торговыхъ и промышленныхъ и особенно транспортныхъ (по сообщенію между метрополіей и колоніями) предпріятіяхъ, избытки населенія метрополіи переселяются въ колоніи и т. д. Все это создаетъ огромный притокъ денежныхъ средствъ въ метрополію и даетъ Англіи возможность выдерживать съ большимъ успѣхомъ свой пассивный торговый балансъ и покрывать колоссальные расходы своихъ заграничныхъ путешественниковъ. Управляются колоніи присланной изъ Англіи весьма немногочисленной, облеченной громадными полномочіями администраціей, съ помощью внутреннихъ туземныхъ органовъ самоуправленія. Оккупаціонный корпусъ англійскихъ войскъ всегда не великъ (въ Индіи, напр., до 50—70 тыс. человѣкъ, въ Египтѣ до 5—10 тысячъ человѣкъ) и пополняется туземными войсками подъ командою высшихъ англійскихъ офицеровъ. Всѣ расходы по управленію и военной оборонѣ, повторяемъ, лежатъ цѣликомъ на колоніяхъ, Англія содержитъ за счетъ метрополіи только громадный военный флотъ.

Въ Россіи—совершенно другіе порядки. Новыя области присоединяются на началахъ полнаго сліянія съ внутренними центральными областями. Присоединенное вновь населеніе получаетъ всѣ права (гражданскія и большую часть политическихъ) коренного русскаго, сохраняя всѣ свои прежнія привилегіи и не неся даже многихъ обязанностей русскаго населенія (напримѣръ, по воинской повинности, а, главное, въ отношеніи податномъ, такъ какъ наша система обложенія основана въ значительной степени на потребленіи населеніемъ спиртныхъ напитковъ, которыхъ, напр., магометанское населеніе не потребляетъ вовсе вслѣдствіе религіознаго запрета). Различія между мѣстными и общегосударственными рессурсами не дѣлается, и, слѣдовательно,

очень много чисто-мѣстныхъ расходовъ, не говоря уже о военной охранѣ присоединенныхъ областей, ложится на общегосударственный бюджетъ, отчего окраины у насъ иногда богатѣютъ за счетъ центра, что въ свою очередь и вызываетъ у многихъ опасенія за этотъ центръ въ случаѣ дальнѣйшаго расширенія нашей территоріи. Разумѣется, въ этихъ опасеніяхъ многое преувеличено, такъ какъ несомнѣнно, что безъ нынѣшнихъ своихъ окраинъ центральная Россія была бы еще бѣднѣе, чѣмъ въ настоящее время, что отъ окраинъ она получаетъ множество косвенныхъ выгодъ, не говоря уже о возможности переселенія туда коренного русскаго племени изъ центральныхъ областей, благодаря чему еще недавно бывшія окраины («Украина») теперь составляютъ уже также центръ.

Но порядокъ управленія присоединяемыми областями дѣйствительно у насъ признать нормальнымъ нельзя. Мы до сихъ поръ не создали единыхъ законовъ для всей имперіи, и отдѣльныя ея области пользуются сепаратными своими законами или же законами, ad hoc для этихъ областей созданными русскимъ же правительствомъ. Этими законами поддерживается безъ всякой надобности обособленность вошедшихъ въ составъ Русскаго государства инородцевъ, создается чисто-искусственно ихъ разобщеніе съ русскимъ населеніемъ, но не то разобщеніе, которое введено англичанами въ своихъ колоніяхъ по отношенію къ туземному населенію, гдѣ это населеніе считается низшей расой, не должно сливаться съ англійскимъ и совершенно не имѣетъ правъ англійскаго населенія, а разобщеніе особаго типа, существующее, несмотря на полное равенство въ правахъ всѣхъ русскихъ гражданъ безъ различія, потому, что искусственно созданы преграды для сліянія инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ путемъ особой общественной или религіозной организаціи населенія инородческаго, пользующагося во многихъ сферахъ юридическихъ отношеній (особенно въ семейномъ правѣ) несравненно большими выгодами, чѣмъ

русское. Въ то же время существуетъ для окраинъ и инородческаго населенія цѣлый рядъ и ограничительныхъ законовъ, вызывающихъ неудовольствіе противъ правительства и антагонизмъ по отношенію къ русскому населенію, такъ какъ здѣсь уже видятъ отступленіе отъ общей системы принятаго у насъ полнаго равенства всѣхъ русскихъ подданныхъ. Отсутствіе же сліянія инородческаго населенія съ русскимъ, все болѣе и болѣе увеличивающійся сепаратизмъ входящихъ въ составъ Русской Имперіи областей съ инородческимъ населеніемъ естественно устрашаютъ наше общество и заставляютъ его противодѣйствовать всякой агрессивной политикѣ, имѣющей цѣлью пріобрѣтеніе еще новыхъ областей, грозящихъ наплывомъ новыхъ инородныхъ массъ въ русскую и безъ того еще недостаточно «національнзированную» имперію.

Все это показываетъ, что мы совершенно еще не знаемъ колоніальной политики, хотя и имѣемъ громадныя колоніи; мы, присоединяя къ своей территоріи новыя области, прямо и сразу ихъ стараемся «амальгамировать» съ коренной Россіей (по выраженію англійскихъ публицистовъ, завидующихъ этой системѣ, совершенно непримѣняющейся въ Англіи), но такое амальгамированіе есть процессъ длительный, особенно блестящихъ результатовъ сразу же достигнуть здѣсь нельзя, и только *сильнымъ культурнымъ подъемомъ коренного русскаго населенія*, создавъ объединяющіе законы для всей русской территоріи и всего ея населенія и общую обязательную народную русскую школу, можно добиться въ ближайшемъ будущемъ полнаго его сліянія и объединенія подобно тому, какъ (при нѣсколько впрочемъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ у насъ) это достигается въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Пока же приходится считаться съ разными національными особенностями вошедшихъ въ составъ нашей имперіи народовъ и, отнюдь не забывая конечной государственной задачи, т. е. полнаго объединенія всѣхъ

своихъ гражданъ, временно допустить извѣстныя отклоненія въ принципахъ управленія инородческихъ нашихъ областей отъ порядка управленія областей центральныхъ. У насъ это, конечно, и практикуется, но исключительно въ смыслѣ созданія для новыхъ окраинъ ряда экономическихъ и финансовыхъ преимуществъ сравнительно съ центральными, а затѣмъ въ смыслѣ, съ одной стороны, ограниченія политическихъ правъ туземнаго населенія, а съ другой—снабженія его рядомъ юридическихъ, а отчасти и политическихъ привилегій. Вмѣсто этого многое слѣдовало бы позаимствовать въ системѣ управленія колоніями у англичанъ, съ цѣлью уменьшить расходъ метрополіи на наши колоніи и сдѣлать ихъ для нея значительно болѣе прибыльными. Къ сожалѣнію, нѣчто вродѣ англійской системы примѣнено у насъ только въ двухъ вассальныхъ ханствахъ—Бухарѣ и Хивѣ,—которыя намъ поэтому ничего и не стоятъ, хотя и даютъ рядъ косвенныхъ выгодъ по торговлѣ съ ними, но въ этихъ ханствахъ за то пришлось сохранить цѣликомъ власть ихъ туземныхъ правительствъ и затормозить всякій прогрессъ туземнаго населенія, а военную охрану принять на счетъ сосѣднихъ инкорпорированныхъ съ Россіей областей.

Мы думаемъ, что для правильнаго опредѣленія системы управленія колоніями необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разобраться, съ какою цѣлью онѣ пріобрѣтены и что онѣ собою представляютъ. Есть почти совершенно пустынныя, необрабатываемыя мѣстности, иногда годныя къ культурѣ непосредственно, иногда нуждающіяся въ рядѣ приспособленій (расчистка, орошеніе, осушеніе). Такія мѣстности необходимо исключительно обратить для цѣлей колонизаціи ихъ русскими переселенцами, и, разумѣется, здѣсь не можетъ быть рѣчи въ теченіе нѣкотораго времени объ извлеченіи метрополіей какихъ либо прибылей отъ владѣнія колоніями: множество расходовъ, напротивъ, здѣсь упадаетъ на центръ, и только со временемъ они будутъ съ лихвою покрыты. Но въ самой возможности

разрѣдить слишкомъ густое населеніе центральныхъ областей, не теряя его для государства (вслѣдствіе переселенія въ чужія страны), и со временемъ пріобрѣсти обширный рынокъ для сбыта произведеній центра мы видимъ чрезвычайно важную задачу государства, которое поэтому всѣми мѣрами обязано заботиться о пріобрѣтеніи новыхъ пригодныхъ для заселенія пустынныхъ областей, особенно, если таковыя примыкаютъ непосредственно къ его территоріи. Съ этой точки зрѣнія занятіе Новороссіи, Сибири, Пріамурья, Средней Азіи необходимо признать одной изъ важнѣйшихъ заслугъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, не остановившихся передъ громадными затратами, войнами и рискомъ столкновенія съ другими заинтересованными державами. Тотъ же порядокъ слѣдуетъ всячески рекомендовать и дѣятелямъ, стоящимъ во главѣ правительства въ настоящее время.

Что касается до областей съ густымъ туземнымъ населеніемъ, то пріобрѣтеніе ихъ можно рекомендовать только въ случаѣ обилія въ нихъ естественныхъ богатствъ, плохо эксплоатируемыхъ или вовсе не эксплоатируемыхъ аборигенами вслѣдствіе ихъ бѣдности или малокультурности, такъ какъ здѣсь представляется возможность дать заработки и помѣщеніе въ выгодныхъ предпріятіяхъ капиталовъ населенія метрополіи, пріобрѣсти рынокъ для сбыта производимыхъ имъ товаровъ, получить изъ новыхъ областей въ обмѣнъ на свои такіе товары, которые раньше приходилось получать изъ странъ, въ которыя мы сами ничего не вывозимъ. Если въ такихъ областяхъ населеніе туземное не очень густо, то является возможность также и колонизаціи ихъ населеніемъ центральныхъ областей, при постепенномъ его сближеніи съ туземнымъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдуетъ рекомендовать систему управленія, такъ сказать, упрощеннаго и наиболѣе поэтому дешеваго порядка, т. е. небольшой хорошо оплачиваемый составъ русской администраціи, съ добавленіемъ туземныхъ органовъ самоуправленія и съ возложеніемъ содер-

жанія всей этой администраціи, равно какъ и необходимой военной и полицейской охраны на средства самихъ окраинныхъ областей, а отнюдь не центральной Россіи, что можно достигнуть путемъ созданія особаго прямого обложенія поземельной собственности туземнаго населенія и системы косвенныхъ налоговъ, примѣненной къ потребностямъ этого населенія, а не коренного русскаго. Политическихъ, а иногда и гражданскихъ (особенно касательно свободы передвиженія) правъ коренного населенія населенію вновь присоединяемыхъ областей давать сразу нельзя вслѣдствіе недостаточной его культурности и слишкомъ большой обособленности отъ русскаго. При такой системѣ никакой опасностью, ни экономической, ни политической, присоединеніе къ Россіи новыхъ областей не угрожаетъ, и всякія соображенія, что центръ будто бы будетъ разоренъ расходомъ на окраины, что желтое населеніе ихъ бросится во внутреннюю Россію, захватитъ въ свои руки торговлю и промыслы, страшно понизить заработанную плату и т. д., теряютъ совершенно свой смыслъ, если новыя области будутъ покрывать всѣ расходы мѣстные и даже расходы по ихъ военной охранѣ за счетъ своихъ собственныхъ доходовъ и если нѣкоторымъ опаснымъ для внутренней Россіи въ экономическомъ смыслѣ элементамъ ихъ населенія (китайцамъ) доступъ въ Россію будетъ закрытъ.

Разумѣется, присоединеніе тѣхъ или другихъ областей должно быть непремѣнно обусловлено *серьезными экономическими или политическими соображеніями*, а не тѣмъ только обстоятельствомъ, что эти области легко можно захватить вслѣдствіе благопріятно сложившейся для насъ обстановки. Такимъ образомъ, когда мы говоримъ о необходимости расширенія русской территоріи путемъ присоединенія къ ней такихъ обширныхъ областей, какъ С. Манчжурія, Монголія и Восточный Туркестанъ, о важности установленія русскаго протектората надъ Кореей или Ю. Манчжуріей, о необходимости одновременнаго пріобрѣтенія выхода къ Индійскому океану

посредствомъ постояннаго союза съ Персіей, то надо *доказать* выгодность этихъ пріобрѣтеній для Россіи, возможность доходами сказанныхъ областей оплатить издержки по ихъ занятію и устройству. Доказывать *политическую* важность для Россіи выходовъ къ незамерзающимъ портамъ Тихаго и Индійскаго океановъ—значило бы ломиться въ открытыя двери; *экономическое* значеніе этихъ выходовъ, особенно *для будущаго*, также никѣмъ не оспаривается, ибо безъ этихъ выходовъ никакая правильная торговля государства немыслима. Сомнительнѣе южная граница съ Китаемъ, которую мы предлагаемъ исправить и охранять путемъ присоединенія Манчжуріи, Монголіи и Восточнаго Туркестана. Но необходимость противодѣйстія Англіи, уже наступающей на Тибетъ, Куку-Норъ и Персію, а особенно обороны отъ возрождающагося подъ вліяніемъ Японіи Китая заставляетъ Россію провести *естественныя и прочныя* границы въ Средней Азіи, которыя возможно было бы охранять сравнительно съ не очень большими военными силами.

Горные хребты, пустыни, историческая традиція китайцевъ не переходить Великую стѣну—наилучшая гарантія въ болѣе успѣшномъ выполненіи задачъ нашей обороны, чѣмъ при нынѣшней границѣ, лишенной всѣхъ этихъ преимуществъ и имѣющей протяженія болѣе на 2,000 верстъ проектируемаго нами. Безъ цѣлаго ряда стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій намъ обойтись въ областяхъ, пограничныхъ съ Китаемъ, невозможно—все равно, но важно, чтобы эти линіи имѣли и *экономическое значеніе*, которое достигнуто будетъ только при условіи урегулированія нашей границы присоединеніемъ къ Россіи указаныхъ областей. Часть необходимыхъ намъ рельсовыхъ путей уже проектирована, были уже произведены и соотвѣтствующія изысканія. Таковъ стратегическій путь изъ Ляояна (уже и теперь превращеннаго въ крѣпость [1]) до И-чжу, а затѣмъ до Мозампо (нашъ

[1]) Увы! нынѣ для насъ пока утерянную.

будущій третій военный портъ на Тихомъ океанѣ). Таковъ имѣющій и огромное экономическое значеніе проектъ желѣзной дороги Томскъ—Барнаулъ—Семипалатинскъ—Кулька—Вѣрный—Ташкентъ; далѣе—линія Верхнеудинскъ—Кяхта—Ургa—Пекинъ [1]). Въ связи съ давно уже назрѣвшей, много разъ проектированной (съ полученіемъ концессіи отъ персидскаго правительства) дорогой отъ границъ Закавказья до одного изъ портовъ Персидскаго залива, можно было бы ограничиться на первый разъ намѣченными путями, обезпечивающими оборону нашихъ дальнихъ окраинъ и позволяющими держать тамъ сравнительно ограниченное количество постояннаго войска. Но и это ограниченное количество, хотя бы нынѣшняя война окончилась и полнымъ разгромомъ Японіи, не можетъ быть менѣе 10 корпусовъ (включая Туркестанскій округъ), не говоря уже о необходимости новыхъ казачьихъ войскъ въ Манчжуріи, Монголіи, Туркестанѣ. Войска эти надо содержать, рельсовые пути поглотятъ новыя сотни милліоновъ рублей, созданіе ряда крѣпостей, устройство новыхъ окраинъ потребуютъ также весьма немалыхъ расходовъ. Необходимо, чтобы они не пали на центральную Россію, и безъ того стонущую подъ непосильнымъ бременемъ налоговъ. Возраженія противъ расширенія нашей территоріи отсюда неизбѣжны.

Но не слѣдуетъ забывать, что и проведеніе стратегическихъ рельсовыхъ путей, и созданіе крѣпостей, и увеличеніе военной охраны на Дальнемъ Востокѣ и въ Средней Азіи требуются *независимо отъ расширенія нашей территоріи*, иначе намъ постоянно будетъ грозить нашествіе Японіи, Китая или Англіи; только всѣ такіе рас-

---

[1]) Проэкты этихъ дорогъ и направленіе см. въ оффиціальномъ изданіи: *Сибирская желѣзная дорога*. Тамъ же приложена и карта. Отличныя карты, относящіяся къ установленію нашей границы съ Китаемъ, приложены къ книгѣ *Э. Паркера:* «Китай», цитированной нами выше

ходы при нынѣшней границѣ съ Китаемъ должны быть несравненно больше, вслѣдствіе бо́льшаго протяженія ея, чѣмъ проектируемая нами, и весь вопросъ сводится къ тому, насколько убыточнымъ или выгоднымъ *съ экономической стороны* явится для насъ присоединеніе цѣлаго ряда новыхъ областей. Прежде всего укажемъ, что собственно управленіе ими, при раціональномъ способѣ такового, не можетъ лечь бременемъ на центральную Россію. Такъ, Корея (страна мало пригодная для русской колонизаціи, довольно густо заселенная) могла бы сохранить свою самостоятельность и поступить подъ русскій протекторатъ, подобно Бухарѣ или Хивѣ, съ общей таможенной границей, съ введеніемъ русскихъ гарнизоновъ въ необходимыхъ для насъ пунктахъ, съ поставленіемъ корейской милиціи подъ команду русскихъ офицеровъ и съ возложеніемъ содержанія русской администраціи и войска на счетъ спеціальныхъ рессурсовъ Кореи. Та же система—для областей Восточнаго Туркестана, Кашгара, Яркенда, Или (Кульджа). Что касается Сѣверной Манчжуріи и Монголіи (наиболѣе обширной изъ всѣхъ китайскихъ областей—свыше 1.367,000 англ. миль, но въ то же время и наименѣе населенной, всего до 2½ милліоновъ жителей, здѣсь степь Гоби), то сюда долженъ быть направленъ потокъ русскихъ переселенцевъ, и управленіе должно быть чисто русскимъ, по образцу другихъ сибирскихъ областей (нуждающихся, впрочемъ, въ рядѣ административныхъ реформъ). Наконецъ, густо заселенная и богатѣйшая Южная Манчжурія могла бы управляться, по образцу англійскихъ колоній, русскимъ губернаторомъ съ немногочисленнымъ штатомъ русскихъ чиновниковъ, знающихъ хорошо китайскій и манчжурскій языки (такихъ чиновниковъ теперь легко будетъ достать изъ числа военныхъ, принимавшихъ участіе въ борьбѣ съ Японіей), при помощи китайскихъ органовъ самоуправленія и тѣхъ мѣстныхъ теперешнихъ властей, которыя наше правительство найдетъ нужнымъ сохранить. Вся Манчжурія, какъ и

Корея съ Квантунгомъ, Пріамурскій край и Приморская область могли бы входить въ составъ намѣстничества Дальняго Востока, а Монголія съ Восточнымъ и Западнымъ Туркестаномъ, съ Семипалатинской и Закаспійской областями могли бы составить другое намѣстничество—Средне-Азіатское, имѣющее задачей оборону противъ Англіи. Намѣстничество Кавказское (которое слѣдовало бы возстановить) вѣдало бы Кавказомъ и Закавказьемъ, съ обороной противъ Турціи и противъ англійскаго напора противъ Персіи, съ которой, какъ сказано выше, необходимъ немедленный оборонительный и наступательный союзъ. Такова схема русскаго управленія возможными для пріобрѣтенія новыми территоріями. Конечно, всѣ онѣ должны быть связаны съ Россіей общимъ таможеннымъ (при нѣкоторыхъ по возможности временныхъ впрочемъ уступкахъ въ пользу иностранныхъ державъ, особенно въ Кореѣ и Манчжуріи) тарифомъ (съ Персіей таможеннымъ союзомъ), общими монетной и налоговой системами, съ извѣстными измѣненіями въ послѣдней, всѣ мѣстные расходы должны безусловно покрываться мѣстными же и доходами, а содержаніе расположенныхъ тамъ русскихъ войскъ должно падать на мѣстные рессурсы въ извѣстной части (напр. на половину), такъ какъ цѣликомъ налоговыя поступленія особенно въ первое время не могутъ быть достаточны для покрытія всѣхъ военныхъ расходовъ. Но и здѣсь необходимо добиться такого результата, чтобы косвенныя выгоды, извлекаемыя нами изъ присоединенныхъ областей, сполна окупили бы наши расходы не только на ихъ военную охрану, но и на самое пріобрѣтеніе и устройство, т. е. теперешніе военные расходы. Въ возможности извлеченія подобныхъ выгодъ—*смыслъ и оправданіе настоящей войны*, которая въ этомъ случаѣ можетъ оказаться одной изъ самыхъ производительныхъ, подобно войнамъ екатерининскимъ, турецкимъ или александровскимъ за Среднюю Азію. Отсюда же вытекаетъ и глубокое экономическое значеніе настоящей борьбы, кото-

рая явится борьбою за необходимое расширеніе русской территоріи. Въ чемъ же эта необходимость?

Россія занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ державъ по своей колоссальной заграничной задолженности, которая наросла постепенно, подъ давленіемъ ряда разнообразныхъ обстоятельствъ, при чемъ войны играли здѣсь весьма незначительную роль, а войны агрессивныя, сопровождающіяся увеличеніемъ нашей территоріи, — и вовсе почти никакой. Первыя наши кредитныя операціи (при Екатеринѣ II, въ 1769 г.) возникли, дѣйствительно, для цѣлей турецкихъ войнъ, но суммы тогдашнихъ займовъ были совершенно ничтожны (всѣхъ внѣшнихъ займовъ было заключено при Екатеринѣ менѣе, чѣмъ на 40 милліоновъ руб. сер.). Въ дальнѣйшемъ внѣшніе займы возрасли по случаю необходимости ликвидировать нѣкоторые расходы и урегулировать денежное обращеніе послѣ войнъ наполеоновскихъ, но суммы и этихъ займовъ были сравнительно также невелики (83 милл. руб. сер.), какъ невелики были (до 120 мил. руб. сер.) и заграничные военные займы при Николаѣ I (для турецкой, польской, персидской, венгерской войнъ и для расходовъ по замиренію Кавказа). Даже крымская война потребовала *внѣшнихъ* займовъ всего на сумму до 100 милл. руб., а турецкая 1877—1878 гг.— до 150 милл. руб. въ нынѣшней валютѣ. Для пріобрѣтенія Средней Азіи, Амурской области и Квантуна заграничныхъ займовъ и вовсе выпущено небыло. Между тѣмъ, сумма всѣхъ государственныхъ (кромѣ государствомъ гарантированныхъ) нашихъ займовъ, выпущенныхъ въ иностранной валютѣ (такъ называемыхъ «внѣшнихъ»), составляетъ въ настоящее время до 3,2 милліардовъ руб. (не считая послѣдняго 300 милл. руб. займа), а съ займами гарантированными, ипотечными, размѣщенными за границей внутренними займами, считая также иностранные капиталы, завязанные въ нашихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, общая

задолженность наша заграницѣ *превышаетъ пять милліардовъ рублей.* Эта огромная задолженность возникала за короткій промежутокъ, приблизительно въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ. начиная съ 1860 годовъ, когда приступили къ вполнѣ ошибочной ликвидаціи казенныхъ банковъ, обратившись для этого къ заграничнымъ рынкамъ, въ цѣляхъ реализаціи займовъ изъ 6—7 проц. дѣйствительныхъ для разсчета съ вкладчиками нашихъ банковъ, платившихъ всего 4 проц. Ликвидація вызвала полное разстройство денежнаго обращенія, которое пытались исправить также съ помощью внѣшнихъ займовъ; за полученіемъ денегъ въ цѣляхъ организаціи ипотечнаго кредита (упраздненнаго съ ликвидаціей тѣхъ же казенныхъ банковъ) обратились опять-таки къ иностранному денежному рынку; наконецъ, главнѣйшая часть внѣшнихъ займовъ была заключена для сооруженія желѣзнодорожной сѣти. Всѣ эти займы потребовали отъ насъ столь колосальныхъ платежей, что страна была не въ состояніи ихъ выработать,—пришлось заключать новые займы *спеціально для уплаты процентовъ по старымъ.* Такъ продолжается и до настоящаго времени. Изъ занятыхъ нами за границей денежныхъ капиталовъ мы не получили, конечно, и половины, такъ какъ съ одной стороны выручка по заключаемымъ займамъ заурядъ составляла 60—80 проц., а съ другой стороны и эта выручка оставалась обыкновенно въ значительной своей части заграницей-же, для уплаты процентовъ по старымъ займамъ или для разсчета по заграничнымъ заказамъ (преимущественно для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ очень долгое время мы не изготовляли у себя дома не только паровозовъ и вагоновъ, но даже рельсовъ). Оплата всѣхъ этихъ займовъ должна производиться, конечно, за счетъ вывозимыхъ нами заграницу продуктовъ, которыхъ, поэтому, мы должны вывезти ежегодно на гораздо большую сумму, чѣмъ получаемъ товаровъ изъ-заграницы, это наша своеобразная дань Европѣ за ссуженный ею намъ капиталъ. Эта

дань ежегодно составляетъ до 300 милл. рублей (включая и расходы нашихъ многочисленныхъ туристовъ, также вносящихъ дань за пользованіе европейской культурой и удовольствіями), и *если мы вывеземъ товаровъ на сумму, превышающую привозъ менѣе, чѣмъ на 300 милл. руб., неизбѣженъ въ той или другой формѣ новый внѣшній заемъ.* Отсюда понятно стремленіе нашего министерства финансовъ всячески сокращать заграничный привозъ (способствуя развитію отечественной промышленности) и поощрять нашъ вывозъ даже тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ мы сами нуждаемся. Идеалъ-же нашъ—въ томъ, чтобы вывозить товаровъ на сумму, достаточную не только для оплаты процентовъ по нашимъ долгамъ, но и для постепеннаго ихъ погашенія, что одно только можетъ дать намъ экономическую независимость. Какъ извѣстно, этимъ-же способомъ, т. е. усиленнымъ вывозомъ своихъ продуктовъ, погасила свои внѣшніе долги Америка, находившаяся отъ Европы еще въ большей зависимости, чѣмъ Россія. Другого исхода нѣтъ здѣсь и для насъ, иначе Россіи грозитъ экономическое банкротство. Въ такомъ положеніи сейчасъ не находится ни одно изъ крупныхъ государствъ, поэтому къ намъ совершенно непримѣнимы теоріи о свободной торговлѣ, которыя на практикѣ впрочемъ и примѣнялись только въ одной Англіи (да и то послѣ нѣсколькихъ столѣтій господства самого свирѣпаго протекціонизма), а скоро, вѣроятно, и въ Англіи перестанутъ примѣняться...

Главные предметы нашего вывоза (какъ и американскаго)— сельско-хозяйственные сырые продукты, преимущественно зерновой хлѣбъ, въ виду громадной конкуренціи странъ съ неистощенной почвой выбрасываемый за границу по крайне низкимъ цѣнамъ, недопускающимъ интенсивной системы земледѣлія и требующимъ для обработки земель, также еще неистощенныхъ. Отсюда внутренняя Россія почти уже не въ состояніи вывозить свой хлѣбъ за границу, да его и не хва-

таетъ даже для внутренняго населенія. Вывозится за границу хлѣбъ, главнымъ образомъ, изъ Новороссіи, Бесарабіи, Поволжья, сѣвернаго Кавказа, послѣднее время изъ Сибири,— этимъ наши окраины окупаютъ расходы, когда-то на нихъ произведенные центральной Россіей. Окраины-же даютъ и нѣкоторые другіе предметы нашего вывоза: Сибирь и Сѣверная Европейская Россія—масло и лѣсъ, Закавказье—нефтяные продукты, марганецъ, также лѣсъ, степныя области—кожи, скотъ, шерсть. Для развитія вывоза всѣхъ этихъ продуктовъ нужны намъ *новыя*, плодородныя мѣста. Увеличеніе территоріи нашей не можетъ, разумѣется, быть безконечнымъ, но пока мы успѣемъ распахать и истощить всѣ теперь уже принадлежащія намъ и возможныя для пріобрѣтенія земли, быть можетъ, намъ удастся покончить съ заграничной задолженностью, вопросъ о вывозѣ перестанетъ быть столь острымъ и мы будемъ въ состояніи перейти къ интенсивной системѣ обработки земли. Но помимо вывоза мы достигнемъ одинаковаго результата, сокращая ввозъ изъ заграницы необходимыхъ намъ товаровъ, т. е. производя ихъ дома. Если мы заглянемъ въ статистику нашей внѣшней торговли, то увидимъ, что ежегодно мы покупаемъ за границей хлопка на сумму свыше 100 милл. руб., чая свыше 50 милл. руб., шерсти (не чесанной и непряденной) и сала—до 25 милл. руб., невыдѣланныхъ (!) кожъ и воску—до 10 милл. руб., шелку (сырца) и джуты—на 20 милл. руб. Все это сырые продукты, необработанные, нѣкоторые изъ нихъ (сало, шерсть, воскъ, кожа) когда-то служили предметомъ нашего широкаго вывоза, а производство другихъ (хлопка) мы успѣли развести на нѣкоторыхъ нашихъ окраинахъ (Средней Азіи) настолько, что въ значительной долѣ избавились отъ необходимости полученія ихъ изъ за границы (почти до 70 мил. р. ежегодно).

Слѣдовательно, помимо заботъ о развитіи отечественной обрабатывающей промышленности, вслѣдствіе чего сокращается

необходимость ввоза изъ заграницы издѣлій, возможны заботы о развитіи производства такихъ предметовъ добывающей промышленности, которые мы теперь получаемъ на многіе десятки милліоновъ руб. изъ за границы. Въ числѣ этихъ продуктовъ хлопокъ отлично произростаетъ, помимо нынѣшнихъ нашихъ среднеазіатскихъ областей и Закавказья, въ *Восточномъ Туркестанѣ* и *Персіи*, разведеніе чая возможно въ той же *Персіи*, падающее наше скотоводство (слѣдовательно,—шерсть, кожи, сало) легко возстановить на привольныхъ степяхъ *Монголіи*; Средняя Азія (какъ и Китай)—исконная также страна-производительница шелку. Если предположить, что въ ближайшемъ будущемъ, конечно, при извѣстныхъ затратахъ, мы изъ числа перечисленныхъ продуктовъ, за которыя мы платимъ теперь за границу свыше 200 мил. р. ежегодно, могли бы произвести хотя три четверти (т. е. на 150 мил. руб.) дома, съ помощью присоединенныхъ новыхъ провинцій, то есть уже прямая выгода затратить на ихъ пріобрѣтеніе до 3.000 мил. руб., получится не убытокъ, а крупная прибыль. Если же принять во вниманіе, что вслѣдствіе такого пріобрѣтенія долженъ возрости вывозъ нашего хлѣба, скота, масла, кожъ, шерсти и т. д. за границу, что получится возможность дать выходъ на новыя земли избыточному населенію центральной Россіи, что усилится вывозъ русскихъ продуктовъ въ Китай (взамѣнъ получаемаго оттуда чая, который въ особенно большомъ количествѣ трудно будетъ развести и въ новыхъ областяхъ, хотя опытъ Англіи на Цейлонѣ даетъ надежды на успѣхъ также въ нашемъ Закавказьѣ и Персіи),—то экономическое значеніе проектированнаго приращенія нашей территоріи становится еще нагляднѣе. Между тѣмъ, ни война, ни сооруженіе въ новыхъ областяхъ желѣзныхъ дорогъ, ни устройство этихъ областей не могутъ поглатить такой крупной суммы, какъ 3—4 милліарда рублей, въ которую мы опредѣляемъ минимальную стоимость даже въ настоящее время

указанныхъ территорій. Конечно, произведенные окраинами и вассальными государствами продукты центральная Россія не получитъ даромъ, но она получитъ ихъ за производимые ею продукты, которыхъ теперь дѣвать некуда за неимѣніемъ рынковъ для сбыта. Перечисленные нами выше продукты мы получаемъ изъ странъ, въ которыя сами ничего не вывозимъ, поэтому плата за нихъ—нашъ чистый расходъ, который приходится покрывать вывозомъ въ Зап. Европу все того же хлѣба въ зернѣ за безцѣнокъ, оставляя свое населеніе полуголоднымъ.

Откуда же взять финансовыя средства для успѣшнаго окончанія войны, для занятія новыхъ территорій?

VI.

Огромные расходы современныхъ войнъ дѣлаютъ совершенно неизбѣжными крупные займы. Неизбѣжно и усиленное обложеніе какъ для цѣлей войны, такъ и для изысканія средствъ оплаты новыхъ займовъ. Истинная государственная мудрость заключается въ томъ, чтобы сдѣлать для народа войну наименѣе разорительной, дать возможность населенію какъ можно легче перенести тяжести, возлагаемыя военными издержками. Какъ можно меньше должно производиться расходовъ за границей; далѣе надо стараться, чтобы не уменьшались заработки населенія, чтобы данъ былъ ему кредитъ въ цѣляхъ облегченія временныхъ хозяйственныхъ затрудненій; чтобы займы заключались на условіяхъ, не обременяющихъ на долгіе годы государство повышенными платежами, чтобы вводимые налоги падали на богатые и обогащающіеся отъ войны классы населенія, а не на бѣдноту, и безъ того разоряемую войною. Въ высшей степени важно, чтобы военныя тягости по возможности падали не на отдѣльныя области, а распредѣлялись на все государство. Самое предпочтеніе займовъ передъ налогами, которое многими рекомендуется, объясняется именно желаніемъ разложить военные расходы въ значительной долѣ не на одинъ только годъ войны, а и на послѣдующее время, переложить ихъ и на будущія поколѣнія, имѣющія часто воспользоваться всѣми выгодами войны, отъ которой современныя поколѣнія несутъ одни убытки: государство вынуждено жить не только жизнью настоящаго, но и будущаго, и часто жертвовать даже интересами этого настоящаго въ пользу интересовъ будущихъ

поколѣній. Поэтому справедливость требуетъ участія и этихъ поколѣній въ расходахъ, вызванныхъ войнами. Иногда историческія задачи государства легче осуществить въ данный моментъ, чѣмъ въ будущемъ; такихъ моментовъ упускать нельзя, ибо исторія не повторяется, и не всякая ошибка бываетъ поправимой или поправленіе ея обходится чрезмѣрно дорого Такъ, пріобрѣтеніе незамерзающихъ портовъ въ Тихомъ океанѣ легко было сдѣлать еще лѣтъ 20 тому назадъ, въ 1894 г. дѣло можно было еще поправить, задержавъ военное развитіе Японіи сравнительно съ ничтожными затратами, — теперь это обойдется въ огромную цѣну. Весьма нелегкимъ можетъ оказаться также и пріобрѣтеніе побережій Индійскаго океана, бывшее нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ задачей очень легко осуществимой и въ послѣдній разъ легко осуществимой въ эпоху англо-бурской войны. Мы упустили всѣ эти благопріятные для насъ моменты, какъ неоднократно упускали возможность занятія Босфора, усложняя вопросъ объ этомъ захватѣ вопросомъ о Константинополѣ и Дарданеллахъ, безконечно дорого за это заплатили въ 1853—1855 г.г. и 1877—1878 г.г. и продолжаемъ нести тяжкое бремя по оборонѣ Черноморскаго побережья и созданія замкнутаго въ Черномъ морѣ военнаго флота. Сколько отсюда погибло милліардовъ рублей народныхъ сбереженій, сколько еще придется затратить въ будущемъ! Единственнымъ оправданіемъ служитъ намъ то, что всѣ эти выходы къ теплымъ морямъ имѣли и до сихъ поръ еще отчасти имѣютъ гораздо большее значеніе для будущихъ поколѣній, чѣмъ для настоящаго, а у насъ такъ много неудовлетворенныхъ настоящихъ нуждъ, что прежде всего слѣдовало бы заботиться о нихъ, а затѣмъ уже о выгодахъ будущихъ поколѣній, которыя сами сумѣютъ о себѣ позаботиться. Но выходило всегда какъ то такъ, что и насущныя наши внутренняго порядка нужды оставались безъ удовлетворенія, а на дорогѣ къ осуществленію великихъ задачъ будущаго становились серьез-

ныя препятствія, возникали факторы, которыхъ раньше даже не предвидѣлось. Думалъ ли кто въ 1830 году, когда занятіе Босфора и побережій Индійскаго океана зависѣло отъ одной доброй воли русскаго правительства, о возможности англо-французской коалиціи 1853—1855 гг.? О замыслахъ Англіи или Германіи (тогда не существовавшей) на южную Персію? Думалъ кто въ 1860 году о возможности культурнаго и военнаго возрожденія Японіи? Какъ дорого пришлось уже заплатить за оплошность бывшихъ государственныхъ дѣятелей, какъ дорого придется еще заплатить за поправленіе ихъ ошибокъ! Что дала намъ для внутренняго развитія мирная политика 30-ыхъ и 40-ыхъ годовъ или несомнѣнно мирная политика Императора Александра III?

Какъ бы то ни было, а ошибки поправлять надо. Но естественно стоимость этихъ поправокъ разложить на многіе годы и особенно на тѣ поколѣнія, которыя воспользуются плодами нынѣшней политики. Такой порядокъ всюду и всегда практиковался, и противъ него возражали только въ случаѣ веденія безцѣльныхъ войнъ, имѣющихъ значеніе политическихъ авантюръ, не ведущихъ къ территоріальнымъ приращеніямъ государства, чтобы затѣявшія войну поколѣнія почувствовали всю тяжесть ея, а не перекладывали бы ея съ помощью займовъ на поколѣнія будущія. Такъ поступилъ Гладстонъ въ эпоху Крымской кампаніи, настоявъ на покрытіи значительнѣйшей части ея расходовъ путемъ крупнаго усиленія налоговъ, а не одними займами. У насъ и въ Австріи могли вести цѣлый рядъ безцѣльныхъ, непроизводительныхъ войнъ, конечно, только благодаря обращенію къ такому средству, какъ выпускъ въ огромныхъ количествахъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Правильное денежное обращеніе является до извѣстной степени оплотомъ противъ такихъ безполезныхъ и непопулярныхъ поэтому войнъ. Съ другой стороны, вполнѣ производительныя войны 1860 и 1870 годовъ для завоеванія Средней Азіи у насъ были про-

ведены исключительно за счетъ обыкновеннаго бюджета, т. е. за счетъ податныхъ рессурсовъ, и таковая же война съ Китаемъ 1900 г. была отнесена на счетъ довольно крупнаго повышенія налоговъ, къ займамъ не прибѣгали. Крымскую же и русско-турецкую войны, напротивъ, провели преимущественно за счетъ многочисленныхъ кредитныхъ операцій и за счетъ выпуска неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Вообще, у насъ замѣчается полное отсутствіе правильной системы распредѣленія бремени, возлагаемаго на населеніе войной, что, однако, въ высшей степени важно для уменьшенія этого бремени. Такъ, содержаніе семействъ призванныхъ на войну нижнихъ чиновъ падаетъ у насъ по закону на города и земства тѣхъ мѣстностей, гдѣ была произведена мобилизація арміи, хотя бы это была частичная мобилизація (какъ въ нынѣшнюю войну). Такъ что мѣстности, лишившіяся лучшаго контингента своихъ рабочихъ силъ, должны въ то же время нести еще и дополнительные расходы по означенному содержанію, тогда какъ остальныя мѣстности вовсе освобождаются отъ спеціальныхъ военныхъ тягостей.

Далѣе, планы мобилизаціи, выработанные на случай призыва къ оружію всего обученнаго военному дѣлу населенія и въ этомъ случаѣ вполнѣ цѣлесообразные, очень теряютъ при производствѣ частичной мобилизаціи, когда призывается къ оружію далеко не весь контингентъ запасныхъ чиновъ. При такомъ частичномъ призывѣ слѣдовало бы брать на службу съ извѣстнымъ разборомъ, освобождая лицъ призыва дальнихъ сроковъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лицъ многосемейныхъ, являющихся единственной поддержкой своей семьи, — чтобы не возлагать эту поддержку на общество. (Теперь эти ошибки, допускавшіяся при первыхъ мобилизаціяхъ, отчасти уже исправлены). О будущей мобилизаціи извѣщать слѣдовало бы заранѣе, такъ какъ правительство сейчасъ же по объявленіи войны опредѣлило, какіе корпуса будутъ отправлены на театръ военныхъ дѣйствій, между тѣмъ

призываемые успѣли бы привести въ порядокъ свои дѣла и надлежащимъ образомъ снарядиться. Конечно, въ этомъ случаѣ возможны частыя уклоненія отъ явки, но они возможны всегда, практиковались въ весьма обширныхъ размѣрахъ и въ нынѣшнюю мобилизацію, при чемъ забраны были именно явившіеся во время, т. е. наиболѣе исправные, опоздавшіе же и уклонившіеся остались на мѣстѣ и, сколько извѣстно, даже не понесли никакихъ взысканій, хотя по закону таковыя установлены въ весьма серьезной степени. Въ интересахъ справедливости (что возможно только при постепенной, а не спѣшной мобилизаціи) слѣдовало бы, напротивъ, принять сперва изъ числа запасныхъ чиновъ въ дѣйствующую армію, для укомплектованія идущихъ на войну частей, лицъ добровольно изъявившихъ на то желаніе, затѣмъ лицъ ближайшаго призывного срока, по возможности холостыхъ и бездѣтныхъ, и, наконецъ, уже всѣхъ остальныхъ, до полученія комплекта (тутъ и экономическій, и этическій принципы.) Опоздавшіе къ призыву должны подвергаться денежному штрафу, а дѣлающіе попытки въ уклоненію, кромѣ двойного денежнаго штрафа, также уголовному наказанію. Возможно было бы также поднять вопросъ объ установленіи спеціальнаго налога на тѣхъ лицъ, которыя, будучи обязаны идти на войну, почему либо освобождены отъ этой обязанности. О справедливости этого налога очень много въ свое время говорилось, въ нѣкоторыхъ государствахъ (Австріи, Швейцаріи напр.) онъ и существуетъ, но у насъ въ настоящее время, по поводу японской войны, кажется даже никто и не вспомнилъ о возможности такого налога, хотя для распредѣленія военнаго бремени онъ имѣлъ бы безспорное значеніе.

То же, что сказано о мобилизаціи арміи, относится всецѣло и къ мобилизаціи конской. Правила о ней (т. е. о принудительной поставкѣ населеніемъ для арміи лошадей) совершенно цѣлесообразны при общей и внезапной мобилиза-

ціи всѣхъ силъ государства. Здѣсь нѣтъ времени для постепеннаго пріобрѣтенія лошадей въ разныхъ мѣстностяхъ путемъ добровольной покупки. Надо брать то, что есть подъ руками. Но при мобилизаціи частичной, производимой только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ объявленія войны, государство легко можетъ купить все необходимое ему количество лошадей, особенно по тѣмъ очень крупнымъ (для среднихъ покупокъ) цѣнамъ, которыя были установлены при принудительномъ отчужденіи лошадей (80—200 руб. за лошадь). За то матеріалъ получился бы однородный и вполнѣ пригодный для своей цѣли; съ другой стороны, не было бы допущено несправедливаго обогащенія однихъ владѣльцевъ и потери другихъ, въ зависимости отъ того, какого качества лошадей у нихъ взяли. Затрудненій въ пріобрѣтеніи лошадей путемъ добровольной покупки у насъ встрѣтиться не могло бы, но если бы и встрѣтились, то возможно было бы въ этомъ случаѣ допустить и принудительное отчужденіе съ правомъ поставки владѣльцами наличныхъ лошадей другихъ лошадей требуемаго военнымъ вѣдомствомъ качества, что было бы весьма легко, если бы военно-конская перепись за извѣстный промежутокъ времени до самой поставки лошадей сдѣлала бы обязанными владѣльцевъ переписанныхъ лошадей сдать таковыхъ или равнокачественныхъ имъ лошадей въ извѣстный срокъ для военныхъ надобностей, за опредѣленное вознагражденіе. При принятомъ же у насъ въ нынѣшнюю войну порядкѣ бывали взяты лошади, мало пригодныя для военныхъ цѣлей, за очень высокую плату, а съ другой стороны и такія лошади, которыя, при своей малой пригодности для той же цѣли, стоили во много разъ дороже назначенной правительствомъ цѣны, и хотя право замѣнить этихъ лошадей другими было предоставлено владѣльцамъ ихъ, но срокъ для осуществленія этого права былъ назначенъ столь короткій (24 часа), что замѣна оказалась въ большинствѣ случаевъ совершенно не возможною, между тѣмъ владѣльцы съ

охотою предлагали такой выкупъ, взамѣнъ поставки лошадей натурой, при которомъ казна могла бы получить средства для пріобрѣтенія двойного или тройного комплекта лошадей сравнительно съ взятымъ отъ этихъ владѣльцевъ. Еслибы бремя поставки лошадей было распредѣлено между *всѣми* владѣльцами таковыхъ въ Имперіи, какъ своеобразный налогъ на *предметъ роскоши* (рабочихъ лошадей продать за назначенную правительствомъ цѣну было очень выгодно, и потому о *выкупѣ* ихъ не могло быть и рѣчи), то такой порядокъ былъ-бы и еще справедливѣй и выгоднѣй для государства, чѣмъ при обращеніи за лошадьми только къ нѣкоторымъ мѣстностямъ. Мы уже не говоримъ, что послѣднія не всегда (за спѣшностью) были выбраны удачно: привлечены были, напр., къ отбытію военно-конской повинности уѣзды, гдѣ всѣ полевыя работы производятся на волахъ и лошадей почти нѣтъ. (Таковъ, напр., Старобѣльскій уѣздъ Харьковской губ.). Вообще, повторяемъ, мобилизація могла-бы быть произведена съ лучшимъ распредѣленіемъ налагаемаго ею бремени на все государство, нежели на отдѣльныя его части, чрезмѣрно поэтому пострадавшія отъ войны. Задача-же государства при всякой войнѣ, а особенно такой войнѣ, какъ нынѣшняя, грозящей затянутся, а быть можетъ, и осложниться вмѣшательствомъ другихъ державъ,—провести ее такъ, чтобы населеніе возможно меньше почувствовало ея тягость, возможно меньше понесло-бы экономическаго ущерба, возможно дольше могло-бы давать на войну средства и сохранить свои силы для дальнѣйшей борьбы. Поэтому, вопросъ о правильномъ производствѣ военныхъ расходовъ и равномѣрное распредѣленіе военнаго бремени выступаетъ на первый планъ, и раньше чѣмъ обратиться къ вопросу о способахъ изысканія финансовыхъ рессурсовъ для войны, приходится говорить о военныхъ расходахъ и ихъ распредѣленіи, при удачномъ осуществленіи котораго это изысканіе рессурсовъ становится несравненно болѣе легкимъ.

Военные расходы складываются изъ цѣлаго рядя статей, главнѣйшія изъ которыхъ: снаряженіе арміи, снабженіе ея продовольствіемъ и военными матеріалами, транспортированіе арміи и ея продовольствія и снаряженія на театръ военныхъ дѣйствій, крѣпостныя работы, дорожныя сооруженія, пріобрѣтеніе и исправленіе военныхъ судовъ, денежное довольствіе арміи и флота (всегда во время войны повышенное). Самое выгодное для государства, если снаряженіе и вооруженіе арміи и флота возможно внутри страны безъ обращенія къ заграничнымъ заказамъ, транспортированіе—внутренними путями сообщеній или на своихъ судахъ, а продовольствіе арміи производится въ непріятельской странѣ, облагаемой соотвѣтственными налогами и реквизиціями, по наполеоновскому принципу: «la guerre nourrit la guerre». Но такого идеала достигнуть не легко: безъ заграничныхъ заказовъ въ современныхъ войнахъ обойтись очень трудно, когда спѣшно приходится вооружать и снаряжать громадную армію, когда возобновленіе необходимыхъ военныхъ принадлежностей исчерпываетъ производительную способность страны, и приходится обращаться къ болѣе обширному міровому рынку. Въ нынѣшней войнѣ мы находимся (относительно, конечно) въ условіяхъ весьма благопріятныхъ: война ведется не на нашей территоріи, при томъ очень удаленной отъ центра, который, такимъ образомъ обезопасенъ отъ ужасовъ войны, носящей характеръ колоніальной. Въ смыслѣ транспортированія войскъ это крайне неудобно, такъ какъ ведетъ къ огромнымъ расходамъ по доставкѣ арміи на мѣсто военныхъ дѣйствій, но эта доставка производится по казенной желѣзной дорогѣ, соприкасающіеся съ которой рельсовые пути также или составляютъ государственную собственность или находятся въ обязательныхъ финансовыхъ отношеніяхъ съ казною. Громадная часть необходимыхъ заказовъ по вооруженію, снаряженію и довольствію войскъ могла быть выполнена на русскихъ заводахъ, какъ равно по сооруженію,

исправленію и вооруженію судовъ. Въ этомъ отношеніи мы гораздо лучше поставлены, чѣмъ Японія, которая была вынуждена все почти вооруженіе, весь флотъ, все снаряженіе арміи купить и заказать за границею, за границею же пріобрѣсть лошадей, значительную часть продовольствія арміи и даже транспортныхъ средствъ. Въ виду объявленія всѣхъ этихъ предметовъ военною контрабандою и небезопасности морского пути, заказы японскіе во время войны выполнялись и выполняются по чрезвычайно повышеннымъ цѣнамъ, и такой порядокъ можетъ повести къ совершенному истощенію Японіи, исчезновенію всѣхъ ея золотыхъ запасовъ, огромному росту внѣшней задолженности.

Но и Россія не могла и не можетъ обойтись безъ заграничной помощи. Война застала насъ въ періодѣ перевооруженія скорострѣльными орудіями, значеніе которыхъ и до сихъ поръ еще (не смотря на опытъ ведущейся войны) недостаточно многими себѣ уяснено. Артиллерія, которая потеряла въ весьма сильной степени свое значеніе въ эпоху франко-прусской и русско-турецкой войны, по введеніи системы земляныхъ полевыхъ укрѣпленій и игольчатаго (а особенно магазиннаго) ружья, съ изобрѣтеніемъ скорострѣльной пушки возвращаетъ всю свою грозную силу эпохи наполеоновскихъ войнъ и выступаетъ снова на первый планъ сравнительно съ ружьемъ и окопами. Мы наврядъ-ли съ особою ясностью это сознавали, такъ какъ, приступивъ къ перевооруженію арміи (съ 1900 г.) новыми орудіями, всячески урѣзывали на это ассигновки (перевооруженіе было разсрочено на 8 лѣтъ и должно было окончиться въ 1908 году) и вели споръ о томъ, какому изъ нашихъ заводовъ отдать преимущество при заказѣ,—казенному-ли воткинскому или же частному путиловскому, при чемъ споръ былъ рѣшенъ (по настоянію министерства финансовъ и военнаго министерства, противъ заключенія государственнаго контролера) въ пользу Путиловскаго завода, хотя послѣдній предложилъ болѣе высокія цѣны и отнюдь не за-

служивалъ бо́льшаго довѣрія по своей добросовѣстности или качеству своихъ издѣлій, чѣмъ казенный Воткинскій заводъ,— рѣшенъ на томъ основаніи, что Путиловскій заводъ долженъ выдавать своимъ акціонерамъ дивидендъ, тогда какъ казенному заводу девидендовъ выдавать не надо (какъ будто-бы казна не должна была получать никакого дохода на свое предпріятіе!), и еще по тому, что Путиловскій заводъ ввелъ нѣкоторое свое усовершенствованіе къ орудіямъ принятаго нами образца. Самый споръ о предпочтеніи того или другого завода показываетъ, что на дѣло не смотрѣли съ достаточной серьезностью, иначе заказы были-бы охотно даны обоимъ заводамъ, и надо было-бы радоваться, что есть внутри страны заводы, могущіе изготовлять орудія новѣйшихъ, усовершенствованныхъ типовъ. Какъ-бы то ни было, только незначительное количество скорострѣльныхъ орудій было готово къ моменту войны, горныхъ скорострѣльныхъ орудій не было вовсе, гаубицъ, особенно новаго типа, не было также (были старыя мортиры), не было и многаго другого, необходимаго для войны (напримѣръ, воздухоплавательныхъ полевыхъ парковъ, аппаратовъ для безпроволочнаго телеграфа, надлежащаго количества судовыхъ минъ и минъ загражденія, не было крановъ для ихъ постановки и т. д.). Все это создать своими средствами сразу было невозможно, спѣшность вызвала множество неисправностей. Пришлось обратиться къ заграничнымъ заказамъ, при томъ по невыгоднымъ цѣнамъ. Далѣе, для усиленія флота пришлось покупать иностранныя транспортныя и военныя суда, закупать за границей въ усиленномъ количествѣ каменный уголь для нашего военнаго флота, принадлежности для вновь вооруженныхъ и поврежденныхъ на войнѣ судовъ; наконецъ, доставку самаго продовольствія для части арміи и флота и подвозъ военныхъ снарядовъ и угля для нея оказалось необходимымъ организовать на нейтральныхъ судахъ по крайне возвышеннымъ цѣнамъ, въ виду блокады побережья Тихаго Океана японскимъ флотомъ

(для Владивостока и Портъ-Артура). Довольствіе манчжурской арміи пришлось организовать на мѣстѣ, доставляя только сравнительно незначительную часть его изъ Россіи, что оказалось вполнѣ возможнымъ и даже сравнительно не дорогимъ въ виду чрезвычайнаго богатства продовольственными рессурсами Монголіи и особенно Манчжуріи—театра нашихъ военныхъ дѣйствій. Все это повело къ огромному количеству заграничныхъ расходовъ, а, слѣд., и къ необходимости внѣшнихъ займовъ. Въ частности при производствѣ расходовъ въ Манчжуріи мы допустили двѣ очень крупныя ошибки.

Первая ошибка—въ сохраненіи китайской системы обложенія въ занятой нами Манчжуріи. Благодаря этому, мы обогатили Китай (куда стекаются всѣ взимаемые съ манчжуровъ налоги) еще во время постройки Восточной Китайской жел. дороги. Съ введеніемъ-же въ Манчжурію громадной арміи, продовольствуемой средствами мѣстнаго населенія, пріобрѣтаемыми нами по крайне высокимъ цѣнамъ и при привлеченіи этого населенія, какъ рабочей силы (при созданіи укрѣпленій и транспортированіи обозовъ и раненыхъ), расходы наши достигли громадныхъ размѣровъ, китайско-манчжурское населеніе оккупируемыхъ нами областей весьма значительно разбогатѣло, для насъ же всѣ эти расходы представляются заграничными, т. е. безвозвратными, такъ какъ мы никакихъ налоговъ въ Манчжуріи не взимаемъ. Между тѣмъ, не только въ территоріи, подвергнутой постоянной оккупаціи (какъ Манчжурія), но и въ занятыхъ при войнѣ областяхъ всегда и всѣми вводятся особые налоги для мѣстнаго населенія на покрытіе расходовъ оккупаціонной арміи; при извѣстныхъ условіяхъ назначаются реквизиціи съ населенія, предметы продовольствія таксируются и часто подлежатъ принудительному отчужденію; вводится право воинскаго безплатнаго постоя. Такъ именно дѣлаютъ японцы, занимая покинутыя нами части Манчжуріи. Они вводятъ свою систему податей и выбираютъ у населенія деньги, оставленныя

ему русскими. Отсюда веденіе войны Японіи обходится неизмѣримо дешевле, чѣмъ Россіи. Конечно, если желаютъ сохранить расположеніе населенія занятыхъ областей (что, впрочемъ, немыслимо, населеніе все равно, при самомъ наилучшемъ къ нему отношеніи, будетъ относиться съ своей стороны къ оккупанту враждебно), реквизиціи назначаются только въ крайнемъ случаѣ и при достаточномъ вознагражденіи за взятые припасы. Плата за послѣдніе (при добровольной доставкѣ) назначается высокая, постоемъ стараются стѣснить возможно меньше, но *отъ налоговъ населеніе никогда не избавляютъ* и не даютъ возможности поступать этимъ налогамъ въ чужія руки (въ данномъ случаѣ въ пользу китайскаго правительства, вооружающаго за счетъ этого поступленія прекрасную армію для дѣйствій противъ Россіи въ Манчжуріи и Монголіи, войска Юаншикая и Ма). Мы настоятельно рекомендуемъ покончить съ этимъ порядкомъ вещей и всюду въ занимаемыхъ областяхъ устанавливать русскую систему обложенія мѣстнаго населенія, разработанную примѣнительно къ условіямъ военнаго времени. Многое здѣсь нами упущено (съ утратой Инкоу и его возможныхъ таможенныхъ сборовъ); но въ будущемъ, если Ляодунскій полуостровъ снова будетъ нами завоеванъ, присоединеніе Манчжуріи къ Россіи будетъ единственнымъ способомъ возмѣстить ей хотя бы отчасти произведенные во время содержанія тамъ нашей арміи расходы. Иначе—это безвозвратный и самый непроизводительный изъ нашихъ расходовъ, ведущій къ серьезному истощенію населенія коренной Россіи, вынужденнаго платить проценты по сдѣланнымъ для цѣлей манчжурской оккупаціи займамъ.

Другая наша ошибка—въ чрезвычайно неправильной постановкѣ нами въ Манчжуріи системы денежнаго обращенія. Вмѣсто того, чтобы съ самаго начала занятія нами Манчжуріи ввести тамъ русскую денежную единицу, такъ какъ приходилось расходовать именно русскія деньги, мы удержали китайскую систему (вѣрнѣе—«безсистемье», такъ какъ

у китайцевъ считаютъ и на чохи, и на слитки серебра, по ихъ вѣсу, на таэли или ланы, и на такъ называемые мексиканскіе доллары, и на разноколиберные китайскіе доллары которые одни для Кантона, другіе для Гирина и т. д.), съ серебряной валютой въ основаніи, съ ея непрерывными курсовыми колебаніями. И это—имѣя у себя правильное золотое денежное обращеніе и размѣнные на золото кредитные билеты! Конечно, китайское населеніе съ гораздо большею охотою брало и беретъ наше золото, чѣмъ мексиканскіе доллары, но самый счетъ ведется не на рубли, происходитъ путаница въ этихъ счетахъ, является необходимость перечисленія долларовъ въ рубли, и наоборотъ, пришлось въ недавнее время, по приказанію Намѣстника, воспрещать эти перечисленія и требовать счета прямо на рубли. Оказалось такое ни съ чѣмъ несообразное для размѣнныхъ денегъ явленіе, какъ сильнѣйшее *колебаніе курса* нашего кредитнаго рубля съ неизмѣнной тенденціей къ его пониженію. Все это объясняется тѣмъ порядкомъ, который былъ принятъ нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ для денежнаго обращенія въ Манчжуріи.

Туда были направлены по преимуществу кредитные билеты мелкаго достоинства (что было вполнѣ основательно), но они стали размѣниваться не на золото, а на серебро (!), по курсу, опредѣляемому министерствомъ финансовъ въ зависимости отъ цѣны на серебро въ Лондонѣ. Для поддержанія размѣна куплено было заграницей извѣстное количество серебра, пополненное затѣмъ новыми покупками и запасами серебра нашего государственнаго казначейства,—другими словами, была произведена непроизводительная новая затрата золота на закупку обезцѣненнаго и все болѣе и болѣе обезцѣнивающагося металла, а самый фактическій размѣнъ на это серебро былъ въ высшей степени затрудненъ вслѣдствіе громоздкости послѣдняго, небезопасности перевозокъ его съ одного мѣста въ другое при военномъ положеніи, необходимости закрывать и переводить отдѣленія

русско-китайскаго банка, на который былъ возложенъ размѣнъ, при отсутствіи въ даже крупныхъ городахъ отдѣленій русскаго государственнаго казначейства (кромѣ полевыхъ). Отсюда естественно утвердилось неразмѣнное обращеніе кредитныхъ билетовъ, обезпечиваемое, конечно, возможностью переслать ихъ въ Россію для обмѣна на золото или въ отдѣленія русско-китайскаго банка въ Шанхаѣ и Тянь-Цзинѣ для обмѣна на серебро по установленному сообразно съ его цѣнами курсу. Затрудненія для мелкихъ китайскихъ торговцевъ, а особенно для рабочихъ и вообще для лицъ, не занимающихся никакими коммерческими оборотами, въ возможности пересылки кредитныхъ рублей для обмѣна, особенно на мелкія суммы, въ связи со множествомъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ японцами, заставили китайцевъ принимать наши кредитки съ большою осторожностью и, слѣдовательно, возвышать цѣны на всѣ свои предметы потребленія и услуги: учитывались возможность полученія фальшивыхъ денегъ, опасность непринятія русскихъ денегъ при оборотахъ между самими же китайцами, потерь при обмѣнѣ китайскими мелкими банкирами и мѣнялами русскихъ денегъ на ходячую китайскую монету. Благодаря всему этому, получились огромныя переплаты русской арміи за китайскія услуги и предметы потребленія, не говоря уже объ неудобствѣ платить деньгами, которыя принимаются неохотно, какъ бы изъ одолженія, съ огромнымъ учетомъ. Выгоды же мы здѣсь никакой не получаемъ, хотя и сохраняемъ *пока* нѣкоторое количество золота внутри Россіи отъ ухода въ Китай, ибо это золото, рано или поздно, все равно туда уплыветъ, когда рубли будутъ присланы въ Россію для обмѣна, а это непремѣнно случится, такъ что золото все равно мы не удержимъ. Между тѣмъ мы переплатимъ по крайней мѣрѣ на одну треть за все, что купимъ въ Манчжуріи, а это уже совершенно непростительная расточительность, которой весьма легко можно было бы из-

бѣгнуть, пустивъ въ обращеніе кредитные (тѣ же мелкіе) билеты, но *размѣнные*, какъ и въ Россіи, *на золото* безъ всякихъ ограниченій, при чемъ размѣнъ, конечно, всего лучше было бы производить на крупную золотую монету, т. е. на имперіалы. Безпрепятственный размѣнъ на золото (къ которому китайцы такъ падки) вселилъ бы огромное довѣріе къ русскому рублю, который принимался бы уже безъ всякаго учета, на очень мелкія суммы размѣнъ былъ бы невозможенъ, такъ что для обезпеченія рубль за рубль золота отнюдь бы не потребовалось, а въ результатѣ не было бы ни непроизводительныхъ затратъ на покупку серебра, ни переплатъ на китайскихъ поставкахъ, а золота внутри Россіи больше было бы сохранено, чѣмъ это будетъ достигнуто теперь. Кто могъ порекомендовать нашему финансовому вѣдомству принятую имъ нелѣпую систему денежнаго обращенія, рѣшительно недоумѣваемъ. Вѣроятно, опять какой-нибудь хитроумный банкиръ (не оракулъ ли министерства финансовъ покойный Ротштейнъ?), заинтересованный въ разныхъ арбитражныхъ операціяхъ. На этотъ счетъ слѣдовало бы быть осмотрительнѣй. Но неужели же чиновники м-ва ф-овъ столь слабо освѣдомлены въ вопросахъ денежнаго обращенія?

Мы нарочно указываемъ здѣсь на всю важность осмотрительной постановки производства военныхъ расходовъ, чтобы показать, какъ многое можетъ быть здѣсь улучшено и удешевлено и тѣмъ самымъ какъ можетъ быть упрощена задача государства по добыванію средствъ для войны. Самый характеръ этого добыванія средствъ зависитъ въ значительной степени отъ характера производимыхъ расходовъ, будутъ ли они возмѣстимыми для государства, или безвозвратными, преслѣдуютъ ли они спеціально военныя цѣли, или цѣли побочныя, тѣсно связанныя съ войной. Къ изученію способовъ добыванія государствомъ средствъ на войну и обращаемся.

VII.

Подъ впечатлѣніемъ тяжкихъ, потрясающихъ извѣстій съ Дальняго Востока многими овладѣваетъ полное уныніе, и сомнѣніе въ благопріятномъ для насъ исходѣ войны, руки опускаются, и мысль перестаетъ работать. Но это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ неправильнаго представленія о значеніи и характерѣ японской войны. Мы все еще не можемъ усвоить того положенія, что имѣемъ дѣло съ сильнымъ и искуснымъ врагомъ, которому сами же въ свое время помогли отлично вооружиться (за счетъ гарантированной нами китайской контрибуціи), хотя ясно было, что это вооруженіе направлено именно противъ Россіи. Побѣдить такого врага однимъ ударомъ,—присылкой, напримѣръ, на помощь слабой тихоокеанской эскадрѣ (теперь уже несуществующей) еще болѣе слабой эскадры балтійской и этимъ сразу покончить войну, отрѣзавъ японскую армію отъ родины, лишивъ ее подвоза военныхъ снарядовъ и продовольствія,—совершенно невозможно, и это всегда было ясно для тѣхъ, кто усвоилъ себѣ смыслъ событій. Если, имѣя огромное преимущество во флотѣ, Японія не могла въ теченіе свыше одинадцати мѣсяцевъ прервать сообщенія не только всего нашего тихоокеанскаго побережья, но даже блокированнаго Портъ-Артура съ другими странами и помѣшать доставкѣ туда и съѣстныхъ, и военныхъ припасовъ, и каменнаго угля, то какъ хотя бы и весь нашъ соединенный тихоокеанскій и балтійскій флоты, которые, однако, имѣли бы самое ничтожное преимущество передъ флотомъ японскимъ, могли бы перервать, не обладая (помимо всего про-

чаго) многочисленными опорными пунктами (одинъ Портъ-Артуръ, неудобный, опасный, теперь—увы—уже взятый японцами, Владивостокъ—замерзающій!), сообщеніе Японіи съ ея арміей, хотя бы, напримѣръ, черезъ Китай. И это при самыхъ благопріятныхъ для насъ условіяхъ, т.-е. въ томъ невѣроятномъ предположеніи, что тихоокеанская эскадра осталась бы цѣлою и невредимою до подхода балтійской, эта послѣдняя дошла бы во время и совершенно благополучно, что въ морскомъ бою съ японскимъ флотомъ побѣда непремѣнно осталась бы за нами, и притомъ побѣда рѣшительная, такъ какъ безъ этого условія она оказалась бы почти безцѣльною и, во всякомъ случаѣ, несоотвѣтствующею затратамъ, произведеннымъ на снаряженіе и отправку балтійской эскадры. Теперь, когда вполнѣ выяснилось, что объ участіи въ бою артурской эскадры (совершенно уже уничтоженной) не можетъ быть рѣчи, а эскадра адм. Рожественскаго почти въ два раза слабѣе японскаго флота, надежда на морскую побѣду должна быть совершенно оставлена.

Но если даже объ отрѣзываніи японской арміи съ моря можно было говорить совершенно безъ достаточныхъ основаній, то о десантѣ русской арміи въ Японію, при столь слабыхъ нашихъ морскихъ силахъ, серьезно нельзя было и мечтать, а между тѣмъ, у насъ именно мечтали и о такой, несомнѣнно, несостоятельной военной и политической авантюрѣ. Упускалось изъ виду, что наши военныя дѣйствія съ самаго начала должны были быть разсчитаны на такой случай, какъ если бы помимо Японіи, съ нами вела войну и *еще одна морская сильная держава*, борьба съ которой на морѣ для насъ невозможна, ибо отъ вмѣшательства Англіи или Америки мы отнюдь не гарантированы, сколько бы имъ не уступали по всякому поводу и безъ всякаго повода. Другими словами, мы съ самаго начала должны были разсчитывать *только на свои сухопутныя силы*, на флотъ же возложить исключительно вспомога-

тельныя дѣйствія и быть вполнѣ довольными, что этотъ флотъ успѣлъ сослужить свою службу въ теченіе десяти мѣсяцевъ, приковавъ весь японскій флотъ къ Портъ-Артуру, дѣйствуя на сообщенія японцевъ, мѣшая ихъ транспортнымъ операціямъ, обезпечивая наши побережья Тихаго океана и Сахалинъ отъ нападеній вражескаго флота. За это время мы должны были успѣть мобилизовать и доставить войска ко всѣмъ угрожаемымъ пунктамъ, укрѣпить ихъ и стать въ *сильное* оборонительное положеніе. Если мы въ этомъ не успѣли, флотъ здѣсь не при чемъ.

Придавать флоту рѣшающее значеніе въ какой бы то ни было войнѣ, а тѣмъ болѣе въ войнѣ для насъ *оборонительной*, какъ нынѣшняя,—заблужденіе. Лучшее доказательство—вѣковая борьба Англіи противъ Франціи, окончившаяся, не смотря на всѣ самые блестящіе успѣхи англичанъ, потерей всѣхъ ихъ владѣній на материкѣ Европы. Не удалось даже удержать Кале. Война должна рѣшиться сухопутной арміей, которой флотъ ничѣмъ не поможетъ, ни нашъ, ни японскій, содѣйствіе котораго даже обратной посадкѣ армій на суда (подъ ударами русскихъ орудій) болѣе, чѣмъ проблематично. Роль флота—только *вспомогательная*, это доказала уже въ нынѣшнюю войну оборона Артура,—грозная и непреодолимая для флота и (при всемъ искусствѣ и мужествѣ осажденныхъ) недѣйствительная съ суши (ибо защищаемый крѣпостью флотъ все же былъ уничтоженъ канонадою сухопутныхъ орудій). Флотъ необходимъ для защиты *острововъ*, но и то только въ томъ случаѣ, если они вообще не защищены другими способами, необходимъ для защиты большой береговой линіи. Вообще, конечно, было бы прекрасно, еслибы мы имѣли могущественный флотъ. Обладаніе имъ избавило бы насъ отъ войны съ Японіей, не давъ возможности ей высадить свои войска на азіатскомъ материкѣ. Но вѣдь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ: флота у насъ нѣтъ, возможна ли оборона безъ флота? И если мы

можемъ организовать оборону *только* съ помощью флота, то не будемъ ли мы въ полной зависимости отъ Англіи и Америки? Возможно ли намъ имѣть флотъ, равный этимъ государствамъ? Помогъ ли великолѣпный флотъ Франціи въ 1870 г. противъ Германіи, не имѣвшей флота вовсе? Если мы были такъ небрежны, что не укрѣпили Сахалина и важнѣйшихъ пунктовъ Приморской области, кто въ этомъ виноватъ? Какой надо имѣть флотъ, чтобы охранить все наше огромное побережье Тихаго Океана? Чтобы разобраться даже въ чисто военныхъ вопросахъ (технически), необходимо твердо сознавать *цѣль войны*, а тогда ясны будутъ и способы ея осуществленія. Съ этой точки зрѣнія даже занятіе японцами всего Квантуна, взятіе Портъ-Артура, при всемъ прискорбіи такой нашей неудачи, при всей незамѣнимости потери части нашей арміи (съ самыми выдающимися и талантливыми вождями) и первоклассной крѣпости, никакого рѣшающаго значенія для исхода кампаніи и для достиженія цѣли войны не имѣетъ. Опытъ нынѣшней борьбы окончательно показалъ (на это мы лично указывали гораздо раньше), что Квантунскій полуостровъ, какъ конечный выходъ Сибирской желѣзной дороги, былъ выбранъ неудачно и съ коммерческой, и со стратегической точки зрѣнія. Дальній—замерзаетъ, совершенно не защищенъ отъ нападенія ни съ моря, ни съ суши. Портъ-Артуръ имѣетъ одинъ выходъ, крайне узкій, доступный только во время прилива, идущія изъ него въ открытый океанъ суда всегда подъ ударами Вей-Хай-Вея, нарочно съ этой цѣлью занятаго англичанами; отъ континента Квантунъ отрѣзанъ узкимъ и трудно-проходимымъ (горы) перешейкомъ, угрожаемымъ со стороны моря, почему освобождать осажденный Артуръ, не имѣя сильнаго флота, почти невозможно и требуетъ невѣроятныхъ жертвъ.

Торговля съ Манчжуріей была сосредоточена въ Инкоу и Шангай-Гуанѣ, несмотря на прекрасное оборудованіе Дальняго и объявленіе его порто-франко, и на измѣненіе этого

порядка разсчитывать очень трудно и въ будущемъ. При такихъ условіяхъ совершенно ясно, что борьба отнюдь не должна вестись нами изъ-за Квантуна, а только за Корею и Монголію съ Манчжуріей, для которой выходы въ вполнѣ доступныхъ для подхода нашей арміи Инкоу и Цин-ванъ-дао (Шанхай-Гуань), а не въ Дальнемъ и Артурѣ. Если японская армія наступаетъ на русскую, отходя все болѣе и болѣе отъ Кореи, то становится необходимымъ образовать вторую русскую армію («корейскую» рядомъ съ «манчжурской») и двинуть ее съ сѣвера въ Корею, въ тылъ японской арміи, что чрезвычайно упростило и облегчило бы намъ борьбу за Корею сравнительно съ тѣмъ, если-бы намъ пришлось шагъ за-шагомъ занимать ее, выбивая отступающую японскую армію изъ укрѣпленныхъ позицій горной страны. Здѣсь въ Кореѣ, легче всего соорудить и наиболѣе пригодный для обороны нашего побережья военный портъ—въ Мозампо, а выбивать японцевъ изъ Квантуна, разъ ими занятъ Портъ-Артуръ, смысла не имѣетъ и потребовало бы колоссальныхъ, безцѣльныхъ жертвъ: японцы и сами уйдутъ съ Квантуна, ибо *цѣны онъ не имѣетъ никакой* безъ соединенія его съ Манчжурской жел. дорогой, безъ приданія ему значенія конечнаго пункта Великаго Сибирскаго рельсоваго пути, а содержаніе арміи для защиты Квантуна отъ нашего движенія на него потребовало бы отъ Японіи огромныхъ непосильныхъ затратъ. Какъ крѣпость Артуръ оказался совершенно непригоднымъ, разъ охранявшаяся въ немъ эскадра могла быть уничтожена навѣснымъ огнемъ съ суши. На что же онъ японцамъ? При такихъ условіяхъ выбивать японцевъ изъ Квантуна было бы огромной ошибкой и съ стратегической, и съ политической точекъ зрѣнія: Квантунъ ни для кого и ни для чего не нуженъ.

Во всякомъ случаѣ, неообходимо считаться съ тѣмъ, что война съ Японіей продлится очень долго, потребуетъ огромнаго напряженія и нашихъ, и японскихъ силъ, и побѣдитъ

тотъ, кто дольше будетъ въ состояніи выдержать тягости войны, чьи финансы окажутся прочнѣе, чье населеніе менѣе будетъ истощено войною. Мы уже указывали, что положеніе Японіи въ этомъ отношеніи гораздо менѣе благопріятно, чѣмъ наше: золотые запасы японскаго національнаго банка весьма значительно уже истощены, почти исчезло золото и изъ обращенія, война ведется исключительно за счетъ поступленій отъ внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ, приходится значительную часть расходовъ по снабженію арміи военными снарядами и продовольствіемъ пріобрѣтать по крайне повышеннымъ цѣнамъ за границей, новые внѣшніе займы возможны только при условіи оставленія всей выручки ихъ за границей въ уплату по сдѣланнымъ тамъ правительствомъ заказамъ. Отсюда есть надежда на скорое финансовое истощеніе Японіи, которое положитъ войнѣ конецъ. Въ этомъ отношеніи флотъ нашъ (крейсерскій) можетъ оказать неоцѣнимую услугу, именно затрудняя доставку военныхъ матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ въ Японію и тѣмъ страшно удорожая ихъ стоимость. Здѣсь, а не въ пораженіи японскаго флота и перенесеніи войны въ сердце Японіи,—главная и важнѣйшая задача нашего доблестнаго флота. Разсчитывать впрочемъ на очень скорое истощеніе Японіи не слѣдуетъ. Рессурсы у нея еще есть. Внѣшнихъ займовъ она можетъ занимать еще на 400 мил. іенъ (нарицательныхъ за которые можно выручить не менѣе 300 мил. іенъ дѣйствительныхъ, считая изъ 6% нариц. по курсу до 80 за 100) подъ обезпеченіе дохода казенныхъ жел. дорогъ, табачной монополіи и остатка отъ таможенныхъ сборовъ (всего до 25 мил. іенъ ежегодно). Кромѣ того возможенъ выпускъ бумажныхъ денегъ неразмѣнныхъ (къ чему еще не прибѣгали). Наконецъ самая постановка японскихъ военныхъ расходовъ—вполнѣ раціональна: война ведется въ очень значительной части за счетъ оккупируемыхъ областей.

Что касается до стоимости войны Россіи, то на этотъ счетъ были опубликованы министерствомъ финансовъ (въ «Торг.-Промышл. Газетѣ») чрезвычайно любопытныя данныя. Оказывается, что по 3 августа, т. е. въ теченіе полугода войны, издержано нами немногимъ менѣе 260 мил. руб. т. е. приблизительно по 43 мил. р. въ мѣсяцъ. Свободная наличность государственного казначейства къ 1 января 1904 г. составляла, какъ извѣстно, сумму свыше 380 мил. руб., изъ которой разныхъ расходовъ въ 1904 г. было предположено произвести на 196 мил. руб. Однако, въ виду сокращенія по случаю войны всѣхъ государственныхъ расходовъ (на сумму до 136 мил. руб.), свободная наличность должна была сократиться только *до 320 мил. руб.*, изъ которыхъ первоначально, слѣдовательно, и покрывались всѣ наши военные расходы. Поступленіе государственныхъ доходовъ въ первой трети текущаго года было совершенно успѣшно и составляло тѣ же 34,9% къ смѣтному назначенію, какъ и въ предыдущемъ 1903 г., когда въ результатѣ получилось превышеніе дѣйствительнаго поступленія доходовъ сравнительно съ предположеніемъ на 135 мил. руб. За вторую треть результаты оказались хуже, и поступленіе первыхъ 9 мѣсяцевъ текущаго года дали только 70,8% противъ 73,4% въ 1903 г. къ смѣтному назначенію. Во всякомъ случаѣ ясно, что реализованный нами во Франціи заемъ, выручка по которому (за вычетомъ комиссіоннаго вознагражденія банкирамъ-посредникамъ, уплаты гербоваго сбора, издержекъ по изготовленію самихъ облигацій, бонификаціи подписчикамъ и другихъ расходовъ, всего до 6 проц.) составила 282 мил. руб., весь не могъ быть израсходованъ и можетъ быть употребленъ на военныя нужды наравнѣ съ выручкой отъ постепенной реализаціи выпуска на 150 мил. рублей 3,6%-ыхъ билетовъ государственнаго казначейства. Съ остатками отъ заключенныхъ смѣтъ, при возможномъ превышеніи дѣйствительнаго поступленія доходовъ по росписи

1904 г. сравнительно съ предположеннымъ (такъ какъ исчисленіе доходовъ было произведено по принятому со времени министерства И. А. Вышнеградскаго обычаю въ завѣдомо преуменьшенномъ размѣрѣ), съ ассигновками по обыкновенному бюджету значительныхъ суммъ на военное и морское министерства, по оборонѣ Квантуна, въ запасный военный фондъ, на Сибирскую и Восточно-Китайскую дороги, на перевооруженіе и т. д., вся сумма рессурсовъ на веденіе войны, которыми правительство располагало въ 1904 году, составляетъ до 900 мил. руб., и слѣдовательно, пока еще не можетъ быть и рѣчи о нашемъ финансовомъ истощеніи, такъ какъ даже при двойной нормѣ ежемѣсячныхъ военныхъ расходовъ, сравнительно съ предыдущимъ полугодіемъ т. е. считая по 80 мил. руб. въ мѣсяцъ, мы обезпечены денежными средствами по апрѣль 1905 г. [1]). За это время военное счастье еще можетъ перейти на нашу сторону и облегчить заключеніе новыхъ займовъ, если-бы таковые понадобились. Тѣмъ не менѣе, въ печать постоянно проникаютъ извѣстія о переговорахъ нашего министерства финансовъ съ разными группами банкировъ на счетъ условій дальнѣйшихъ русскихъ военныхъ займовъ, при чемъ германская группа будто бы предлагала еще въ іюлѣ 5%-ый заемъ на 250 мил. мар. по 92 за 100 и даже подняла вопросъ объ его спеціальномъ обезпеченіи какими-либо государственными доходами. Слухъ этотъ, къ счастію,—какъ сообщилъ въ свое время оффиціальный органъ нашего министерства,—оказался не вѣрнымъ, и переговоровъ

---

[1]) По свѣдѣніямъ *Echo de Paris* съ начала войны до 23 ноября 1904 г. было израсходовано нами на войну 476 мил. руб., всего, слѣд., только по 47,6 мил. руб. въ среднемъ на мѣсяцъ. Для покрытія расходовъ по 14 февраля 1905 г. ассигновано будто бы 252 мил. руб. (это выходитъ уже по 100 мил. руб. въ мѣсяцъ). Всѣхъ рессурсовъ, опредѣленныхъ для войны изъ средствъ бюджета 1904 г. и займовъ этого года, считалось на 774 мил. руб.

о помѣщеніи займа на *германскомъ* рынкѣ тогда не велось. Новый заемъ впрочемъ заключенъ именно на германскомъ рынкѣ, но на иныхъ условіяхъ. Вообще же вопросъ о способахъ заключенія займовъ для цѣлей войны, если она продолжится, а тѣмъ болѣе—осложнится вмѣшательствомъ другихъ державъ, поставить необходимо, какъ равно и о средствахъ для оплаты этихъ займовъ. Съ другой стороны, присоединеніе въ Россіи новыхъ теорриторій, если не желаютъ, чтобы онѣ легли новымъ бременемъ на метрополію, потребуетъ ряда займовъ на снабженіе ихъ рельсовыми путями, на организацію ихъ военной охраны, на устройство тамъ русскихъ переселенцевъ, на созданіе ихъ промышленнаго развитія, на эксплоатацію ихъ естественныхъ богатствъ. Гдѣ и на какихъ условіяхъ возможно заключеніе всѣхъ этихъ займовъ? Поскольку мы должны обратиться за помощью къ заграничнымъ рынкамъ?

Въ литературѣ издавна существуетъ довольно безполезное разногласіе на счетъ преимущества внѣшнихъ или внутреннихъ займовъ. При правильномъ денежномъ обращеніи въ странѣ различіе между тѣми и другими займами въ значительной степени теряетъ свое значеніе, такъ какъ при существующихъ теоретическихъ и легальныхъ паритетахъ туземной валюты на иностранныя легокъ и удобенъ переходъ облигацій государственныхъ займовъ заграницу и обратно изъ заграницы внутрь страны. Однако, и здѣсь государство можетъ поставить нѣкоторое препятствіе этимъ свободнымъ приливамъ и отливамъ, напр., установивъ оплату купоновъ только внутри государства и въ своей валютѣ и не уплативъ обязательнаго заграничнаго гербоваго сбора (такъ поступаютъ со своими займами Англія, Франція и Германія) или, наоборотъ, назначивъ оплату купоновъ только заграницей и въ иностранной валютѣ (такой порядокъ примѣненъ для многихъ нашихъ внѣшнихъ займовъ, особенно гарантированныхъ желѣзнодорожныхъ). Во всякомъ случаѣ,

извѣстное различіе между внутренними и внѣшними займами, при нѣкоторомъ искусствѣ финансоваго вѣдомства, провести возможно и теперь. Нѣкоторые финансисты (напр., графъ Е. Ф. Канкринъ) особенно настаивали на внѣшнихъ займахъ именно для цѣлей войны, чтобы не отвлекать внутреннихъ капиталовъ отъ промышленности и торговли. Но реализація внѣшнихъ военныхъ займовъ всегда сопряжена съ большими трудностями и жертвами, никогда не удавалась на особенно крупныя суммы, и если вообще возможна, то только для войнъ, не захватывающихъ Западной Европы, гдѣ главные наши денежные рынки. Задача же государства должна состоять въ приведеніи финансовъ своихъ въ такое состояніе, чтобы возможность реализаціи займовъ не стояла въ зависимости отъ театра войны, другими словами, чтобы реализація займовъ была возможна и внутри страны.

Это важно еще и потому, что для оплаты внѣшнихъ *непроизводительныхъ* займовъ трудно изыскать средства, что эта оплата положительно раззоряетъ страну и отдаетъ ее въ кабалу иностраннымъ капиталистамъ, приводя ее въ полное экономическое разстройство, первый признакъ котораго—разстройство денежнаго обращенія. Внѣшніе военные займы можно особенно рекомендовать только тогда, когда войны носятъ производительный характеръ, сопровождаются полученіемъ крупной военной контрибуціи, присоединеніемъ новой территоріи, словомъ—обогащеніемъ государства. Таковы были тѣ войны (персидская и турецкая 1828—1829 гг.), для которыхъ гр. Канкринъ рекомендовалъ и заключилъ на самомъ дѣлѣ займы на англо-голландскомъ рынкѣ (напомнимъ характерную черту этихъ займовъ: они были обезпечены нашими таможенными сборами балтійскихъ портовъ,—такъ низко тогда стоялъ нашъ кредитъ!). Для другихъ нашихъ войнъ, какъ мы уже указывали, реализація внѣшнихъ займовъ оказалась почти невозможной на сколько-нибудь крупныя суммы, не говоря уже о чрезвычайной невыгодности

для насъ условій этихъ займовъ. Мы покрывали всегда, (какъ и другія государства) свои военные расходы *внутренними* долгострочными процентными займами, выпускомъ краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства и, главнымъ образомъ, выпускомъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Однако, одинъ разъ, когда при началѣ войны (крымской) денежное обращеніе у насъ было въ порядкѣ, удалось сохранить размѣнъ и во время войны, не смотря на большой выпускъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Безъ разстройства денежнаго обращенія, не смотря на огромный выпускъ новыхъ бумажныхъ знаковъ, удалось провести войну и Франціи въ 1870 г., несмотря на всѣ ея неудачи, Пруссіи же удалось тогда спасти свое денежное обращеніе отъ разстройства единственно вслѣдствіе крупной контрибуціи при быстромъ окончаніи побѣдоносной войны. Но это исключительные примѣры. Обыкновенно же крупныя войны сопровождались полнымъ разстройствомъ денежной системы всѣхъ ихъ участниковъ. Такъ было въ Англіи, Франціи, Австріи, Пруссіи и Россіи въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, въ Австріи въ прусскую и итальянскую войны, въ Испаніи въ кубинскую кампанію, въ Россіи во время турецкой войны 1877—1878 гг.

Примѣры, однако, противоположенныхъ явленій, т. е. возможности провести даже очень крупную войну безъ прекращенія размѣна, заставляютъ требовать отъ искусства финансоваго вѣдомства именно этого послѣдняго результата: возможно меньше внѣшнихъ займовъ, покрытіе военныхъ расходовъ займами внутренними безъ особаго стѣсненія промышленности и торговли страны, сохраненіе правильнаго денежнаго золотого обращенія безъ пріостановки размѣна. Особенно можно требовать именно такихъ результатовъ въ нынѣшнюю войну съ Японіей, носящую характеръ колоніальной, и хотя очень трудную и опасную, но все же не затрогивающую нашихъ важнѣйшихъ интере-

совъ и очень мало угрожающую собственно русскимъ областямъ (война до сихъ поръ ведется на чужой территоріи). Кромѣ того, 25 лѣтъ пользовались мы передъ этой войной полнымъ и глубокимъ миромъ, финансы за это время удалось привести въ извѣстный порядокъ, возстановить правильное денежное обращеніе, накопить крупные запасы золота (почти до 2 милліардовъ рублей), обезпечить размѣнъ своихъ кредитныхъ билетовъ, имѣть даже свободную наличность казначейства (свыше 380 мил. руб. къ янв. 1904 г.), составляющую довольно крупный военный фондъ, какого (въ такихъ размѣрахъ) не имѣетъ ни одно государство (эта наличность— результатъ нашихъ внѣшнихъ займовъ, заключенныхъ въ 1901—1903 г.г. и не израсходованныхъ вслѣдствіе крупнаго въ 1902—1903 г.г. превышенія нашего вывоза надъ ввозомъ, въ суммѣ свыше 300 мил. руб. ежегодно, но это не уменьшаетъ значенія свободной наличности).

Отсюда задача нашего министерства финансовъ по добыванію необходимыхъ для войны средствъ чрезвычайно упрощалась и могла бы быть рѣшена совершенно блестяще, если-бы взялись за ея выполненіе не по общепринятому шаблону, а, воспользовавшись опытомъ Западной Европы, съумѣли бы этотъ опытъ примѣнить къ обстоятельствамъ и особенностямъ и нынѣшней войны, и общаго нашего экономическаго и финансоваго положенія. Къ сожалѣнію, въ самый разгаръ дипломатическаго столкновенія нашего съ Японіей, когда можно было уже предполагать войну и заняться на всякій случай изысканіемъ для нея средствъ, хотя бы въ видѣ внѣшняго займа, напримѣръ, подъ предлогомъ реализаціи облигацій Восточной Китайской дороги, которыя на огромную сумму (свыше 300 мил. руб.) лежали въ портфелѣ государственнаго казначейства, обезпечивая, выданную обществу этой дороги правительственную ссуду, и когда благосостояніе денежныхъ рынковъ въ декабрѣ 1903 и январѣ 1904 г.г. (т. е. непосредственно передъ началомъ

войны) было необыкновенно благопріятно, и давно уже русскіе фонды не котировались столь высоко (4-хъ проц. заемъ даже на крупную сумму можно было безъ особыхъ затрудненій реализовать по 95—96 за 100),—въ это время, какъ нарочно, новый управляющій нашимъ министерствомъ финансовъ, замѣнившій недавно ушедшаго создателя новѣйшей нашей финансовой системы, лежалъ на смертномъ одрѣ, и министерствомъ временно управлялъ,—какъ разъ въ его переходный моментъ,—одинъ изъ товарищей министра, конечно, ни могшій, при всей своей опытности и знаніяхъ, взять на себя иниціативу въ накопленіи средствъ для *возможной* войны (которой надѣялись избѣгнуть), а тѣмъ болѣе—по переустройству нашихъ финансовъ, такъ сказать, въ боевую готовность.

Правда, сейчасъ по объявленіи войны произошла и перемѣна въ министерствѣ финансовъ, но на новаго управляющаго легло по истинѣ непосильное бремя сразу войти въ кругъ дѣлъ, касающихся, главнымъ образомъ, вопросовъ о денежномъ обращеніи, о политикѣ и непорядкахъ государственнаго банка, о сберегательныхъ кассахъ, о кредитныхъ операціяхъ, о созданіи новыхъ налоговъ, о перестройкѣ системы прежнихъ, о постановкѣ ипотечнаго, комерческаго, меліоративнаго и мелкаго народнаго кредита въ странѣ на время войны,—тогда какъ въ бытность его товарищемъ министра ему пришлось вѣдать, главнымъ образомъ, управленіемъ неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, а по службѣ въ государственномъ совѣтѣ—бюджетными вопросами. И какъ бы ни былъ опытенъ и талантливъ новый министръ финасовъ, нельзя не признаться, что на его долю выпала чрезвычайно трудная и неблагодарная задача—приспособить наши финансы къ военному времени, добывать рессурсы для войны, не слишкомъ роняя нашъ государственный кредитъ и не разстраивая податной способности населенія. Даже такой опытный и даровитый министръ, какъ покойный гр. М. Х. Рейтернъ, передъ на-

чаломъ турецкой войны обратился за совѣтомъ къ нѣкоторымъ спеціалистамъ или свѣдущимъ людимъ, изъ которыхъ и было составлено, по волѣ Государя Императора Александра II, совѣщаніе (въ составъ его входили профессора Н. Х. Бунге и Бабстъ, А. А. Абаза, Заблоцкій-Десятовскій, Д. А. Оболенскій, Небольсинъ), обсуждавшее вопросъ объ изысканіи средствъ на войну. Въ составъ этого совѣщанія вошли лица или по желанію самого Государя, или по предложенію министра финансовъ. Такія совѣщанія изъ свѣдущихъ лицъ, имѣя спеціальное, чисто дѣловое назначеніе, конечно, чужды всякаго политическаго характера, но у насъ, къ сожалѣнію, даже въ важныхъ случаяхъ избѣгаютъ подобныхъ консультацій. Въ результатѣ—полная безпомощность финансоваго (какъ и всякаго, конечно, другого) вѣдомства въ борьбѣ даже съ какою нибудь паникой, охватывающей биржу, а за ней и все общество по поводу объявленной войны, что сопровождается паденіемъ курса всѣхъ бумагъ безъ всякихъ основаній, стремительнымъ отливомъ изъ сберегательныхъ кассъ вкладовъ, сокращеніемъ банковыхъ кредитовъ, раззореніемъ даже солидныхъ фирмъ. Какъ выработать систему борьбы съ подобными явленіями, какъ ихъ предотвратить, какъ изыскивать средства на войну, какъ поддержать экономическое благосостояніе населенія во время войны и не разстроить финансовъ,—для этого министерство финансовъ довольствуется свѣдѣніями только своихъ чиновниковъ и приглашаетъ на совѣщаніе только нѣкоторыхъ представителей частныхъ банковъ, преслѣдующихъ, естественно, свои собственные интересы и не внушающихъ обществу никакого довѣрія. Между тѣмъ, созванное сейчасъ послѣ объявленія войны совѣщаніе изъ лицъ, пользующихся общимъ довѣріемъ и обладающихъ спеціальными свѣдѣніями, могло бы, давъ обстоятельный разборъ нашего финансоваго положенія, успокоить, съ одной стороны, общество, сбитое съ толку распространеніемъ нелѣпыхъ свѣдѣній о нашихъ финансахъ въ заграничной

печати и разными спекулятивными элементами внутри страны и еще болѣе нелѣпыми хвалебными гимнами нашему финансовому управленію въ нашей невѣжественной (въ финансовыхъ вопросахъ) или зависимой печати; а съ другой стороны—выработать общій планъ финансовыхъ мѣропріятій во время войны, который, въ случаѣ его утвержденія Высочайшею властью, могъ бы явиться руководящимъ для финансоваго вѣдомства. Здѣсь пришлось бы прежде всего поставить вопросъ о реорганизаціи и о болѣе правильной постановкѣ операцій государственнаго банка, объ улучшеніяхъ въ системѣ денежнаго обращенія съ приспособленіемъ его къ нуждамъ военнаго времени, о способахъ удержать безпрепятственный размѣнъ (навѣрное, уже тогда не было бы сдѣлано такихъ ошибокъ съ денежнымъ обращеніемъ въ Манчжуріи, какія видимъ теперь!), о способахъ реализаціи съ помощью государственнаго банка внутреннихъ займовъ, о порядкѣ и характерѣ займовъ заграничныхъ, объ изысканіи средствъ на оплату этихъ займовъ, о помощи населенію, раззоряемому войною (мобилизація арміи), объ охраненіи бюджетнаго равновѣсія, о поддержаніи курса государственныхъ фондовъ и промышленныхъ цѣнностей, объ охраненіи сберегательныхъ кассъ, о развитіи промышленныхъ силъ страны для противодѣйствія экономическимъ потрясеніямъ, вызваннымъ войною, и т. д.

Совѣщаніе, однако, созвано не было, и самостоятельнаго финансоваго плана министерство, очевидно, также не выработало, такъ какъ онъ ничѣмъ въ теченіе уже почти года не обнаружился. Дѣйствовать стали по шаблону, начавъ съ сокращенія государственныхъ расходовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были сокращены съ полнымъ основаніемъ, а другіе оказались изъ числа наиболѣе полезныхъ государственныхъ затратъ, съ оставленіемъ многихъ совершенно безполезныхъ расходовъ въ неприкосновенности. Этимъ, въ связи съ накопленной раньше наличностью государственнаго казначей-

ства, могли удовлетворить первоначальные военные расходы. Затѣмъ обратились къ *внѣшнему рынку*, въ интересахъ, между прочимъ, *обезпеченія нашего разсчетнаго баланса*, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и прочности размѣна. Затѣмъ былъ произведенъ при посредствѣ французскаго банковаго синдиката на очень тяжелыхъ для насъ условіяхъ заемъ. Мы имѣли случай подробно высказать въ печати свое мнѣніе по поводу этого займа [1]) и повторять его здѣсь не будемъ. Напомнимъ только, что заемъ былъ выпущенъ по курсу 98—98½ за 100 для подписчиковъ изъ 5% нарицательныхъ на общую сумму 300 мил. р.=800 мил. франковъ нариц., съ обязательствомъ погашенія по нарицательной цѣнѣ черезъ 5 лѣтъ. За вычетомъ расходовъ по гербовому сбору, изготовленію облигацій и проч. всего выручено было по этому займу только *94*%, а это обстоятельство заставляетъ опредѣлить дѣйствительный процентъ по займу около 7%. Такой заемъ соотвѣтствуетъ 4-хъ процентному займу, реализованному по курсу 71½ за 100, если онъ подлежитъ купонному налогу, и 75 за 100, если не подлежитъ (при условіи выпуска займа въ рентной формѣ). Конечно черезъ 5 лѣтъ возможно будетъ конвертировать 5%-ый заемъ въ 4%-ый, но каково къ тому времени будетъ положеніе денежныхъ рынковъ, предвидѣть очень трудно. Если оно будетъ даже для насъ относительно такъ благопріятно, какъ въ 1901—1902 г.г., то и въ этомъ случаѣ реализація 4%-аго займа будетъ возможна по курсу также не свыше 94—95 за 100 (приблизительно условія нашихъ 4%-ыхъ займовъ 1901—1902 г.г. въ Парижѣ и Берлинѣ) и, слѣдовательно, кромѣ потери 6% теперь на курсѣ реализаціи 5%-аго займа, прійдется потерять еще процентовъ 6 при реализаціи конверсіоннаго 4%-аго займа да переплатить въ теченіе пяти лѣтъ на процентахъ, платя 5% вмѣсто 4%, считая на сложнопроцентныхъ правилахъ,—

---

[1]) Народное хозяйство, 1904 г., № 3.

до 6%, всего до 18%, и, слѣд., выпускъ 5%-го займа по курсу 94 на 5 лѣтъ равняется 4%-ому займу по 82 за 100 въ рентной формѣ. А такъ какъ передъ реализаціей нашего военнаго займа 4%-ые займы наши котировались не ниже 92 за 100, то, слѣдовательно, заемъ былъ заключенъ съ уступкой противъ биржевой цѣны—на 10%. Такъ упалъ кредитъ нашъ и такимъ оказалось искусство финансоваго вѣдомства! Естественно, что такой заемъ способствовалъ сильному пониженію нашихъ прежнихъ займовъ, доведя ихъ курсъ до 85—88 за 100 (съ 93—94 за 100), не оправившійся еще и до сихъ поръ (котировки въ декабрѣ до паденія Артура составляли не дороже 91—92 за 4%-ые, не подлежащіе налогу наши займы, да и то далеко не всѣ и не на всѣхъ биржахъ), не смотря на особыя мѣры, принятыя парижскимъ банковымъ синдикатомъ и французскимъ министромъ финансовъ, извѣстнымъ Рувье. Мало того, такъ какъ заемъ выпущенъ былъ въ русской и французской валютахъ, съ оплатой купоновъ въ Петербургѣ и Парижѣ, то участіе въ подпискѣ на заемъ приняли и русскіе капиталисты, вообще очень падкіе до крупнаго дохода, приносимаго государственными бумагами, а отсюда—далеко не всѣ суммы по внѣшнему займу поступятъ извнѣ, такъ что въ интересахъ разсчетнаго баланса, сильно поколебленнаго нынѣшними военными заказами и покупками и расходами на китайской территоріи, гдѣ не введена даже русская система обложенія, далеко не все будетъ достигнуто, какъ можно было бы достигнуть при условіи выпуска займа за границей изъ рыночнаго процента низшаго, чѣмъ тотъ, который установленъ внутри государства. Теперь возможенъ даже нѣкоторый отливъ золота въ видѣ разницы, платимой русскими покупателями облигацій новаго займа первоначальнымъ французскимъ его пріобрѣтателямъ (по 100—103 вмѣсто 95). Корреспонденты министерства финансовъ и его изданій усердно сообщали, что по случаю русскаго займа были пущены на

продажу всѣ другія бумаги, кромѣ русскихъ, но это не болѣе, какъ плодъ досужей фантазіи, такъ какъ фонды всѣхъ государствъ въ періодѣ реализаціи нашего займа значительно поднялись и упали только фонды русскіе. Чрезвычайно характерно, что наша пресса сейчасъ же стала сравнивать условія русскаго займа съ условіями одновременно выпущеннаго займа японскаго и не преминула возгордиться русскими успѣхами. Безмѣрно радуясь всякимъ нашимъ успѣхамъ и безконечно скорбя о неудачахъ, мы однако находимъ, что обольщаться, а тѣмъ болѣе обманывать самихъ себя отнюдь не слѣдуетъ. Японскій кредитъ сравнивать съ русскимъ совершенно немыслимо, какъ русскій съ французскимъ или англійскимъ. Какъ наши или австрійскіе 4%-ные фонды всегда ниже расцѣнивались, чѣмъ французскіе и англійскіе 3%-ые, такъ японскіе 5%-ые расцѣнивались ниже русскихъ или австрійскихъ 4%-ыхъ. Такъ незадолго до выпуска нашего и японскаго новыхъ займовъ, курсъ ихъ 5%-ыхъ бумагъ стоялъ, несмотря на успѣхи на театрѣ войны, всего 76 за 100 противъ 92 за 100 для нашихъ 4%-ыхъ бумагъ, несмотря на наши неудачи, т.-е. ниже нашихъ бумагъ на 16%. Первый ихъ 6%-ый заемъ выпущенъ по курсу 93 противъ 99 для нашего 5%-аго, т.-е. разница въ курсѣ всего уже только 6%, японцы, слѣдовательно выгадали 10% противъ прежняго соотношенія. Биржа это учла немедленно: въ то время какъ наши фонды по случаю выпуска новаго займа упали на 5—6%, японскіе займы возросли на 8—10% (съ 76 до 84—86 за 100). Конечно, японскій заемъ выпущенъ на семь, а не на пять лѣтъ (дольше нельзя конвертировать), обезпеченъ таможенными сборами, реализованъ всего на сумму 94½ мил. руб. (10 мил. ф. ст.), тогда какъ русскій заемъ не имѣетъ спеціальнаго обезпеченія и выпущенъ на сумму 300 мил. руб. Второй японскій заемъ (6%-ый) уже выпущенъ только по 90½ за 100 (на 12 мил. ф. стер.), а за вычетомъ расходовъ только по 86 за 100. Японскій кредитъ не въ

завидномъ положеніи, но изъ этого не слѣдуетъ, что намъ можно радоваться условіямъ нашего займа [1]).

Министерство финансовъ въ своемъ оффиціальномъ извѣщеніи о причинахъ и условіяхъ нашего займа [2]) указывало, что свободныя средства госуд. казначейства далеко еще не исчерпаны военными нуждами и что заемъ выпускается для увеличенія находящихся въ странѣ запасовъ золота и для пополненія этихъ свободныхъ средствъ. Въ Высочайшемъ указѣ 29 апр. 1904 г. прямо сказано, что заемъ предназначается для увеличенія золотой наличности казны и государственнаго банка, другими словами, необходимость займа скорѣе была создана не нуждами войны (для этого было еще очень много рессурсовъ внутри страны), а обезпеченіемъ разсчетнаго баланса, необходимостью поддерживать валюту. Всячески сочувствуя стремленію финансоваго вѣдомства поддерживать правильное денежное обращеніе, добытое съ такимъ трудомъ и затратами, не можемъ не указать, что тотъ же самый результатъ гораздо лучше и легче могъ быть достигнутъ производительными, а не военными займами; кромѣ того, какъ сказано, чрезвычайно выгодныя условія (для пріобрѣтателей) новаго займа могутъ вызвать стремленіе купить его облигаціи со стороны русскихъ капиталистовъ, особенно падкихъ на высокій процентъ. Въ самомъ дѣлѣ 4%-ая рента приноситъ при курсѣ 90 за 100 всего 4,2%, тогда какъ 5%-ыя обязательства даже по курсу al pari—5%. На нашихъ биржахъ уже есть спросъ на новыя облигаціи и, при желаніи парижскихъ банкировъ, значительная часть займа можетъ свободно притечь въ Россію, вызвавъ отъ насъ отливъ золота, а этого именно и хочетъ м-во ф-овъ избѣжать. Подобное явленіе наблюдалось въ концѣ 50-ыхъ гг., когда правитель-

[1]) По случаю взятія Артура японскіе 5%-ые фонды тотчасъ же однако поднялись до 90 за 100, и сейчасъ же появилось извѣстіе о выпускѣ новаго японскаго займа на 10 мил. фун. стерл.

[2]) Вѣстн. фин. 1904 г., № 18.

ство пыталось реализовать на заграничныхъ рынкахъ гарантированныя обязательства Главнаго Общества россійскихъ жел. дорогъ; обязательства были приняты парижскими (тоже парижскими!) банкирами и затѣмъ перепроданы съ большимъ барышомъ въ Россію, что способствовало отливу изъ Россіи золота и было одной изъ важнѣйшихъ причинъ прекращенія размѣна [1]). То же явленіе повторилось и въ эпоху выпуска восточныхъ займовъ (1878—1879 гг.), значительная часть которыхъ реализована была въ Берлинѣ и затѣмъ притекла по повышеннымъ цѣнамъ въ Россію, способствуя ухудшенію нашего баланса и сильнѣйшему пониженію курса кред. рубля (болѣе значительному, нежели во время самой войны). Желательно, чтобы ничего подобнаго теперь не произошло.

Заботясь о поддержаніи въ порядкѣ денежнаго обращенія, министерство финансовъ, кажется намъ, совершенно напрасно само подрываетъ къ нему довѣріе, утверждая, будто средства на войну «могли бы быть найдены въ порядкѣ позаимствованія ихъ госуд. казначействомъ изъ госуд. банка на счетъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, обезпеченныхъ наличнымъ золотомъ», путемъ доведенія выпуска кредитныхъ билетовъ до 1.145 мил. руб., обезпеченныхъ 845 мил. руб. золота, т.-е. допустивъ необезпеченный выпускъ въ суммѣ до 300 мил. р. На самомъ дѣлѣ, по точному смыслу существующихъ законовъ, такое позаимствованіе — невозможно: Высочайшимъ указомъ 29 авг. 1897 г. повелѣно, чтобы госуд. банкъ выпускалъ кред. билеты въ размѣрѣ строго ограниченномъ настоятельными потребностями денежнаго обращенія, а въ Высочайшемъ указѣ 28 апр. 1900 г. прямо сказано: «Мы находимъ необходимымъ выразить непремѣнную волю Нашу, дабы выпускъ кред. билетовъ производился на точномъ основаніи Именного указа Нашего 29 авг. 1897 г. и *не служилъ впредь источникомъ воспособленія госуд. казны*». Какъ же министер-

[1]) См. Русскій государств. кредитъ, т. I, стр. 263 и слѣд.

ство финансовъ можетъ послѣ этого говорить о правѣ позаимствованія кред. билетовъ изъ госуд. банка для нуждъ госуд. казначейства? Не значитъ ли это подрывать довѣріе общества къ основнымъ эаконамъ нашимъ, регулирующимъ денежное обращеніе? Очевидно, съ подобными заявленіями надо быть осторожнѣе.

Предполагаемыя условія новаго займа на берлинскомъ рынкѣ не лучше перваго: заемъ на 500 мил. мар. изъ 4½%, эмиссіонный курсъ 95, т. е. выручка не болѣе 91 за 100 (съ учетомъ расходовъ и комиссіи), отказъ отъ конверсіи на 12 лѣтъ, но владѣльцы облигацій имѣютъ право черезъ 6 и 9 лѣтъ требовать свой капиталъ обратно. Условія очень странныя чтобы не сказать большаго. Дѣйствительный процентъ опредѣлится здѣсь въ 4,945, если бы заемъ былъ выпущенъ въ рентной формѣ, а при погашеніи его въ теченіе 6½ лѣтъ (по требованію кредиторовъ) дѣйств. процентъ опредѣлится уже нѣсколько болѣе, чѣмъ въ 7%. Въ случаѣ конверсіи его черезъ 12 лѣтъ въ 4%-ый заемъ, который будетъ реализованъ по курсу 94 за 100, считая потерю на процентахъ (по сложнымъ правиламъ), вся потеря окажется почти въ 22%, т. е. 4½%-ый заемъ по 91 съ погашеніемъ черезъ 12 лѣтъ по нарицат. цѣнѣ равенъ въ сущности 4%-ому, выпущенному въ рентной формѣ по курсу 78 за 100. А вѣдь передъ выпускомъ новаго займа наши 4%-ые фонды расцѣнивались заграницей по 92—93 за 100. На выгодныхъ условіяхъ заключаются у насъ займы! Теряемъ по 15% противъ биржевой цѣны... Между тѣмъ, для поддержанія валюты гораздо удобнѣе заключать спеціальные производительные займы, средства которыхъ помогли бы и населенію легче перенести тяжесть экономическихъ послѣдствій войны. Такіе займы легко заключить и въ формѣ долгосрочныхъ, съ правомъ впослѣдствіи конверсіи; для военныхъ же займовъ со времени англобурской войны выработана биржевыми сферами система краткосрочныхъ высоко-

процентныхъ займовъ: англичане занимали въ Америкѣ изъ 4%, мы занимаемъ во Франціи изъ 5%, японцы въ Англіи изъ 6%. Измѣнить систему наврядъ ли мы будемъ въ состояніи, если не сумѣемъ прибѣгнуть къ производительнымъ займамъ вмѣсто военныхъ. Отъ искусства финансоваго вѣдомства, пока еще мало обнаруженнаго, будетъ зависѣть успѣшность дальнѣйшихъ кредитныхъ операцій.

Внутренній заемъ выпущенъ въ видѣ 3,6%-ыхъ билетовъ госуд. казначейства на 150 мил. руб. и, несомнѣнно, многими (особенно за границей) будетъ разсматриваться, какъ увеличеніе билетнаго обращенія, такъ какъ билеты казначейства принимаются, какъ деньги, въ уплату казенныхъ платежей, почему въ свое время еще проф. Адольфъ Вагнеръ, а за нимъ и нашъ Н. Х. Бунге, въ проектахъ объ исправленіи нашего денежнаго обращенія всегда настаивали на уничтоженіи или хотя сокращеніи количества находящихся въ обращеніи билетовъ государственнаго казначейства. При С. Ю. Витте это было исполнено, и количество серій (билетовъ), впервые введенныхъ въ употребленіе еще при Канкринѣ и тоже по случаю войны, съ 240 мил. руб. было путемъ конверсіи ихъ въ ренту сокращено до 100½ мил. руб. Мы никогда не раздѣляли мнѣнія Вагнера и Бунге относительно вліянія серій на наше денежное обращеніе, что высказывали неоднократно въ печати, и находили конверсію 3%-ыхъ билетовъ казначейства въ 3,8%-ную ренту операціей убыточной для государства, почему новый выпускъ серій по случаю войны считаемъ вполнѣ умѣстнымъ, цѣлесообразнымъ и нисколько не опаснымъ для прочности размѣна кредитныхъ билетовъ. Съ другой стороны нельзя было сразу выбрасывать на рынокъ 150 мил. руб. краткосрочныхъ обязательствъ. Ими были заграмождены частные банки, упалъ сильно спросъ на эти обязательства, подорвано было къ нимъ довѣріе. Удивительно, что правильнаго внутренняго займа просто какъ бы испугались.

Другихъ мѣропріятій по случаю войны финансовымъ вѣдомствомъ пока не предпринято. Мы не можемъ здѣсь предложить все то, что могло бы выработать по этой части особое спеціальное совѣщаніе, проектированное нами въ свое время (въ самомъ началѣ войны) въ запискѣ, напечатанной на правахъ рукописи (извлеченіе оттуда было впослѣдствіи сдѣлано въ «Народн. Хоз», 1904 г. № 3), но считаемъ себя не въ правѣ не намѣтить нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣропріятій, которыя находимъ наиболѣе необходимыми.

VIII.

Идеалъ финансоваго порядка въ государствѣ, если всѣ, даже самые крупные и чрезвычайные, расходы его (въ томъ числѣ и военные) имѣется возможность покрыть внутренними рессурсами, не обращаясь къ посторонней помощи, не прибѣгая къ внѣшнимъ займамъ. Но только государство очень богатое, съ накопленными громадными капиталами, и въ томъ числѣ капиталами денежными (т. е. имѣющее обильные запасы благородныхъ металловъ, преимущественно золота), можетъ считать такой результатъ достигнутымъ. На самомъ дѣлѣ, къ этому идеалу приблизилась только одна Франція, другія государства безъ внѣшнихъ займовъ обойтись не могутъ, еслибы имъ потребовались сразу крупныя суммы на какое-либо предпріятіе, а тѣмъ болѣе на серьезную войну. Даже Англія въ эпоху ничтожной колоніальной войны съ горстью крестьянъ-буровъ вынуждена была обратиться за реализаціей своихъ займовъ къ Франціи и Америкѣ. Тѣмъ болѣе трудно Россіи, весьма бѣдной капиталами, недавно только урегулировавшей свою валюту и введшей золотое обращеніе, провести столь крупную войну, какъ нынѣшняя, безъ помощи иностранныхъ капиталовъ.

Но мы только-что указывали, что эти капиталы для военныхъ нуждъ получить не легко, что заграничные капиталисты ссужаютъ деньги на войну съ большою осторожностью, на условіяхъ крайне невыгодныхъ для заемщика, что совершенно наглядно подтверждается и послѣднимъ нашимъ военнымъ займомъ во Франціи. Само собою ясно, что одной изъ важнѣйшихъ причинъ столь невыгодныхъ условій, является

нужда воюющей страны въ займѣ: кредиторъ здѣсь просто прижимаетъ заемщика. Но не послѣднюю роль играетъ и недовѣріе къ воюющему, сомнѣніе, выдержитъ-ли онъ налагаемые займами платежи, особенно долгое время, въ процентъ займа входитъ рисковая премія. Для займа, заключаемаго съ производительной цѣлью (напр., для сооруженія высокодоходной желѣзной дороги, канала, для развитія банковыхъ учрежденій и т. д.), процентъ опредѣляется всегда ниже, и деньги ссужаются охотнѣе, чѣмъ для займа военнаго, да различаются условія и военныхъ займовъ въ зависимости отъ цѣли войны: Екатерина II получила деньги для турецкихъ войнъ на условіяхъ наиболѣе въ то время выгодныхъ (дешевле, чѣмъ англичане), такъ какъ ясна была цѣль этихъ войнъ—присоединеніе новыхъ богатѣйшихъ областей, имѣющихъ явиться источникомъ крупнаго увеличенія русскихъ государственныхъ доходовъ; на очень выгодныхъ условіяхъ занимала деньги обыкновенно Англія—для пріобрѣтенія своихъ богатѣйшихъ колоній; напротивъ, та же Англія въ крымскую (безцѣльную) войну вынуждена была очень значительную часть рессурсовъ добывать усиленнымъ обложеніемъ населенія, а не займами, реализація которыхъ встрѣтила сильныя затрудненія, Россія же, заявивъ передъ турецкой войной 1877 г., что она не ищетъ никакихъ завоеваній, *вовсе не могла реализовать внѣшняго займа*, не смотря на выпускъ его изъ 5% по 74 за 100 и вынуждена была на первое время удовольствоваться ссудою подъ этотъ заемъ одной берлинской фирмы (Мендельсона) въ суммѣ всего 90 милл. мар. (менѣе 42 милл. руб.).

Такимъ образомъ,—цѣль войны, даже при опредѣленіи условій займовъ, играетъ огромную роль, и на безцѣльную войну, имѣющую видъ политической авантюры, на войну идейную (напр., за освобожденіе какого-либо чужого народа, безъ присоединенія занимаемой имъ территоріи къ державѣ-освободительницѣ, или за спасеніе ди-

настіи какой-либо хотя-бы и дружественной державы) денегъ достать почти невозможно. Если въ настоящую войну для Россіи въ сущности не очень трудно, даже на довольно крупныя суммы, реализовать займы за границей (французская, германская и голландская группы банкировъ предлагаютъ реализацію новыхъ займовъ еще на нѣсколько сотъ милліоновъ рублей), то только потому, что весь дѣловой міръ глубоко убѣжденъ въ конечной русской побѣдѣ и, какъ результатъ ея,—въ присоединеніи къ Россіи всей Манчжуріи и Кореи. Если бы въ этомъ усомнились, если бы могли себѣ представить, что Россія возвратитъ Манчжурію Китаю, а Корею уступитъ Японіи, то, конечно, ни о какихъ, внѣшнихъ займахъ нашихъ не могло бы быть и рѣчи: таковые были бы сопряжены съ тѣми же затрудненіями, съ какими ихъ реализація доступна для Японіи, война которой съ Россіей затѣяна съ такимъ рискомъ въ конечномъ результатѣ, что является не болѣе, какъ громадной политической авантюрой, для которой серьезный капиталистъ не станетъ рисковать своими сбереженіями. Но такъ какъ, вообще, успѣхъ войны зависитъ отъ весьма многихъ и разнообразныхъ условій и всегда есть поэтому предпріятіе крайне рискованное, то естественно, что даже для самыхъ удачныхъ и цѣлесообразныхъ военныхъ предпріятій деньги изыскать труднѣе, нежели для предпріятій, носящихъ мирный характеръ. Между тѣмъ пріобрѣтеніе денегъ для мирныхъ предпріятій, хотя бы и во время войны, имѣетъ громадное значеніе для успѣшности тѣхъ же военныхъ кредитныхъ операцій въ томъ смыслѣ, что способствуетъ чрезвычайному накопленію въ странѣ капиталовъ, обилію свободныхъ денегъ, особенно если обезпеченъ притокъ въ промышленныя предпріятія капиталовъ извнѣ, т. е. изъ-за границы, вслѣдствіе чего внутренніе капиталы освобождаются изъ промышленности, ищутъ новаго помѣщенія и легко поэтому могутъ быть привлечены государствомъ для своихъ военныхъ надобностей посредствомъ

внутреннихъ займовъ, не говоря уже о болѣе успѣшномъ въ этомъ случаѣ поступленіи государственныхъ доходовъ и о возможности усиленнаго обложенія для цѣлей войны.

Итакъ, задача государства во время войны для обезпеченія себя финансовыми рессурсами заключается въ созданіи или привлеченіи въ страну новыхъ обильныхъ капиталовъ извнѣ для цѣлей промышленности и торговли (т. е. цѣлей производительныхъ), такъ какъ въ этомъ случаѣ задача по добыванію средствъ на войну (налогами или займами) чрезвычайно упрощается. Когда война ведется не внутри государства, носитъ характеръ колоніальной, т. е. когда нѣтъ никакихъ опасеній относительно вражескаго вторженія въ страну, а слѣдовательно, раззоренія ея промышленности, сказанная политика особыхъ затрудненій представить не можетъ. Въ мирное время, когда нѣтъ особой надобности къ быстрой мобилизаціи наличныхъ средствъ и силъ государства, политика усиленнаго привлеченія капиталовъ изъ-за границы для промышленнаго оживленія страны встрѣчаетъ серьезныя возраженія: боятся отдачи этой промышленности во власть иностраннаго капитала. Во время войны нѣтъ выбора: или надо занимать деньги прямо на войну, безъ увеличенія одновременно производительныхъ силъ страны, или прибѣгнуть къ косвенному способу привлеченія тѣхъ же капиталовъ изъ-за границы въ туземную промышленность съ тѣмъ, чтобы, воспользовавшись созданнымъ обиліемъ капиталовъ, занять на войну деньги внутри страны,—тогда получатся и средства для оплаты и военныхъ (внутреннихъ) займовъ, и производительныхъ (внѣшнихъ)—въ возросшемъ народномъ доходѣ. Иниціативу заключенія такихъ производительныхъ займовъ должно взять на себя само государство, что въ настоящее время при множествѣ принимаемыхъ на себя государствомъ предпріятій не представляетъ затрудненій въ выборѣ.

Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ государственныхъ предпріятій—желѣзныя дороги. У насъ по случаю войны пришлось спѣшно оканчивать сооруженіе Кругобайкальской дороги, расширять Сибирскую (на всемъ протяженіи) и улучшать Восточную Китайскую, строить (имѣющую важное стратегическое значеніе на случай осложненій съ Англіей, ведущей съ самаго начала войны крайне вызывающій образъ дѣйствій по отношенію къ Россіи) Оренбургъ—Ташкентскую дорогу. Но и независимо отъ войны продолжалась (а отчасти только была намѣчена) сооруженіемъ цѣлая сѣть рельсовыхъ путей, отчасти непосредственнымъ распоряженіемъ казны, отчасти посредствомъ частныхъ обществъ, находящихся въ обязательныхъ съ казною финансовыхъ отношеніяхъ. Таковы дороги: Бологое-Сѣдлецкая, Кіевъ--Жлобинская, Кіево—Одесская (обѣ для окончанія большой магистрали Петербургъ—Кіевъ—Одесса), Петрозаводская, Петербургъ—Вятская, Курганъ—Пермская, Николаевъ—Херсонская, Астраханская, Черноморская (для обслуживанія кавказскаго побережья Чернаго моря), наконецъ даже дороги: Персидская (отъ Александрополь-Эриванской линіи къ персидской границѣ и далѣе до Бендеръ-Аббаса или Бассоры), Челябинскъ—Оренбургъ—Царицынская (проектъ о-ва Владикавказской ж. д.) или Томскъ (или Иркутскъ)—Семипалатинскъ—Кульджа—Ташкентская (проекты Боголюбскаго и Сердобинъ—Хорнера). Намѣчены и другіе пути менѣе важнаго значенія, такъ сказать, второй очереди. Для сооруженія многихъ изъ указанныхъ линій средства были ассигнованы въ 1903—1904 г. г. изъ свободной наличности казначейства, и эти ассигновки затѣмъ (въ началѣ войны) были значительно (на 52 мил. руб.) сокращены. Для другихъ дорогъ предположено было реализовать капиталы путемъ внѣшнихъ и внутреннихъ гарантированныхъ правительствомъ займовъ, каковая реализація (начатая въ 1903 г.) также пока пріостановлена.

Конечно, усиленное желѣзнодорожное строительство, да еще въ тяжелое военное время, можетъ вызвать серьезныя возраженія, но не слѣдуетъ забывать, что часть названныхъ дорогъ и переустройство и усиленіе другихъ вызываются именно главнымъ образомъ потребностями войны (перевозка войскъ), другія дороги имѣютъ важное экономическое и стратегическое значеніе и должны быть непремѣнно сооружены въ ближайшемъ будущемъ, если Россія не захочетъ идти по пути постепеннаго своего политическаго и экономическаго банкротства. Работы по сооруженію этихъ дорогъ должны быть, конечно, произведены постепенно, и реализація желѣзнодорожныхъ займовъ потребовала бы на первое время не болѣе 300 милл. руб., которые, мы глубоко убѣждены, заграничный рынокъ ссудилъ бы гораздо охотнѣе, чѣмъ на военныя надобности, и, напримѣръ, заемъ на сооруженіе второго рельсоваго пути Сибирской дороги имѣлъ бы несравненно большій успѣхъ, чѣмъ обыкновенный военный заемъ. О томъ, какое значеніе усиленныя желѣзнодорожныя работы имѣютъ для увеличенія заработковъ населенія, для развитія промышленности, для роста государственныхъ доходовъ, распространяться незачѣмъ. Въ послѣднее десятилѣтіе успѣшнымъ исполненіемъ государственнаго бюджета, крупнымъ превышеніемъ государственныхъ доходовъ надъ расходами, чрезвычайнымъ расцвѣтомъ нашей желѣзодѣлательной промышленности (и всѣхъ стоящихъ съ нею въ связи), мы обязаны единственно усиленной желѣзнодорожной постройкѣ, исполненной въ значительной степени за счетъ иностраннаго капитала, и это не смотря на то, что до 1902 г., начиная съ 1890 г. насъ преслѣдуютъ неурожаи, и за это время едва можно насчитать двѣ-три жатвы болѣе или менѣе удовлетворительныя. По случаю войны ассигновки на сооруженіе новыхъ рельсовыхъ путей сокращены,—это вполнѣ основательно, такъ какъ постройка предполагалась за счетъ сво-

бодной наличности казначейства, служащей у насъ военнымъ фондомъ: естественно было эту наличность обратить согласно ея первоначальному назначенію. Но ничто не мѣшаетъ сооружать желѣзныя дороги за счетъ займовъ.

Однако, это сооруженіе—не единственный (хотя и самый простой и наиболѣе употребительный) способъ привлеченія иностраннаго капитала. Есть и другіе, даже болѣе полезные для развитія промышленности страны и подъема экономическаго благосостоянія населенія. Мы, напримѣръ очень нуждаемся въ сѣти шоссейныхъ дорогъ, отъ отсутствія которыхъ въ иное время года Россія буквально дѣлается непроѣзжей. Въ чрезвычайномъ забросѣ у насъ и водные пути; судоходныя когда-то рѣки обмелѣли; гибнутъ даже такіе пути, какъ Донъ, Днѣпръ, Западная Двина, наконецъ, сама Волга; сѣть каналовъ нашихъ крайне неудовлетворительна и ничтожна по размѣрамъ. А между тѣмъ всюду въ Европѣ и Америкѣ на этотъ вопросъ (особенно въ послѣднее время) обращено самое серьезное вниманіе, на шоссейные и водные пути тратятся сотни милліоновъ рублей, заключаются спеціальные займы. Не вовсе безъ вниманія, конечно, осталось это дѣло и у насъ, выработаны даже на этотъ счетъ особые проекты (между прочимъ въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности), но все пока осталось, по обыкновенію, безъ всякаго движенія, хотя и иностранцы входятъ уже съ особыми проектами на счетъ развитія нашихъ водныхъ путей. Вопросъ этотъ—самой первостепенной важности: мы не можемъ оставаться и впредь при однихъ рельсовыхъ путяхъ, безъ водяныхъ и шоссейныхъ къ нимъ подъѣздовъ. Съ усовершенствованіемъ автомобилей вопросъ еще болѣе обострится, отсталость наша отъ Европы выступитъ особенно рельефно при совершенномъ почти отсутствіи у насъ мощеныхъ дорогъ, ни о какомъ экономическомъ подъемѣ населенія не можетъ быть и рѣчи, пока страна не станетъ болѣе или менѣе проѣзжей.

Между тѣмъ, сооруженіе шоссе даетъ еще ту выгоду передъ сооруженіемъ рельсовыхъ путей, что здѣсь, главнымъ образомъ, требуется только личный трудъ простѣйшаго характера (равненіе пути, ломка, подвозка и дробленіе камня, самое мощеніе), возможно занятіе мѣстнаго населенія, матеріалъ дешевъ, а подвозка его хотя и дорога (въ виду отдаленности отъ центра каменныхъ мѣсторожденій), но дала бы крупный заработокъ казеннымъ же желѣзнымъ дорогамъ (въ зимнее время работою необремененнымъ) или же частнымъ желѣзнымъ дорогамъ, находящимся съ казною въ обязательныхъ отношеніяхъ и лежащимъ на ней теперь весьма тяжелымъ бременемъ по своей недостаточной доходности. Можно сказать, что истраченныя на сооруженіе шоссейныхъ путей деньги цѣликомъ остались бы внутри Россіи и могли бы быть, слѣдовательно, извлечены государствомъ посредствомъ хорошо функціонирующаго податного аппарата для другихъ потребностей; всю такую сѣть мы получили бы, такимъ образомъ, почти даромъ, использованъ былъ бы только трудъ населенія, который теперь зачастую остается безъ употребленія за невозможностью его приложить къ дѣлу. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что занятое сооруженіемъ шоссе населеніе не получило бы эквивалента за свой трудъ. Но полученныя за этотъ трудъ деньги поступили бы въ общій экономическій оборотъ и, способствуя подъему благосостоянія населенія, eo ipso отразились бы на ростѣ государственныхъ доходовъ. При сооруженіи же рельсовыхъ путей, гдѣ требуется трудъ высшаго порядка, высоко оплачиваемый, гдѣ требуются дорогіе матеріалы, изготовляемые на большихъ заводахъ, созданныхъ зачастую на иностранные капиталы и руководимыхъ также высокооплачиваемымъ русскимъ, а иногда и иностраннымъ персоналомъ,—весьма большая часть затраченныхъ на сооруженіе этихъ рельсовыхъ путей денегъ уйдетъ за границу въ видѣ дивидендовъ и заработковъ иностранцевъ и въ видѣ

расходовъ за границей и на заграничные товары тѣхъ русскихъ, которые примутъ участіе въ постройкѣ.

Для гарантіи иностранныхъ капиталистовъ въ употребленіи занятыхъ денегъ на сооруженіе подъѣздовъ, а не на другія надобности, заемъ возможно было бы выпустить въ видѣ *консолидированнаго земскаго* съ гарантіей правительства, съ распредѣленіемъ вырученныхъ суммъ между отдѣльными земствами (такъ какъ на послѣднія возложено у насъ завѣдываніе шоссе), для мостовыхъ работъ подъ ближайшимъ правительственнымъ надзоромъ, по одобренному центральнымъ правительствомъ плану. Работами по урегулированію рѣчныхъ путей должно вѣдать уже, конечно, государство, а не органы мѣстнаго самоуправленія; для сооруженія же нѣкоторыхъ каналовъ и водныхъ внутреннихъ системъ могло бы быть образовано и акціонерное (хотя бы даже иностранное) общество, дѣйствующее, конечно, подъ бдительнымъ и дѣйствительнымъ правительственнымъ контролемъ.

Мы указывали уже, что при современной (и неизбѣжной у насъ пока) экстенсивной системѣ сельскаго хозяйства мы нуждаемся въ расширеніи обрабатываемой теперь территоріи, между прочимъ степной области, такъ какъ за распашкой европейскихъ нашихъ степей, мы уже вынуждены ввозить изъ-за границы шерсть, кожи, сало, воскъ на десятки милліоновъ рублей и сильно сократить отпускъ этихъ предметовъ, когда-то составлявшихъ серьезную статью нашего вывоза. Нуждаемся мы также въ расширеніи областей, пригодныхъ для разведенія хлопка. Такія области у насъ уже есть, независимо отъ возможности приращенія ихъ въ результатѣ настоящей войны, но области нуждаются въ приспособленіи ихъ къ заселенію: нуженъ рядъ гидротехническихъ работъ по ихъ орошенію или осушенію, необходимо укрѣпленіе сыпучихъ песковъ путемъ лѣсонасажденій (въ одной Европейской Россіи такихъ песковъ болѣе $4\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ). Опытъ, произведенный уп-

равленіемъ Сибирской жел. дороги въ Барабинской и Ишимской степяхъ, нѣкоторые опыты, произведенные въ Средней Азіи частными лицами, удѣльнымъ вѣдомствомъ и кабинетомъ, дали положительно блестящіе результаты: получились милліоны десятинъ земли, вполнѣ пригодной для культуры. Но этотъ опытъ производился въ размѣрахъ относительно очень скромныхъ, съ небольшими затратами. Его необходимо продолжить въ размѣрахъ, гораздо болѣе крупныхъ, по единому плану, за счетъ крупныхъ займовъ. Въ раіонѣ новой Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги (если не хотятъ, чтобы она легла тяжкимъ бременемъ на государственное казначейство) необходимо приспособленіе площади земель для хлопковыхъ культуръ, то же въ Закавказьѣ, а со временемъ—и въ Восточномъ Туркестанѣ и Персіи. Въ виду хлопковаго голода въ цѣломъ мірѣ, благодаря нѣкоторымъ мѣропріятіямъ Америки, мысль о созданіи новой громадной хлопковой площади въ Россіи встрѣчена была бы въ Западной Европѣ съ величайшимъ сочувствіемъ, и никакихъ затрудненій въ реализаціи займовъ для такой цѣли, навѣрное, не встрѣтилось бы. Не встрѣтилось бы препятствій для займа и съ цѣлью расширенія площади воздѣлываемыхъ земель, хотя бы и непригодныхъ для хлопковой культуры, но допускающихъ, напр., въ широкихъ размѣрахъ овцеводство.

Конечно, дѣло не въ одномъ приспособленіи земель для культуры, а и въ самой ихъ культурѣ. Послѣдняя возможна только при правильной организаціи перенесенія избытковъ населенія изъ центра на окраины и оказанія надлежащей помощи переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ. Эта цѣль могла бы быть достигнута съ помощью особаго *переселенческаго банка*, роль котораго всего лучше было бы передать уже существующему крестьянскому банку, дѣятельность котораго по случаю войны ограничена выдачею ссудъ крестьянамъ на покупку земель въ нѣкоторыхъ окраинныхъ губерніяхъ (Уфимской, Самарской, Оренбургской), а могла

бы быть, напротивъ, *расширена* выдачей ссудъ (на меліораціи и обзаведеніе) переселенцамъ вообще, въ зависимости отъ плана переселеній, намѣченнаго правительствомъ. Такая операція нисколько не грозитъ прочности крестьянскаго банка, деньги же на указанную потребность всего проще изыскать именно посредствомъ выпуска банкомъ своихъ закладныхъ листовъ (ихъ можно попытаться помѣстить и заграницей).

Но всего больше въ помощи нуждается *внутренняя земледѣльческая Россія*, совершенно лишенная, такъ называемаго *сельско-хозяйственнаго кредита.* Въ нынѣшнемъ году изданы новые законы, регламентирующіе организацію у насъ мелкаго народнаго кредита, ассигнованныя же для поддержки учрежденій этого кредита суммы были отобраны на военныя надобности (какъ и суммы для развитія кредита меліоративнаго). Хуже всего, что и утвержденная въ новомъ законѣ организація не можетъ быть признана удовлетворительной и практичной, и ей, вѣроятно, не придется выйти изъ области благихъ пожеланій, такъ какъ не рѣшенъ совершенно главный вопросъ—о средствахъ, необходимыхъ для правильной постановки народнаго кредита. Кромѣ того, ничего не предпринято по части регулированія нашей отпускной торговли сельско-хозяйственными продуктами, находящейся въ полнѣйшей зависимости отъ иностранныхъ рынковъ, безъ чего самое производство такихъ продуктовъ страшно обезцѣнивается. Мы не будемъ здѣсь распространяться по этому поводу, такъ какъ нами своевременно (въ 1902 г.) былъ внесенъ соотвѣтствующій проектъ сольско-хозяйственнаго банка въ особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и такъ какъ онъ при обсужденіи вопроса о постановкѣ у насъ мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита совѣщанію доложенъ не былъ, то онъ былъ нами опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе и обратилъ на себя между прочимъ вниманіе въ германской прессѣ и торговыхъ сферахъ, увидѣвшихъ въ

немъ серьезную угрозу для извѣстнаго германо-нидерландскаго синдиката хлѣбныхъ импортеровъ [1]). Учрежденіе такого банка, хотя бы и съ помощью иностранныхъ капиталовъ, не встрѣтило бы никакихъ денежныхъ затрудненій даже въ военное время, въ самой сильной степени облегчило бы сельскому населенію перенести военныя тягости, дало бы ему стредства для улучшенія своего экономическаго благосостоянія, способствовало бы увеличенію поступленій государственныхъ доходовъ и накопленію капиталовъ внутри страны.

Менѣе необходимо, но такъ же желательно, учрежденіе и *центральнаго промышленнаго банка*, отсутствіе котораго очень чувствительно для нашей молодой и еще неокрѣпшей обрабатывающей промышленности. Промышленныхъ банковъ много и въ Западной Европѣ, и въ Америкѣ, у насъ же роль такихъ банковъ вынужденъ играть государственный банкъ, хотя ему операціи по выдачѣ промышленныхъ ссудъ (кромѣ небольшихъ и на особыхъ условіяхъ) воспрещены въ самомъ уставѣ, да и не могутъ быть признаны нормальными, какъ и для всякаго центральнаго эмиссіоннаго банка. Теперь такія ссуды обременяютъ портфель банка, дѣлаютъ этотъ портфель трудно реализуемымъ и вообще стѣсняютъ дѣятельность банка, особенно нуждающагося въ свободѣ именно въ военное время. Учрежденіе промышленнаго банка, куда могли бы быть переданы промышленныя ссуды и изъ банка государственнаго, освободило бы послѣдній отъ неподвижного балласта и дало бы толчокъ дальнѣйшему развитію нашей промышленности, хирѣющей, не успѣвъ расцвѣсть. Здѣсь притокъ иностраннаго капитала былъ бы какъ нельзя болѣе умѣстенъ и наврядъ ли встрѣтилъ бы какія нибудь затрудненія, такъ какъ сомнѣній въ употребленіи

---

[1]) Русскій сельскохозяйственный банкъ. Къ вопросу о нуждахъ нашей сельскохозяйственной промышленности. Харьковъ, 1902.

ссуженныхъ капиталовъ по назначенію быть не могло, и это употребленіе производилось бы подъ непосредственнымъ наблюденіемъ тѣхъ же капиталистовъ, могущихъ составить соотвѣтствующеее акціонерное общество.

Конечно, осуществленіе всѣхъ этихъ важныхъ задачъ производительнаго характера—дѣло далеко не легкое: не только организація подобныхъ предпріятій требуетъ большого вниманія и искусства, но и для самого привлеченія иностранныхъ капиталовъ на выгодныхъ условіяхъ необходимы серьезная работа и умѣнье со стороны финансоваго вѣдомства. Мы вѣримъ, что Россія можетъ создать и имѣетъ такихъ же выдающихся финансистовъ, какихъ сумѣли привлечь къ дѣлу въ Западной Европѣ, особенно въ послѣднее время, и это не въ видѣ исключенія, а повсемѣстно въ культурныхъ странахъ (назовемъ въ Англіи, кромѣ покойнаго Гладсона,—Гошена, Гаркорта, Гиксъ-Бича; во Франціи—Леона Сэ, Думера и Рувье, въ Австро-Венгріи—Шеффле, Пленера, Бемъ-Баверка, Билинскаго; въ Германіи—Микеля и Коха). Ими приведены финансы своихъ отечествъ въ блестящее состояніе, и нѣтъ никакихъ основаній думать, что и мы не могли бы добиться того же,—выдающіеся люди есть и у насъ, только они, по условіямъ нашей жизни,—не у дѣлъ. Указываемъ мы здѣсь нарочно прежде всего на необходимость твердо поставить вопросъ объ улучшеніи и развитіи производительныхъ силъ страны ускореннымъ темпомъ, въ виду военныхъ обстоятельствъ, при посредствѣ заграничныхъ капиталовъ, чего можно было бы при обыкновенныхъ обстоятельствахъ избѣгнуть и добиваться тѣхъ же результатовъ болѣе постепенно, обходясь, по возможности, собственными средствами. Если развитіе экономическихъ силъ страны поставлено правильно и широко, тогда только можно говорить объ извлеченіи изъ нея средствъ на военныя надобности путемъ внутреннихъ займовъ и налоговъ. У насъ же обыкновенно прежде всего говорятъ о налогахъ, объ измѣненіи

ихъ системы, о введеніи усиленнаго подоходнаго обложенія, не заботясь о самомъ народномъ доходѣ и забывая, откуда налоги черпаются, говорятъ о займахъ, когда нѣтъ еще никакихъ накопленныхъ капиталовъ.

Какимъ же образомъ государство съ легкостью можетъ осуществить внутренніе военные займы, обезпечивъ притокъ изъ заграницы капиталовъ на цѣли производительныя? Пріемъ здѣсь очень простой. Если государство имѣетъ уже значительныя наличныя средства («свободная наличность»), то новые внутренніе займы реализуются постепенно при посредствѣ учрежденій государственнаго банка и казначейства: по мѣрѣ накопленія сбереженій (усиленнаго вслѣдствіе притока капиталовъ извнѣ), населеніе будетъ ихъ помѣщать въ облигаціяхъ новаго военнаго займа. Если бы, напротивъ, государству понадобились крупныя суммы сразу, то здѣсь было бы невозможно обойтись безъ помощи центральнаго эмиссіоннаго (у насъ государственнаго) банка, такъ какъ количество наличныхъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи всегда и всюду не очень велико, и притомъ эти знаки рѣдко бываютъ свободны. Такимъ образомъ, приходится прибѣгнуть къ созданію новыхъ знаковъ, къ увеличенію количества обращающихся въ странѣ денегъ. У насъ государственный банкъ имѣетъ право сдѣлать необезпеченный рубль за рубль выпускъ своихъ билетовъ на сумму не свыше 300 милліоновъ рублей, но не для надобностей государственнаго казначейства, а только въ интересахъ регулированія самого билетнаго обращенія, подъ обезпеченіе билетовъ извѣстными краткосрочными коммерческими операціями. Такимъ образомъ, желая сразу реализовать въ свое распоряженіе крупныя наличныя денежныя суммы, министерство финансовъ можетъ выпустить внутренній заемъ на сумму до 300 милліоновъ рублей (по настоящимъ условіямъ денежнаго рынка— изъ $4^1/_2\%$ съ правомъ выкупа не далѣе какъ чрезъ 5—10 лѣтъ), объявивъ на него подписку, которая будетъ покрыта

отчасти публикой, а въ остальной непокрытой части—синдикатомъ банковъ, который очень легко составить при зависимости нашихъ частныхъ банковъ отъ министерства финансовъ. За покрытыя по подпискѣ облигаціи вносится сперва только задатокъ въ размѣрѣ до 20 процентовъ подписной цѣны займа, а остальные 80 проц. остаются долгомъ за подписчиками, покрываемымъ дальнѣйшими постепенными взносами. Но государству важно получить деньги не постепенными взносами, а сразу, и вотъ въ этомъ то случаѣ и оказываетъ свои услуги государственный банкъ: онъ выдаетъ въ ссуду подписчикамъ недостающіе 80 проц. цѣны займа, выдаетъ кредитными билетами изъ небольшого процента, которые цѣликомъ передаются въ распоряженіе государственнаго казначейства, получающаго возможность покрыть даже крупные военные расходы. По мѣрѣ погашенія ссуды государственному банку, онъ изъемлетъ изъ обращенія излишне-выпущенные кредитные билеты, пока не приведетъ ихъ въ прежнюю норму. Тогда государство можетъ выпустить новый заемъ на 300 мил. руб. и т. д. Устава своего здѣсь банкъ не нарушаетъ, такъ какъ выдача имъ ссудъ подъ закладъ процентныхъ бумагъ—одна изъ важнѣйшихъ его краткострочныхъ коммерческихъ операцій, для прочности размѣна нѣтъ опасности, такъ какъ увеличеніе билетнаго обращенія на 300 мил. руб. совершенно ничтожно, а главное—излишніе билеты тотчасъ же уничтожаются по мѣрѣ выкупа заложенныхъ въ банкѣ облигацій, что происходитъ—въ свою очередь—по мѣрѣ накопленія населеніемъ сбереженій, возможнаго и благодаря приливу капиталовъ изъ-за границы для промышленныхъ цѣлей, и благодаря усиленному производству государствомъ своихъ расходовъ за счетъ внутренняго займа, реализованнаго путемъ увеличенія денежнаго обращенія въ странѣ (новые денежные капиталы). Такимъ способомъ, Франція въ 1870—1875 г.г. реализовала свои займы на нѣсколько милліардовъ франковъ, да и Россія въ 1876—1879 г.г. для по-

крытія военныхъ расходовъ реализовала займовъ на 900 мил. руб. (выпускъ 5-процентныхъ банковыхъ билетовъ 1876 г. на 100 мил. руб. и три восточныхъ 5-процентныхъ займа на 800 мил. р.) Но Россія въ эпоху турецкой войны (какъ раньше наполеоновскихъ и крымской) не могла, кромѣ того, обойтись безъ непосредственныхъ позаимствованій изъ государственнаго эммиссіоннаго банка его билетовъ, независимо отъ выпуска ихъ для реализаціи процентныхъ займовъ, что разстраивало наше денежное обращеніе и роняло курсъ рубля (впрочемъ, въ эпоху крымской войны курсъ былъ сохраненъ, но это именно потому, что выпущенные кредитные билеты скоплялись въ казенныхъ банкахъ на вкладахъ и были заимствуемы казною на военныя нужды, а это и было равносильно выпуску внутреннихъ процентныхъ займовъ съ выдачей подъ закладъ ихъ облигацій кредитныхъ билетовъ).

Теперь, во что бы то ни стало, необходимо обойтись безъ подобнаго рода «позаимствованій», что могло бы разстроить нашу валюту. И мы думаемъ, что этого достигнуть можно. Надо только искусное руководительство банковой политикой и необходимо принятіе нѣкоторыхъ мѣръ въ сферѣ денежнаго обращенія.

IX.

Для обезпеченія возможно удачныхъ займовъ необходимо правильное и прочно поставленное денежное обращеніе. Въ немъ—серьезная гарантія иностранныхъ капиталистовъ, что финансы страны не разстроены, что поступающіе въ имѣющей повсемѣстное обращеніе монетѣ государственные доходы могутъ быть непосредственно обращены на уплату долговъ; нѣтъ тогда и злополучныхъ колебаній курса валюты государства-заемщика, спутывающихъ всякіе правильные торговые разсчеты и дающихъ почву для необузданной спекуляціи. Разстроенная валюта приводила насъ къ полной невозможности реализовать внѣшніе займы на сколько-нибудь приличныхъ условіяхъ и отдавала всю нашу внѣшнюю торговлю на усмотрѣніе и въ полную зависимость отъ берлинскихъ спекулянтовъ на курсъ нашего кредитнаго рубля. Затруднялись и внутренніе займы, тѣмъ болѣе что приходилось занимать въ этомъ случаѣ не настоящія (золотыя) деньги (въ которыхъ была нужда), а только денежные бумажные знаки. Нынѣшнюю войну мы встрѣтили при вполнѣ упорядоченномъ денежномъ обращеніи, съ большимъ размѣннымъ фондомъ государственнаго банка, съ солидными запасами золота въ госуд. казначействѣ и среди населенія (всего до 1845 мил. р. по оффиціальному исчисленію). Въ теченіе уже почти года войны, и при томъ для насъ пока исключительно неудачной, денежное обращеніе наше нисколько не поколебалось, и о прекращеніи размѣна кред. билетовъ (что

намъ такъ злорадно предсказывали) не можетъ быть и рѣчи: если выпускъ кред. билетовъ за это время (по 15 дек. 1904 г.) возросъ на 270 мил. р. (съ 630 мил. р. до 900 мил. р.), то на значительную сумму возросли и золотые запасы госуд. банка (не считая запасовъ заграничныхъ), именно съ 733 мил. руб. до 879 мил. руб., другими словами, госуд. банкъ замѣнилъ извѣстную часть находившагося въ обращеніи золота кред. билетами, а золото привлекъ изъ обращенія въ свои кассы, что мы уже давно и настоятельно рекомендовали финансовому вѣдомству и можемъ только радоваться, что нашъ совѣтъ, наконецъ, хотя нѣсколько и поздно, исполненъ. Во всякомъ случаѣ, нашему денежному обращенію опасности пока не грозитъ, и мы не думаемъ, чтобы японская война могла его разстроить; но мы не гарантированы отъ вмѣшательства въ борьбу и другихъ державъ, и наша задача должна заключаться въ томъ, чтобы при всякихъ, даже очень тяжелыхъ обстоятельствахъ, сохранить въ неприкосновенности свою золотую валюту и имѣть обезпеченный размѣнъ кредитныхъ билетовъ.

Прочность валюты, какъ извѣстно, зависитъ отъ двухъ важнѣйшихъ причинъ: правильности операцій центральнаго эмиссіоннаго банка и состоянія разсчетнаго баланса страны. Если банкъ занимается только соотвѣтствующими своему назначенію краткосрочными коммерческими операціями, имѣетъ, слѣдовательно, легко реализуемый портфель и выпускаетъ свои билеты подъ надежныя обезпеченія (векселя или другія цѣнныя бумаги) въ точномъ согласованіи количества ихъ выпуска съ потребностями населенія въ денежныхъ знакахъ, то никакой опасности вслѣдствіе излишняго выпуска денежныхъ знаковъ для ихъ размѣна не можетъ быть, хотя бы золотой размѣнный фондъ былъ относительно и не великъ. Нашъ государственный банкъ, къ сожалѣнію, не вполнѣ удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть предъявлены хорошо поставленному центральному

эмиссіонному банку. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что положеніе нашего банка не достаточно прочно: уже то обстоятельство, что онъ государственный, вполнѣ обезпечиваетъ его отъ всякихъ случайностей въ виду могущественной поддержки государственнаго казначейства. Но было бы желательно, чтобы банкъ, и какъ самостоятельное учрежденіе, стоялъ безъ всякой поддержки совершенно прочно, такъ сказать, на высотѣ своего призванія. Ненормальности, которыя сообщены были банку при самомъ его возникновеніи (въ 1860 г.) на развалинахъ стараго казеннаго коммерческаго банка, съ возложеніемъ на банкъ неблагодарной задачи ликвидаціи старыхъ банковыхъ установленій и урегулированія разстроенной неразмѣнной бумажной валюты, сохранились за нимъ въ значительной степени и до сихъ поръ. Банкъ вынужденъ былъ взять на себя выпускъ кредитныхъ билетовъ не для своихъ надобностей, а для потребностей государственнаго казначейства, отчасти и для возврата вкладовъ кліентамъ бывшихъ казенныхъ банковъ, не говоря уже о занесеніи съ самого начала учрежденія въ свой пассивъ огромнаго выпуска (свыше 700 мил. руб.) кредитныхъ билетовъ, почти совершенно не обезпеченныхъ размѣннымъ фондомъ и явившихся также не результатомъ коммерческихъ операцій нашихъ старыхъ банковъ, а единственно результатомъ выпуска государствомъ бумажныхъ денегъ для покрытія военныхъ расходовъ. Это обстоятельство совершенно парализовало дѣятельность банка, какъ центральнаго эмиссіоннаго, регулирующаго коммерческій кредитъ и денежное обращеніе въ странѣ. Въ 1894 г. банкъ былъ реформированъ, но, какъ нарочно, всего за годъ до начала упорядоченія нашей валюты, и его уставъ былъ разсчитанъ на существованіе у насъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, количество которыхъ предполагалось весьма значительно увеличить посредствомъ такихъ операцій банка, которыя совершенно не извѣстны центральнымъ эмиссіоннымъ банкамъ, а свойственны лишь банкамъ промышлен-

нымъ, оперирующимъ за счетъ выпуска долгосрочныхъ облигацій. Съ окончательнымъ упорядоченіемъ нашей валюты, съ установленіемъ безпрепятственнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на золото и съ введеніемъ закона (29 авг. 1897 г.) объ условіяхъ выпуска государственнымъ банкомъ кредитныхъ билетовъ и ихъ обезпеченіи, операціи по выдачѣ долгосрочныхъ ссудъ (сельско-хозяйственныхъ, товарныхъ и промышленныхъ) были сокращены (хотя и не отмѣнены), и банкъ, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ былъ бы переустроенъ на тѣхъ же началахъ, какъ и центральные банки Западной Европы, но, благодаря промышленному кризису и отсутствію у насъ промышленныхъ банковъ, съ 1899 г. онъ выступилъ (уже вопреки уставу) на замѣну этихъ банковъ и сталъ выдавать долгосрочныя промышленныя ссуды, количество которыхъ постепенно дошло (по исчисленію государственнаго контроля) до 100 мил. руб. (подъ разными видами, напр., въ формѣ покупки облигацій промышленныхъ предпріятій,—выдачи ссудъ и открытія онкольныхъ счетовъ подъ обезпеченіе бумагъ этихъ предпріятій,—выдачи ссудъ товарныхъ и, наконецъ, прямыхъ долгосрочныхъ промышленныхъ ссудъ). Кредитныхъ билетовъ для такихъ операцій банкъ, однако, не выпускалъ, а затратилъ на это весь свой основной резервный капиталъ (55 мил. руб.) и всѣ частные вклады (50—60 мил. руб.), въ томъ числѣ и безсрочные. Такимъ образомъ, для своихъ активныхъ операцій, банку оставалось обратиться къ выпуску кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе ихъ разными краткосрочными обязательствами своихъ кліентовъ (преимущественно векселями). Максимальный выпускъ такихъ необезпеченныхъ золотомъ билетовъ опредѣленъ закономъ суммою до 300 мил. руб., а сумма активныхъ операцій банка доходитъ до 500 мил. руб., такъ что, за вычетомъ вкладовъ и собственныхъ капиталовъ, банкъ нуждается, по крайней мѣрѣ, въ 400 мил. руб. для своихъ операцій, и ему не хватаетъ—даже при использованіи всего не-

обезпеченнаго выпуска билетовъ—около 100 мил. руб. Къ этому необходимо добавить, что собственно учетъ векселей составляетъ лишь около 200 мил. руб. и что, слѣдовательно, безъ риска банкъ можетъ выпустить своихъ билетовъ не болѣе, какъ на эту сумму, а остальные 100 мил. руб. надо добыть также изъ другихъ источниковъ. Но и выпускъ необезпеченныхъ золотомъ 200 мил. руб. для банка затруднителенъ и на дѣлѣ ни разу не былъ осуществленъ по двумъ причинамъ: съ одной стороны по условіямъ нашей торговли—у насъ нѣтъ настоящихъ краткосрочныхъ векселей, а съ другой—неправильно поставлено самое билетное обращеніе. Ко времени введенія у насъ золотой валюты и безпрепятственнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на золото, въ обращеніи было на 1,121 мил. руб. этихъ билетовъ, изъ которыхъ 55% (до 623 мил. руб.) было мелкаго достоинства (1—10 р.). По первоначальному проекту регулированія нашей валюты предполагалось кредитныхъ билетовъ изъ обращенія не изымать, установивъ только ихъ безостановочный размѣнъ для желающихъ на 10-рублевую золотую монету, съ выпускомъ, въ качествѣ подсобной монеты, серебра, не болѣе какъ на 50 мил. руб. Всѣ запасы золота предполагалось по возможности сконцентрировать въ государственномъ банкѣ (какъ это практикуется въ Австро-Венгріи и къ скандинавскихъ государствахъ), предоставивъ послѣднему право необезпеченнаго золотомъ рубль за рубль выпуска билетовъ на сумму до 500 мил. руб., что было совершенно правильно и не грозило опасностью для размѣна, ибо нельзя же было предъявить къ размѣну на 10-рублевую монету рублевыхъ, трехрублевыхъ и пятирублевыхъ бумажекъ, которыхъ, однако, было въ обращеніи на 420 мил. руб. На самомъ дѣлѣ проектъ осуществленъ не былъ, мелкія бумажки почти совсѣмъ изъяты были изъ обращенія и замѣнены серебряной (на 220 мил. руб.) и мелкой (5-рублевой) золотой монетой (почти на 500 мил. руб.), запасы золота въ очень значительномъ

количествѣ (свыше 1,000 мил. руб.) были пущены въ обращеніе по обмѣну кредитныхъ билетовъ и независимо отъ этого обмѣна, а также за границу на покупку серебра и для сведенія невыгодныхъ для насъ разсчетныхъ балансовъ 1899—1900 г.г.. Крупныя бумажки остались въ обращеніи и обезпечены рубль за рубль золотомъ, но значительная часть этого рода бумажекъ всегда можетъ быть предъявлена къ размѣну, почему запасы золота въ банкѣ и должны быть очень велики, а выпускъ необезпеченныхъ золотомъ билетовъ становится опаснымъ, такъ какъ мелкіе билеты населеніе, при существованіи въ обращеніи на ряду съ ними мелкой золотой монеты, принимаетъ неохотно, а крупные билеты въ моментъ биржевой паники всегда, и притомъ сразу, могутъ быть предъявлены къ обмѣну. Въ свое время [1]) мы рекомендовали выдержать стройную систему денежнаго обращенія съ мелкими и крупными билетами *госуд. банка* (а отнюдь не *государственными* кредитными билетами), размѣниваемыми только на имперіалы (15 р.), т. е. на крупную золотую монету, которая имѣла бы собственное наименованіе (а не въ рубляхъ, какъ фунтъ стерлингъ не выраженъ въ шиллингахъ). Тогда золото не могло бы вытѣснить мелкихъ билетовъ, таковые на всю сумму ихъ выпуска могли бы оставаться необезпеченными золотомъ. Этого не сдѣлали, попытавшись слѣдовать франко-германской системѣ, т. е. съ серебромъ и мелкими золотыми деньгами внизу и крупными билетами наверху, но и здѣсь выдержки не оказалось, такъ какъ были въ довольно значительномъ количествѣ оставлены въ обращеніи трехрублевки (даже новаго образца) и не вовсе изъяты рублевыя, пяти и десятирублевыя бумажки (стараго образца), весьма уже неохотно принимаемыя населеніемъ при обиліи золота и серебра. Кромѣ того, нигдѣ въ

[1]) При проведеніи денежной реформы въ 1896 г. и затѣмъ въ книгѣ „Реформа нашего денежнаго обращенія и промышленный кризисъ“, X. 1902.

Западной Европѣ не пущено въ такомъ громадномъ, какъ у насъ количествѣ мелкой золотой монеты (во Франціи преобладаетъ 20-франковая, т. е. 7½ руб., въ Германіи 20 марокъ, т. е. 9¼ руб., въ Англіи—фунты, т. е. почти 9½ руб., а у насъ 5-рублевая монета), и нигдѣ золото не вводится въ обращеніе искусственно и не выдается при крупныхъ платежахъ, служа только для размѣна, гдѣ не хотятъ брать билетовъ или гдѣ, по незначительности сдѣлки, нельзя уплатить билетомъ. У насъ, напротивъ, золото выдавалось на тысячи рублей въ однѣ руки, безъ всякаго требованія получателя или даже противъ его воли, золотомъ платилось жалованье чиновникамъ, золото буквально навязывалось. Въ результатѣ не менѣе 700 мил. руб. пущено въ обращеніе такихъ запасовъ, которые свободно могли бы остаться въ распоряженіи банка; между тѣмъ золото, находясь въ обращеніи, стирается, теряется, что для народнаго хозяйства есть крупный минусъ. Золото, затраченное на покупку обезцѣненнаго и ни на что ненужнаго серебра, есть также прямая потеря для государства. Мы совѣтовали, по крайней мѣрѣ, съ началомъ войны прекратить это расточеніе золотыхъ нашихъ запасовъ и начать ихъ сосредоточеніе въ госуд. банкѣ [1]), выпуская взамѣнъ мелкихъ золотыхъ знаковъ, кредитные билеты мелкаго достоинства и допуская размѣнъ только на имперіалы. Министерство финансовъ отчасти такъ и сдѣлало: золото перестали навязывать, жалованье чиновникамъ одно время выдавали только бумажками, при чемъ пущено въ обращеніе было особенно много трехрублевокъ. Запасы золота въ банкѣ возрасли, упрочивъ его положеніе на случай дальнѣйшихъ осложненій; но имперіаловъ въ обращеніе не пустили (а это было самое важное), размѣнъ по прежнему производится на 5—и 10-рублевыя монеты, по-

[1]) „Записка о финансовой готовности Россіи къ войнѣ“, а также статья въ № 7 „Экономической Газеты“ за 1904 г.

пытки пустить 5—и 10 рублевые билеты стараго образца (съ надписью, что они размѣниваются на серебряную или золотую монету) вызвали общее недоумѣніе и даже нѣкоторое недовѣріе къ устойчивости золотого обращенія. Словомъ, ни на что радикальное не рѣшились, а въ результатѣ государственный банкъ по прежнему затрудненъ на случай необходимости выпуска необезпеченныхъ золотомъ билетовъ для реализаціи внутреннихъ займовъ, по прежнему нуждается въ поддержкѣ государственнаго казначейства. Поддержка эта очень велика и выражается она въ передачѣ казначействомъ и всѣми государственными учрежденіями (въ томъ числѣ сберегательными кассами) всѣхъ своихъ средствъ на текущій счетъ въ государственный банкъ, составляющихъ въ общей суммѣ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей (по балансовому остатку на 1 янв. 1904 г. свыше 600 мил. р., на 15 дек. 1904 г. 490 мил. р.), изъ которыхъ извѣстную (очень значительную) часть банкъ всегда имѣетъ въ наличности (не будучи въ состояніи дать ей прочнаго и дѣйствительно легко реализуемаго въ короткій срокъ помѣщенія), а остальную помѣщаетъ въ свои операціи, изъ которыхъ средства освободить не легко и, слѣдовательно, ни казначейство, ни правительственныя учрежденія цѣликомъ своихъ средствъ съ текущаго счета банка снять никогда не могутъ, а этого уже нельзя признать нормальнымъ. Отсюда военный внѣшній 5%-ый заемъ выпущенъ былъ между прочимъ (какъ прямо сказано въ Высоч. указѣ 29 апрѣля 1904 г.) для увеличенія золотой наличности государственнаго банка, которому дѣйствительно первая выручка по займу (55 мил. руб. въ маѣ и іюнѣ) и была передана,—конечно въ формѣ зачисленія ея на текущій счетъ государственнаго казначейства (доходившій къ 1 іюля до 300 мил. р., къ 1 августа до 263 мил. р., а къ 15 декабря 1904 г. всего до 193 мил. руб.). Для своихъ активныхъ операцій (на сумму 400—500 мил. руб.) банкъ имѣетъ въ распоряженіи не болѣе 200—250 мил. р. въ видѣ соб-

ственныхъ капиталовъ и вкладовъ на текущій счетъ (въ томъ числѣ условный), безсрочныхъ и срочныхъ (послѣднихъ всего на 16 мил. р.) частныхъ лицъ и учрежденій (включая и желѣзныя дороги), и не хватаетъ, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ 150—200 мил. р. (считая активныя операціи сокращенными), которыя берутся съ текущаго счета казначейства и казенныхъ учрежденій.

Поправить положеніе дѣлъ государственнаго банка, мы думаемъ, однако вовсе не трудно. Съ одной стороны необходимо то сосредоточеніе золота въ банкѣ, о которомъ мы только что говорили и поставленіе билетнаго обращенія въ такой видъ, чтобы часть билетовъ (мелкаго достоинства) ни въ какомъ случаѣ не могла быть предъявлена къ размѣну (размѣнъ—только на крупную золотую монету,—на имперіалы); тогда будетъ возможенъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, необезпеченныхъ рубль за рубль золотомъ, для коммерческихъ операцій банка, а, слѣдовательно и освобожденіе части средствъ государственнаго казначейства съ текущаго счета банка. Съ другой стороны, всѣ сколько-нибудь долгосрочныя промышленныя ссуды необходимо обезвредить, отнеся ихъ на собственные капиталы банка, которые поэтому придется увеличить на 100 милліоновъ рублей, передавъ ихъ банку изъ выручки по внѣшнему военному займу, разъ таковой уже реализованъ. Это самый простой способъ. Болѣе сложно, но и болѣе цѣлесообразно было бы учрежденіе (хотя бы и съ помощью и при содѣйствіи правительства) *промышленнаго банка*, которому промышленныя ссуды государственнаго банка могли бы быть переданы взамѣнъ обязательствъ промышленнаго банка, которыя можно было бы реализовать (хотя бы и на иностранныхъ рынкахъ). Подробности объ этомъ мы опускаемъ, такъ какъ о нихъ въ свое время говорили [1]).

---

[1]) Наша банковая политика. X. 1904 г.

Во всякомъ случаѣ, политика государственнаго банка въ отношеніи выпуска кредитныхъ билетовъ такъ осторожна, что она не можетъ грозить пріостановкой размѣна, который обезпеченъ съ большимъ избыткомъ (при выпускѣ 900 мил. р. кредитными билетами въ декабрѣ 1904 г. обезпеченіе свыше 1023 мил. р. золотомъ), кромѣ того, положеніе и политику банка очень легко можно улучшить, и тогда необезпеченный выпускъ кредитныхъ билетовъ станетъ вполнѣ возможнымъ и безопаснымъ, и опасенія, которыя на этотъ счетъ обыкновенно высказываются, безусловно преувеличены. Остается важнѣйшій вопросъ о разсчетномъ балансѣ. При неблагопріятномъ балансѣ золото должно отлить извнутри страны за границу недостатокъ денегъ придется пополнять или новыми заграничными займами (если таковые окажутся возможными), или новыми выпусками кредитныхъ билетовъ, въ зависимости отъ количества которыхъ возможно и прекращеніе размѣна.

Поэтому, здѣсь необходимо сосредоточить все вниманіе финансоваго вѣдомства. Въ общемъ, разсчетный балансъ постоянно для насъ неблагопріятенъ вслѣдствіе огромной нашей внѣшней задолженности, фрахтовыхъ расходовъ по перевозкѣ нашихъ товаровъ за границу на иностранныхъ судахъ, большого ввоза къ намъ заграничныхъ товаровъ, крупныхъ правительственныхъ заказовъ за границею (особенно въ послѣдніе годы по случаю усиленія военнаго флота) и, наконецъ, значительныхъ расходовъ за границею нашихъ туристовъ. Покрываемся мы только большимъ вывозомъ за границу своихъ продуктовъ, преимущественно сырыхъ или полуобработанныхъ, но торговый балансъ очень рѣдко на столько склоняется въ нашу пользу, чтобы покрывать всѣ наши заграничныя траты. Правительство, устанавливая таможенное покровительство туземной промышленности и оказывая всяческое содѣйствіе притоку иностраннаго капитала въ эту промышленность, издавна старается создать крупный перевѣсъ нашего вывоза надъ ввозомъ, но это не всегда удается. Мы уже указывали,

какъ упали въ послѣднее время нѣкоторыя статьи нашего вывоза (шерсть, сало, кожи, воскъ), которыя постепенно становятся статьями нашего ввоза, какъ страшно растетъ цѣнность ввоза къ намъ нѣкоторыхъ сырыхъ, экзотическихъ продуктовъ (хлопка, чаю). Здѣсь нужна серьезная и продолжительная экономическая борьба, въ которой полумѣрами ничего сдѣлать нельзя, необходимо постепенное преобразованіе всего экономическаго строя населенія нашего, необходимо широко поставленное народное просвѣщеніе, нужны новые капиталы, нужны и новыя территоріи, изъ за которыхъ идетъ сейчасъ борьба. Не въ военное тяжелое время такія задачи культурнаго подъема населенія рѣшаются, но необходимо указать, что же слѣдуетъ предпринять немедленно для нѣкотораго хотя бы обезпеченія нашего разсчетнаго баланса, во время войны. Одни расходы по оплатѣ нашихъ заграничныхъ обязательствъ (государственныхъ и частныхъ) составляютъ болѣе 200 мил. р. ежегодно, между тѣмъ, въ среднемъ, за пятилѣтіе 1891—1896 гг. превышеніе нашего вывоза надъ ввозомъ дало только 121 мил. р., въ пятилѣтіе 1897—1901 гг. всего 103 мил. р. Урожаи 1902 и 1903 гг. улучшили это положеніе, давъ избытокъ вывоза надъ ввозомъ въ суммѣ до 261 мил. руб. въ 1902 г. и 363 мил. руб. въ 1903 г. (по европейской границѣ, а со включеніемъ торговли по азіатской границѣ эта послѣдняя цифра милліоновъ на 40 р. должна понизиться). Такимъ образомъ намъ до 1902 г. не хватало избытка вывоза даже для покрытія своихъ долговыхъ обязательствъ, о другихъ расходахъ нечего и говорить. Естественно, что мы вынуждены были изъ году въ годъ увеличивать свою заграничную задолженность, а это не можетъ быть признано нормальнымъ. Въ нынѣшнемъ году состояніе нашей внѣшней торговли гораздо менѣе благопріятно, чѣмъ въ предыдущемъ: вывезено товаровъ менѣе противъ предшествующаго года въ первые девять мѣсяцевъ на 44 мил. р., ввезено, напротивъ, на нѣсколько большую сумму про-

тивъ предшествовавшаго года, и это не считая огромныхъ (по случаю войны) заграничныхъ правительственныхъ заказовъ. Изъ всепод. доклада министра финансовъ видно, что количество нашихъ золотыхъ запасовъ увеличилось въ 1904 г. всего на 77 мил. руб. при выручкѣ по заграничному золотому займу въ 282 мил. руб., слѣдовательно разсчетный балансъ сведенъ былъ для насъ *съ ущербомъ въ 205 мил. руб.*. Къ сожалѣнію, ни увеличеніе нашего вывоза, ни уменьшеніе привоза заграничныхъ товаровъ не зависятъ отъ воли правительства, которому можно было-бы рекомендовать только избѣгать заграничныхъ заказовъ, но и этого нельзя иногда достигнуть, такъ какъ нужда въ военныхъ запасахъ сейчасъ весьма велика. Одна надежда остается на удовлетворительный, большею частью, въ этомъ году урожай, сопровождаемый высокими цѣнами на хлѣбъ (реализація его однако затруднена залежами на желѣзныхъ дорогахъ, въ декабрѣ дошедшими до неслыханой цифры 110 тысячъ вагоновъ). Но есть одна, и при томъ очень крупная статья нашихъ заграничныхъ расходовъ, которую, по случаю войны, слѣдовало-бы весьма значительно сократить. Мы говоримъ о заграничныхъ расходахъ нашихъ туристовъ.

На расходы нашихъ заграничныхъ туристовъ, весьма пагубно отражавшіеся въ свое время на курсѣ нашего кредитнаго рубля, да и теперь заставлющіе министерство финансовъ держать за границею для разсчета по предъявляемымъ къ размѣну кредитнымъ билетамъ десятки милліоновъ рублей золотомъ, давно уже обращено серьезное вниманіе. Количество лицъ, путешествующихъ за границею и постоянно тамъ проживающихъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ оно уже превышало 100,000 человѣкъ ежегодно, выѣзжающихъ по паспортамъ (на заработки за границу отправляются у насъ по билетамъ, и этихъ лицъ мы въ счетъ не вводимъ). Въ пятилѣтіе 1897—1901 г. количество ихъ достигло уже

180,523 чел. въ среднемъ, въ 1901 г.—192,490, въ 1902 г.—196,561, въ 1903 г.—230.214 человѣкъ т.-е. за какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ болѣе, чѣмъ удвоилось. Вывозимыя этими лицами суммы не могутъ быть незначительны, хотя и не поддаются точному учету. Министры финансовъ Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскій опредѣляли такія суммы (еще, слѣд., въ 1880-хъ годахъ) не менѣе, чѣмъ въ 70 мил. р. ежегодно, а при проведеніи нашей денежной реформы (въ 1896 г.), всячески желая эту сумму преуменьшить (чтобы доказать возможно болѣе выгодное состояніе для насъ разсчетнаго баланса), министерство финансовъ все-же принимало ее въ цифрѣ 60—90 мил. руб. [1]). Принимая во вниманіе послѣднія (только что опубликованныя) данныя (за 1902 г. [2]) видимъ, что изъ 165,755 возвратившихся въ 1902 г. русскихъ изъ-за границы имѣются точныя свѣдѣнія только о 121,271 лицѣ, что они въ общемъ провели тамъ почти 10 мил. дней, изъ которыхъ до 4 мил. дней падаетъ на классы привилегированные, т. е. болѣе состоятельные. Расходы принадлежащихъ къ этимъ классамъ лицъ не могли быть ежедневно менѣе 10 руб. въ среднемъ, не считая сдѣланныхъ ими за границей покупокъ, но и это уже составитъ 40 мил. руб.; непривилегированные классы (среди нихъ очень много паломниковъ по святымъ мѣстамъ) не могли издержать такъ много, и, считая для нихъ средній расходъ по 2 р. въ день, получимъ общій итогъ всѣхъ заграничныхъ расходовъ русскихъ по путешествію minimum въ 52 мил. р., а, добавивъ расходъ тѣхъ 44½ тысячъ человѣкъ, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній, но считая его одинаковымъ съ только что приведеннымъ, получимъ всю цифру расхода по крайней мѣрѣ въ 70 мил. р.,—завѣдомо преуменьшенную, такъ какъ заграницей многіе проживаютъ у насъ цѣлыя состоянія, а не огра-

---

[1]) См. нашу книгу „Реформа денежнаго обращенія“, стр. 31 и слѣд.

[2]) „Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1902 г.“ стр. 86—90.

ничиваются средними нормами расхода, да кромѣ того, въ послѣднее время съ развитіемъ хлопководства въ Средней Азіи очень участился отъѣздъ на поклоненіе св. мѣстамъ со стороны магометанскихъ русскихъ подданныхъ, вывозящихъ громадныя суммы денегъ (въ томъ числѣ какъ пожертвованія на національную жел. дорогу къ Меккѣ), исчисляемыя ежегодно не мѣняѣе 10 мил. руб. (а мы для всѣхъ паломниковъ и, вообще, лицъ непривилегированныхъ классовъ приняли цифру только 12 мил. р.). Во всякомъ случаѣ, всѣ эти расходы очень крупный минусъ для нашего разсчетнаго баланса, доходящій, вѣроятно, до 100 мил. руб. ежегодно, при сколько-нибудь точномъ учетѣ и ни въ какомъ случаѣ не понижающійся дальше 70 мил. р. Всѣ эти суммы вывозятся обыкновенно наличными деньгами въ видѣ золота или кредитными билетами, которые затѣмъ присылаются въ Россію для обмѣна. Министерство финансовъ, со времени введенія у насъ золотой валюты, не желая допускать ухода изъ страны золота за границу, предприняло черезъ государственный банкъ постоянныя операціи по покупкѣ и продажѣ иностранной валюты, чтобы регулировать отливъ и приливъ золота по своему желанію, прибѣгая для покрытія своихъ покупокъ, т. е. когда безусловно балансъ склонялся не въ нашу пользу, къ внѣшнимъ займамъ, которые и пришлось непрерывно заключать изъ года въ годъ (не смотря на благопріятное исполненіе нашихъ государственныхъ росписей), въ значительной степени именно для покрытія расходовъ нашихъ путешественниковъ, вывезенные которыми наличные кредитные знаки особенно давили на наши вексельные курсы. Въ 1904 году (уже въ первой его половинѣ) государственный банкъ вынужденъ былъ до 58 мил. руб. издержать изъ своихъ заграничныхъ золотыхъ запасовъ на ликвидацію обязательствъ по покупкѣ иностранной валюты.

Естественно отсюда стремленіе министерства финансовъ къ ограниченію заграничныхъ поѣздокъ. Но до сихъ поръ

всѣ проекты на этотъ счетъ разбивались о сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны нашихъ высшихъ классовъ, издавна привыкшихъ проводить свои досуги за границей, что (довольно забавно) считается у насъ даже признакомъ хорошаго тона. Впрочемъ, западноевропейская культура вообще такъ притягательна, и хотя нѣкоторое пользованіе ея плодами столь заманчиво, что ограниченія по части заграничныхъ поѣздокъ были бы встрѣчены и всѣми классами общества съ большимъ неудовольствіемъ, громадный же экономическій ущербъ для Россіи отъ такихъ поѣздокъ никѣмъ почти не сознается. Хуже всего, что у насъ издавна сложился такой порядокъ вещей, при которомъ, не смотря на чрезвычайную бѣдность массы населенія (не могущую идти даже ни въ какое сравненіе съ относительною зажиточностью другихъ европейскихъ народовъ), у насъ есть очень много отдѣльныхъ богатыхъ лицъ, кромѣ того существуетъ огромный классъ чиновничества, классъ непроизводительный (съ экономической точки зрѣнія), но хорошо оплачиваемый за счетъ классовъ производительныхъ,—вотъ всѣ эти состоятельныя лица выдѣляютъ очень серьезный контингентъ заграничныхъ путешественниковъ, независимо отъ общаго экономическаго положенія Россіи. Число учащихся русскихъ за границей совершенно ничтожно, сравнительно съ числомъ развлекающихся (такихъ учащихся, включая сюда и врачей, и инженеровъ, и архитекторовъ, и всякихъ техниковъ, и вообще всѣхъ лицъ, имѣющихъ спеціальное образованіе, т. е. считая ихъ поѣхавшими за границу для усовершенствованія, не было и 5,000 человѣкъ—въ 1902 г.), такъ что вообще польза отъ безусловной у насъ свободы заграничныхъ поѣздокъ болѣе чѣмъ сомнительна, экономическій же ущербъ для Россіи—внѣ всякаго сомнѣнія. Министры финансовъ Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскій въ свое время выступали съ проектами ограниченія этихъ поѣздокъ путемъ усиленнаго обложенія заграничныхъ паспортовъ, но проекты эти

нѣ прошли [1]), хотя въ проектахъ основательно указывалось, что живущіе за границей русскіе подданные не несутъ никакихъ русскихъ косвенныхъ налоговъ и кромѣ того привозятъ съ собою безпошлинно много заграничныхъ товаровъ и что, слѣдовательно, обложеніе паспортовъ было бы извѣстной компенсаціей для государства въ неполученіи причитающихся ему со своихъ гражданъ налоговъ.

Въ виду тяжелой и длительной войны, сопровождающейся колоссальными жертвами (деньгами и людьми) государства, можно было надѣяться, что громадное большинство обычныхъ русскихъ путешественниковъ предпочтетъ на время этой войны пребываніе въ Россіи и русскіе курорты заграничнымъ. Къ сожалѣнію, эти надежды оправдались въ очень малой степени: отъ поѣздокъ отказались, какъ кажется, тѣ классы, которые по своему малому достатку и не могутъ причинить Россіи большого ущерба своими заграничными поѣздками да и, научившись многому за границей, возмѣщаютъ сполна отечеству и этотъ небольшой ущербъ; богатые же классы, какъ и всегда, переполняютъ заграничные курорты и увеселительныя мѣста, въ самой сильной степени подрывая и безъ того неблагопріятно склоняющійся для насъ разсчетный балансъ. Съ 1 января по 1 октября 1904 г. выѣхало русскихъ заграницу 173.005 человѣкъ противъ 177.767 чел. за тотъ же срокъ въ 1903 г. и 152.628 въ 1902 году. Многіе изъ такихъ туристовъ утѣшаютъ себя тѣмъ, что и въ Россію ѣздитъ очень много иностранцевъ, но забываютъ, что эти иностранцы ѣздятъ не проживать, а наживать деньги въ Россіи. Многіе просто не сознаютъ, какой колоссальный экономическій ущербъ они наносятъ своему отечеству заграничными поѣздками. Но правительству сознать это какъ нельзя болѣе своевременно. *Мы*

---

[1]) Объ этомъ см. въ нашей книгѣ „Русскій государственный кредитъ“, т. II, стр. 518—522.

не стоимъ за постоянное ограниченіе заграничныхъ поѣздокъ, хотя обложеніе ихъ особымъ, даже постояннымъ налогомъ было бы вполнѣ цѣлесообразно. Но въ тяжкое военное время, когда всѣ экономическія силы страны напряжены до послѣдней степени, когда борьба наша грозитъ осложненіями, и даже самый вопросъ побѣды становится въ значительной степени въ зависимости отъ того обстоятельства, кто дольше выдержитъ, чье экономическое положеніе окажется устойчивѣе, нельзя особенно стѣсняться удобствами, удовольствіями и привычками нѣкоторыхъ классовъ населенія: они такъ же, какъ и бѣдные классы, должны чувствовать тяжесть и неудобства войны. Мы считаемъ ограниченіе за граничныхъ поѣздокъ *на время войны* лучшимъ средствомъ улучшить нашъ разсчетный балансъ. Ограниченіе должно быть общее, свобода должна быть предоставлена только для командировокъ по надобностямъ государственнымъ, для командировокъ научныхъ и для цѣлей торгово-промышленныхъ. Проще всего было бы отказать на время войны въ заграничныхъ отпускахъ *всѣмъ чиновникамъ*, какъ классамъ, содержимымъ за счетъ народа, и ничего не производящимъ. Безусловная свобода должна бы быть предоставлена для усовершенствованія въ научныхъ знаніяхъ всѣмъ классамъ, также лицамъ, ведущимъ съ заграницей коммерческія дѣла, наконецъ для литераторовъ и ученыхъ, какъ изучающихъ заграничную жизнь для пользы родины. Во всякомъ случаѣ при этого рода ограниченіяхъ приходится считаться съ произволомъ выдающей заграничные паспорта администраціей. Въ виду же необходимости избѣгать этого произвола, котораго у насъ и безъ того достаточно, вопросъ объ ограниченіяхъ поѣздокъ частныхъ лицъ (не чиновниковъ) приходится оставить открытымъ и можно было бы удовольствоваться хотя бы высокимъ налогомъ на заграничные паспорта. Этотъ налогъ будетъ безконечно справедливѣе всякаго другого налога, вводимаго по случаю войны, особенно такого, который проектированъ

въ видѣ возвышенія продажныхъ цѣнъ на водочныя издѣлія, упадающаго на низшіе и бѣднѣйшіе классы населенія. Однако всякое ограниченіе заграничныхъ поѣздокъ у насъ сочувствія не встрѣтитъ. Предложеніе наше встрѣтило и встрѣтитъ еще (мы не сомнѣваемся) цѣлую бурю негодованія со стороны всѣхъ слоевъ общества. Удивительнѣе всего, что негодуетъ и пишущая братія, ограниченія поѣздокъ которой я, конечно, не предлагаю въ виду того, что много денегъ она вывезти и не въ состояніи, а пользы принесетъ отъ своихъ поучительныхъ поѣздокъ весьма много. Тѣмъ болѣе не могу я рекомендовать ограниченія поѣздокъ съ *цѣлями научными*. Высказываюсь же я категорически противъ увеселительныхъ поѣздокъ нашихъ богатыхъ классовъ. Правда, для абсентизма у насъ много причинъ, и ихъ надо постепенно устранять, чтобы сдѣлать пріятнымъ пребываніе дома и привлечь къ себѣ туристовъ изъ заграницы. Но этого нельзя будетъ достичь сразу. А на время войны слѣдовало бы подумать объ интересахъ русскаго народа, терпящаго огромный экономическій ущербъ отъ растраты его трудовыхъ денегъ по заграничнымъ увеселительнымъ мѣстамъ и курортамъ. Пусть берутся другіе защищать интересы непроизводительныхъ и чиновныхъ классовъ, расточающихъ заграницей народное достояніе, мы предпочитаемъ защищать интересы самаго народа, хотя бы это и шло въ разрѣзъ съ общимъ мнѣніемъ и казалось не достаточно либеральнымъ. Свободу расходованія заграницей народныхъ средствъ надо *заслужить*, это право имѣютъ богатые англичане и американцы, но не русскіе, кругомъ задолженные этой «заграницѣ».

Вообще вопросъ о введеніи новыхъ налоговъ и объ увеличеніи старыхъ по случаю войны поднимать приходится. Нельзя ограничиться одними займами, да и для оплаты новыхъ займовъ надо же изыскивать средства. Мы указывали раньше, чѣмъ говорить о налогахъ, на способы поднятія производительныхъ силъ страны, такъ какъ безъ этого подъема

невозможно думать объ увеличеніи и государственныхъ рессурсовъ. У насъ же часто забываютъ, что налоги берутся изъ народнаго дохода и что главное дѣло не въ той или другой системѣ обложенія (хотя и это имѣетъ, конечно, свое значеніе), а въ увеличеніи дохода населенія, тогда только цѣлесообразно и увеличеніе налоговъ. Каждый разъ, однако, какъ только государство начинаетъ испытывать нужду въ усиленіи своихъ рессурсовъ, подымается у насъ въ печати и въ обществѣ вопросъ о введеніи подоходнаго налога, какъ панацеи всѣхъ нашихъ финансовыхъ бѣдъ. Думаютъ, что государство можетъ отсюда извлечь очень крупныя поступленія. Посмотримъ же, на сколько это справидливо.

X.

Подоходный налогъ впервые (въ Англіи въ 1797 г.) возникъ вслѣдствіе чрезвычайныхъ требованій средствъ на покрытіе военныхъ расходовъ и съ тѣхъ поръ неизмѣнно рекомендуется, какъ спеціальный военный налогъ, повсюду. У насъ онъ былъ примѣненъ въ 1812 г., но далъ правительству такія ничтожныя суммы (не смотря на высокую десятипроцентную норму обложенія), что его пришлось послѣ окончанія войны совершенно отмѣнить. Въ 1879 г. министръ финансовъ С. А. Грейгъ, выслушавъ рядъ лекцій по финансовой наукѣ приглашеннаго съ этой цѣлью спеціалиста, былъ восхищенъ идеей подоходнаго налога и предписалъ было своимъ чиновникамъ изготовить въ самомъ ближайшемъ будущемъ соотвѣтствующій проектъ введенія такого налога и въ Россіи для поправленія разстроенныхъ войною финансовъ нашихъ; но и самъ Грейгъ сошелъ раньше со сцены, чѣмъ этотъ проектъ былъ изготовленъ. Не повезло у насъ подоходному налогу ни при Н. Х. Бунге, который не успѣлъ окончательно подготовить своего проекта, ни при И. А. Вышнеградскомъ, который, напротивъ (наканунѣ, впрочемъ, ухода изъ министерства), проектъ изготовилъ, но не успѣлъ его провести. С. Ю. Витте окончательно отказался отъ мысли о введеніи у насъ подоходнаго налога, считая нашъ общественный строй совершенно неподготовленнымъ ко введенію столь сложнаго преобразованія и замѣнилъ подоходный налогъ—поквартирнымъ, а затѣмъ реформировалъ промысловый налогъ приблизительно по типу подоходнаго. Нынѣшній министръ финансовъ также высказывался (въ комиссіи о нуж-

дахъ центра) противъ возможности введенія у насъ подоходнаго налога. Тѣмъ не менѣе, въ печати постоянно появляются извѣстія, что теперь, по случаю войны, налогъ, наконецъ, будетъ введенъ, и проектъ его разрабатывается въ министерствѣ финансовъ. Въ общемъ, слухъ этотъ печатью встрѣченъ былъ очень сочувственно, и сейчасъ-же заговорили о возможности съ помощью подоходнаго налога извлекать по крайней мѣрѣ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей ежегодно, другіе опредѣляли эту цифру и въ 200 милліоновъ руб.

Конечно, мы ничего не будемъ здѣсь возражать противъ желательности введенія у насъ принцина обложенія на началахъ исчисленія чистаго дохода плательщиковъ вообще, ни противъ введенія общеподоходнаго налога, какъ дополнительнаго (на крупныя состоянія и доходы) къ уже существующей системѣ прямыхъ и косвенныхъ доходовъ. Но мы отнюдь не раздѣляемъ тѣхъ оптимистическихъ ожиданій, которыя связаны у насъ съ мыслью о введеніи подоходнаго налога. Мы думаемъ, что поступленіе отъ этого налога будетъ совершенно ничтожно, особенно на первое время, и собственно на войну этотъ налогъ дастъ очень немного. Прежде всего не надо забывать, что и въ государствахъ, гораздо болѣе богатыхъ, чѣмъ Россія,—гдѣ налогъ подоходный уже давно существуетъ,—гдѣ къ нему населеніе привыкло и, при своей большей культурности и сознаніи общности интересовъ частныхъ и государственныхъ, болѣе или менѣе правильно показываетъ и опредѣляетъ свои доходы,—никакихъ особенно крупныхъ поступленій этотъ налогъ не даетъ. Такъ, въ богатой Пруссіи всѣ поступленія отъ прямыхъ прямыхъ налоговъ даютъ всего около 100 мил. р., изъ нихъ собственно отъ подоходнаго—до 75—80 мил. р., а въ Англіи сумма подоходнаго налога хотя и превышаетъ 300 мил. руб., но, во-первыхъ, благодаря очень высокой нормѣ обложенія, доходящей почти до 6% (14 пенсовъ съ фунта стер. дохода),

а во-вторыхъ, тамъ подобная норма допущена единственно вслѣдствіе того, что никакихъ другихъ прямыхъ налоговъ, кромѣ подоходнаго и подомоваго (довольно умѣреннаго) нѣтъ вовсе, тогда какъ у насъ прямые налоги даютъ свыше 135 мил. руб., хотя подоходнаго налога и нѣтъ, т. е. гораздо больше, чѣмъ въ Пруссіи (вмѣстѣ съ подоходнымъ налогомъ). Если бы мы вздумали принять англійскую систему, то намъ прежде всего пришлось бы отказаться отъ всѣхъ существующихъ у насъ прямыхъ налоговъ (т. е. отъ поземельнаго, подомоваго, квартирнаго, промысловаго, съ денежныхъ капиталовъ, съ жалованья чиновникамъ, двухпроцентный вычетъ изъ котораго даетъ государству до 10 мил. руб., хотя они и не проводятся въ бюджетѣ), иначе населенію, въ общемъ несущему у насъ гораздо большія податныя тягости, чѣмъ, напримѣръ, въ Англіи, Франціи или Германіи, неоткуда будетъ взять средства для новыхъ платежей.

Обращаясь къ отдѣльнымъ источникамъ доходовъ, видимъ, что хотя поземельный налогъ, т. е. налогъ на доходы собственниковъ земли, у насъ и не очень великъ но въ массѣ опъ не незначителенъ, такъ какъ земля платитъ государственные, земскіе губернскіе, земскіе уѣздные и сословные сборы. Значительнѣйшая часть земли принадлежитъ у насъ крестьянамъ, одни мірскіе сборы съ которыхъ столь велики, что не можетъ быть и рѣчи о повышеніи еще и государственнаго ихъ обложенія. (Въ среднемъ съ десятины крестьянской земли числилось къ 1900 году свыше 1 руб. 50 коп. окладныхъ платежей, да въ недоимкѣ состояло по 1 руб. 30 коп. на десятину). Земли частновладѣльческія (въ томъ числѣ и крестьянскія) несутъ на себѣ еще огромные ипотечные долги, которые надо принять во вниманіе при исчисленіи доходовъ отъ земель, такъ какъ ссудный капиталъ у насъ подлежитъ очень крупному налогу (5%-ый налогъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ).

На земляхъ лежитъ еще спеціальная дорожная повинность. Наконецъ, высокіе тарифы на перевозку сельскохозяйственныхъ продуктовъ даютъ государству главный доходъ для желѣзныхъ дорогъ, тарифы же эти цѣликомъ ложатся именно на производителей, понижая цѣны на сказанные продукты. Сельское хозяйство наше (фактъ общепризнанный) находится далеко не въ благопріятномъ положеніи, давно уже вся Россія говоритъ о сельскохозяйственномъ кризисѣ, и если, напримѣръ, растутъ цѣны на землю, то здѣсь большую роль играетъ спекуляція, а вовсе не растущая доходность земли, а главное—возростаніе крестьянскаго населенія, которому негдѣ примѣнить своего труда, и является необходимымъ платить не за землю, а за самое право примѣненія къ ней этого труда. Отсюда и ростъ арендныхъ цѣнъ, отражающійся на цѣнахъ продажныхъ. Земельный налогъ признанъ былъ настолько обременительнымъ у насъ, что по Высочайшему манифесту 14 мая 1896 г. онъ былъ пониженъ на половину срокомъ на 10 лѣтъ, такъ что о повышеніи его до 1906 г. не можетъ быть, собственно говоря, и рѣчи, хотя бы это повышеніе маскировалось введеніемъ подоходнаго налога (къ 1900 году всѣхъ государственныхъ, земскихъ и сословныхъ сборовъ на десятину приходилось въ среднемъ по 20 коп., да въ недоимкѣ состояло по 12 коп.). Самое-же главное,—при отсутствіи у насъ поземельнаго кадастра, совершенно невозможно опредѣленіе чистаго (да и валового) дохода, приносимаго землею. Добавьте къ этому безпорядочность веденія у насъ частновладѣльческихъ экономій, когда сами собственники не знаютъ толкомъ своего дѣйствительнаго дохода отъ земли,—зависимость именно у насъ, болѣе чѣмъ гдѣ-бы то ни было, урожая отъ метеорологическихъ условій, совершенную необезпеченность арендныхъ договоровъ (въ виду малой состоятельности нашихъ арендаторовъ-крестьянъ), и будетъ совершенно ясно, что учесть самый важный изъ всѣхъ нашихъ доходовъ—доходъ

отъ земли, не только для цѣлей подоходнаго обложенія, но хотя-бы спеціальнаго поземельнаго (по средней доходности), въ высшей степени затруднительно, сопряжено съ очень большими расходами и хлопотами. Англія, гдѣ вся земля находится въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ, сдающихъ ее въ аренду фермерамъ-капиталистамъ, и гдѣ, слѣдовательно, доходъ владѣльца совершенно очевиденъ, не можетъ служить для насъ примѣромъ, не можетъ служить примѣромъ и Пруссія, гдѣ очень хорошій поземельный кадастръ проведенъ уже давно, и есть, слѣдовательно, прекрасный коррективъ къ показаніямъ земельныхъ собственниковъ о своихъ доходахъ, не говоря уже о томъ, что сельское хозяйство во всѣхъ странахъ Западной Европы ведется на промышленныхъ капиталистическихъ началахъ, и что поэтому его доходность не въ такой степени, какъ у насъ, зависитъ отъ количества и времени дождевыхъ осадковъ.

Еще менѣе можно у насъ надѣяться на извлеченіе крупнаго дохода отъ увеличенія обложенія подомоваго. Городская жизнь у насъ несравненно меньше распространена, нежели на Западѣ, крупныхъ и богатыхъ городовъ очень мало, и вслѣдствіе своей бѣдности города у насъ далеко не даютъ тѣхъ культурныхъ удобствъ, которыя составляютъ неизмѣнную принадлежность западноевропейскихъ городовъ. Между тѣмъ, обложеніе домовъ у насъ чрезвычайно высоко (почти вдвое выше, чѣмъ во Франціи, втрое противъ Германіи, въ полтора раза противъ Англіи) въ виду того, что дома платятъ у насъ четыре налога (не считая сословныхъ сборовъ): государственный, городской, земскій губернскій и земскій уѣздный, а налоговыя ставки очень велики, составляя 10 проц. чистаго дохода въ пользу городского общественнаго управленія и до 15 проц. въ пользу государства и земствъ (послѣдній налогъ—раскладочный, но раскладка производится приблизительно въ такомъ отношеніи, что государственный и земскій сборы въ полтора раза превы-

шаютъ городской). Кромѣ того, въ столицахъ на домовладѣльцахъ лежитъ повинность по сооруженію и ремонтированію мостовыхъ передъ ихъ домами и содержаніе полицейской службы (младшихъ дворниковъ) для дежурствъ на улицахъ, отнюдь не нужнаго для самихъ домовладѣльцевъ или ихъ квартирантовъ, далѣе—по освѣщенію фонарей на улицѣ, указывающихъ номераціи домовъ, по освѣщенію дворовъ и лѣстницъ (въ томъ числѣ черныхъ), чего нѣтъ нигдѣ въ Западной Европѣ. Повсемѣстно же (а не въ однѣхъ столицахъ) лежитъ на домовладѣльцахъ устройство тротуаровъ, очистка мостовыхъ, веденіе домовыхъ книгъ (гдѣ введено положеніе объ усиленной охранѣ, а таковое введено во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ) и фактическое участіе въ содержаніи полиціи, штаты низшихъ чиновъ которой по закону невозможно низки. Совокупность всѣхъ этихъ лежащихъ на домовладѣльцахъ повинностей (добавьте къ этому постоянную угрозу налагаемаго по произволу администраціи штрафа за нарушеніе нѣкоторыхъ обязательныхъ постановленій) очень велика, что влечетъ за собою чрезвычайную дороговизну квартиръ, на которую жалуются совершенно основательно. Въ то же время цѣлый рядъ такихъ крупныхъ и богатыхъ городовъ, какъ, напр., Одесса, Кіевъ, Ростовъ, Екатеринославъ, переживаютъ тяжелый «домовладѣльческій» кризисъ, вызванный усиленнымъ домостроительствомъ, оказавшимся убыточнымъ вслѣдствіе необходимости понизить плату на квартиры, что невозможно по причинѣ слишкомъ высокаго обложенія. Конечно, въ Австріи или Италіи подомовое обложеніе еще выше, чѣмъ у насъ, но, съ одной стороны тамъ, развита гораздо болѣе городская жизнь, и населеніе, въ общемъ, зажиточнѣе нашего, а съ другой—собственники домовъ тамъ заурядъ (при кризисахъ) покидаютъ ихъ на произволъ судьбы, такъ какъ платить налоги не изъ чего (въ Римѣ такъ были брошены въ свое время цѣлые кварталы). Конечно, при взиманіи съ до-

мовъ налога сообразно дѣйствительному чистому ихъ доходу, а не по предположенному (какъ у насъ, да и всюду, кромѣ Англіи) среднему доходу, подобныя явленія будутъ невозможны, но тогда необходимъ учетъ расхода по ипотечнымъ долгамъ, лежащимъ на домахъ, а въ этомъ случаѣ полученная сумма дохода будетъ очень не велика. Какъ мало можно получить у насъ при обложеніи городского населенія на основаніи платы за занимаемыя имъ помѣщенія, доказалъ поквартирный налогъ, суммы котораго, исчисленныя первоначально даже въ самой скромной цыфрѣ, оказались на самомъ дѣлѣ еще меньше (3 милл. руб. вмѣсто предположенныхъ 6 милл. руб. первое время, а теперь, черезъ 10 лѣтъ по введеніи—не болѣе 5 милл. руб. валовыхъ, не считая расходовъ взиманія и возложенія новой безплатной работы на городскія управленія и на домовладѣльцевъ),— и это не смотря на полный произволъ податной администраціи, которая часто опредѣляетъ цѣны квартиръ по собственному усмотрѣнію вопреки показаніямъ домовладѣльцевъ и квартирантовъ (и вопреки дѣйствительной стоимости квартиръ). Дополнительный къ подомовому (по средней доходности) подоходный налогъ съ домовъ наврядъ ли дастъ болѣе, чѣмъ даетъ налогъ квартирный, и отразится опять на квартирной платѣ.

Наибольшую сумму поступленій даетъ (изъ прямыхъ нашихъ налоговъ) налогъ промысловый (до 68 милл. руб.), но не потому, чтобы промыслы и торговля были у насъ особенно развиты, а вслѣдствіе какъ высоты налога (превышающаго въ извѣстныхъ случаяхъ 6 проц. съ чистаго дохода), такъ и сравнительно удачныхъ способовъ исчисленія дохода этого рода предпріятій. Какъ извѣстно, нашъ промысловый налогъ (по закону 8 іюня 1898 года), при всѣхъ своихъ недостаткахъ, построенъ на правильномъ принципѣ обложенія по возможности сообразно чистому доходу предпріятія со введеніемъ въ налоговыя ставки прогрессіи. Кромѣ того и

личныя промысловыя занятія привлечены у насъ также къ обложенію. Отсюда ясно, что собственно подоходному налогу здѣсь дѣлать нечего, такъ какъ промысловый налогъ у насъ взимается именно по принципу исчисленія каждый годъ дѣйствительнаго чистаго дохода. Правда, въ Пруссіи существуетъ и спеціальный промысловый налогъ, взимаемый по чистому доходу предпріятія, и подоходный—также съ чистаго дохода предпріятія, но первый совершенно ничтоженъ, доходя даже для самыхъ крупныхъ предпріятій (съ доходомъ не ниже 50,000 марокъ), только до 1 проц. съ чистой прибыли, и, кромѣ того, всѣ спеціальные прямые налоги въ Пруссіи (въ томъ числѣ и промысловый) поступаютъ въ пользу органовъ мѣстнаго самоуправленія, а не въ пользу государства, какъ у насъ. Положеніе о промысловомъ налогѣ у насъ теперь пересматривается именно съ цѣлью увеличенія государственнаго дохода.

Существуетъ у насъ и спеціальный подоходный налогъ съ денежныхъ капиталовъ (котораго нѣтъ ни въ Англіи, ни въ Пруссіи, какъ спеціальнаго), при томъ въ очень высокомъ размѣрѣ (5 проц., тогда какъ въ Пруссіи подоходный налогъ съ самымъ крупныхъ доходовъ ре превышаетъ 4 проц.), но и здѣсь поступленіе, въ общемъ, не велико (до 18 милл. руб. ежегодно,) такъ какъ не велико количество денежныхъ капиталовъ (въ процентныхъ и дивидендныхъ бумагахъ и въ банковыхъ вкладахъ), а многіе изъ государственныхъ займовъ по самому условію имъ выпуска освобождены навсегда отъ всѣхъ русскихъ налоговъ (въ томъ числѣ, слѣдовательно, и отъ подоходнаго, и напрасно нѣкоторые думаютъ, что общеподоходному обложенію можно подвергнуть и эти послѣдніе займы,—можно, конечно, все сдѣлать, но это уже будетъ нарушеніемъ обязательствъ, принятыхъ на себя государствомъ, и непремѣнно отразится на государственномъ кредитѣ). Введеніе общеподоходнаго налога равносильно было бы увеличенію спеціальнаго налога на доходъ отъ де-

нежныхъ капиталовъ и способствовало бы еще большему паденію курса бумагъ и повышенію ссуднаго процента въ странѣ, и безъ того уже весьма высокаго по случаю войны.

Есть у насъ и налогъ на жалованье лицъ, состоящихъ на государственной службѣ (въ видѣ 2% вычета въ несуществующій пенсіонный капиталъ). Почти всѣ служащіе на время войны установили добровольно и добавочный налогъ на свое жалованіе—спеціально для военныхъ нуждъ, въ среднемъ въ 2% такъ что весь налогъ теперь уже составляетъ 4 процента—высшую норму прусскаго подоходнаго обложенія.

Остаются, такимъ образомъ, лишь доходы лицъ свободныхъ профессій (доходы служащихъ въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ обложены налогомъ промысловымъ), которые еще у насъ не обложены. Но доходы эти, конечно, въ суммѣ совершенно ничтожны и трудноуловимы, а кромѣ того, у насъ существуетъ квартирный налогъ, который былъ введенъ именно, какъ суррогатъ налога подоходнаго въ предположеніи, что квартирная плата соразмѣряется съ доходомъ квартиронанимателя, лица же свободныхъ профессій въ большинствѣ случаевъ (авдокаты, врачи, художники, артисты, если послѣдніе даютъ уроки и т. д.) вынуждены занимать квартиру сообразно требованіямъ этихъ профессій, а не своимъ личнымъ надобностямъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ подоходный налогъ, государственнаго квартирнаго налога—нѣтъ.

Итакъ всѣ источники доходовъ у насъ уже подлежатъ прямому обложенію и при томъ сравнительно очень высокому. Общеподоходный налогъ прибавитъ новую тяготу къ уже существующей, но государству многаго не дастъ. Ссылаемся на примѣръ Австріи, гдѣ общеподоходный налогъ (съ довольно высокими ставками), при существованіи крупнаго спеціальнаго прямого обложенія, даетъ всего въ среднемъ около 20 милл. руб. Откуда же вдругъ мы возьмемъ 200 милл.

руб.? Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что мы вовсе должны отказаться отъ введенія подоходнаго налога. Напротивъ, такой налогъ, какъ наиболѣе справедливый и дозволяющій провести въ жизнь наиболѣе раціональные податные принципы, очень желателенъ, но не въ видѣ простого дополненія къ уже существующей, весьма несовершенной системѣ прямого нашего обложенія, а въ связи съ общей реформой нашихъ прямыхъ налоговъ, въ которой мы уже давно нуждаемся. Для всякой реформы, конечно, нужно время, и многіе будутъ возражать, что въ минуту тяжкой и опасной борьбы не до внутреннихъ реформъ, которыя поэтому слѣдуетъ отложить. Мы думаемъ однако, что финансовыя реформы могутъ быть совершенно свободно производимы и въ военное время, скажемъ болѣе—многія финансовыя реформы обязаны именно военнымъ обстоятельствамъ. Реформа прямыхъ налоговъ—по преимуществу техническаго характера и (поскольку она не требуетъ большихъ расходовъ, напримѣръ, на производство правильнаго поземельнаго кадастра)—не вызываетъ особаго отвлеченія рессурсовъ страны отъ другихъ назначеній, и чинамъ министерства финансовъ очень не мѣшало бы заняться этой реформой. Она должна быть проведена на началахъ передачи въ распоряженіе органовъ мѣстнаго самоуправленія поземельнаго, подомоваго и промысловаго налоговъ, съ соотвѣтствующимъ ихъ уменьшеніемъ и съ предоставленіемъ земствамъ права упрощенной кадастраціи облагаемыхъ земель (поземельный налогъ на крестьянскія земли слѣдовало бы упразднить, такъ какъ эти послѣднія несутъ огромные мірскіе сборы, которымъ земли другихъ сословій не подлежатъ, впредь до введенія мелкой земской единицы, при которой частновладѣльческія земли подлежали бы налогу на равнѣ съ крестьянскими). Это дало бы новыя средства мѣстнымъ органамъ справиться съ возложенными на нихъ культурными задачами и съ расходами по содержанію семействъ лицъ, призванныхъ подъ знамена по случаю войны (теперь на это средствъ положительно не хватаетъ).

Государство же должно ввести въ своихъ интересахъ *общеподоходный* налогъ, съ освобожденіемъ отъ него всѣхъ мелкихъ доходовъ (напр. до 1,000 р.), съ очень низкими нормами $^1/_4$—2% обложенія для доходовъ среднихъ (1,000—10,000 р.) и съ достаточно высокими (до 10 проц.) для доходовъ крупныхъ (по дегрессивной скалѣ). Въ основу исчисленія чистаго дохода должна быть поставлена декларація плательщиковъ, повѣряемая различными способами, но непремѣнно при участіи выборныхъ отъ самихъ плательщиковъ, а не одними податными чинами по ихъ произволу. Обжалованіе необходимо допустить въ особыя судебныя присутствія, а не въ казенныя палаты и департаментъ окладныхъ сборовъ, какъ это практикуется теперь для всѣхъ прямыхъ налоговъ. Въ общемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, могъ бы быть принятъ тотъ проектъ, который былъ разработанъ въ министерство И. А. Вышнеградскаго. Но надо помнить, что пониженіе существующихъ прямыхъ налоговъ (кромѣ налога на доходъ съ денежныхъ капиталовъ и на жалованье чиновниковъ) и передача ихъ въ распоряженіе мѣстныхъ органовъ—непремѣнное условіе введенія подоходнаго налога. Многаго, конечно, получить будетъ нельзя (сверхъ теперь получаемаго поступленія отъ прямыхъ налоговъ), но и небольшая сумма (милліоновъ 10—20 рублей) будетъ нелишней для оплаты военныхъ займовъ, да и улучшеніе въ системѣ обложенія кое-что значитъ. Квартирный налогъ, конечно, придется упразднить.

Главную же реформу въ области прямого обложенія по случаю военнаго времени необходимо провести относительно наслѣдственнаго налога и налога на переходъ недвижимыхъ имуществъ между живыми. И тотъ и другой налоги у насъ существуютъ, но поступленіе отъ нихъ ничтожно (до 24 мил. руб., тогда какъ въ Англіи одинъ наслѣдственный налогъ даетъ до 130 мил. р., а во Франціи оба налога свыше 200 мил. руб.). Этому не слѣдуетъ удивляться, такъ какъ у насъ налогъ на наслѣдства не сообразуется съ ихъ величи-

ной и берется въ размѣрѣ, измѣняющемся только въ зависимости отъ степени родства наслѣдника съ наслѣдователемъ (высшій размѣръ налога—8 проц., низшій—1 проц., тогда какъ во Франціи, напр. до 20 проц.), а переходящія по прямой линіи земельныя имущества потомственныхъ дворянъ и вовсе свободны отъ налога. Такой порядокъ совершенно ненормаленъ, налогъ необходимо взимать въ разномъ размѣрѣ въ зависимости отъ размѣра наслѣдства (1—10 проц. съ его суммы за вычетомъ ипотечныхъ и иныхъ лежащихъ на немъ долговъ) и отъ степени родства наслѣдника съ наслѣдователемъ, при чемъ наслѣдованіе по закону дальше восьмой степени слѣдовало бы совершенно упразднить, чѣмъ положить предѣлъ недостойной спекуляціи по отыскиванію правопреемниковъ къ наслѣдствамъ, оставленнымъ лицами, не имѣющими близкихъ родственниковъ. Наслѣдственный налогъ вообще справедливъ тѣмъ, что съ его помощью государство можетъ обложить незаслуженное приращеніе имущественной цѣнности, происходящее вслѣдствіе благопріятно сложившихся для собственника обстоятельствъ (ростъ цѣны недвижимаго имущества вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ, роста населенія, промышленнаго развитія данной мѣстности и т. д.). Здѣсь возможно и обложеніе такъ называемой земельной ренты. Налогъ этотъ непереложимъ, взиманіе его просто и обходится государству очень дешево, такъ какъ производится при укрѣпленіи правъ на наслѣдство спеціально назначенными для этого органами, которые за услуги свои взимаютъ (кромѣ налога) особую пошлину, сполна оплачивающую ихъ содержаніе государствомъ. Реформа этого налога ничего не будетъ стоить и увеличеніе государственныхъ доходовъ возможно здѣсь немедленно. Обложеніе крупныхъ наслѣдствъ особенно высокимъ налогомъ сравнительно съ мелкими и средними вполнѣ оправдывается тѣми же соображеніями, какъ и всякое прогрессивное обложеніе: большей капиталообразующей силой крупнаго капитала и возможностью

для его собственника свободнаго расходованія своихъ средствъ помимо удовлетворенія необходимыхъ потребностей.

Еще болѣе нуждается въ реформѣ налогъ на переходъ недвижимыхъ имуществъ путемъ продажи. Этотъ налогъ (не считая еще пошлины, платимой государству за услуги по укрѣпленію продаваемыхъ имѣній) у насъ очень великъ и равенъ независимо отъ величины сдѣлки—4% съ покупной цѣны. Вообще противъ цѣлесообразности этого налога возразить нечего, такъ какъ онъ падаетъ (подобно наслѣдственному) на приращеніе цѣнности имущества, происшедшее вслѣдствіе благопріятной конъюнктуры (вообще всякое недвижимое имущество съ теченіемъ времени увеличивается въ цѣнѣ, и это увеличеніе государству всего проще учесть въ свою пользу именно налогомъ на переходъ имуществъ), но опять-таки необходимо различать величину сдѣлки и сообразно съ нею варьировать размѣръ налога, а затѣмъ необходимо обратить также вниманіе на все болѣе и болѣе развивающіяся спекулятивныя покупки и продажи недвижимыхъ имуществъ. Поэтому слѣдуетъ признать 4%-ный налогъ для небольшихъ имуществъ чрезвычайно большимъ и установить его въ размѣрѣ 1—6% въ зависимости отъ величины сдѣлки (не считая, конечно, пошлины), при чемъ этотъ размѣръ взимать только съ имуществъ, продаваемыхъ собственникомъ не ранѣе, напр., пяти лѣтъ со времени пріобрѣтенія имъ своего имущества. Всякую же продажу до истеченія сказанныхъ пяти лѣтъ, если она совершается по цѣнѣ выше пріобрѣтенной, необходимо считать спекулятивной и, установивъ одинаковый процентъ налога (въ зависимости отъ величины сдѣлки) съ налогомъ на неспекулятивныя покупки, *сверхъ того* взимать съ избытка продажной цѣны надъ покупной извѣстный процентъ (въ размѣрѣ отъ одного до двадцати, напр.) въ зависимости отъ величины этого избытка. Въ справедливости подобнаго налога навряд-ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе. Въ нѣко-

торыхъ государствахъ введено даже уголовное взысканіе для спекулирующихъ земельной собственностью; послѣднее нелѣпо, но нельзя отрицать, что спекуляція недвижимой собственностью есть не малое зло, такъ какъ эта спекуляція отвлекаетъ капиталы отъ промышленныхъ предпріятій, поощряетъ и безъ того развитое у насъ барышничество вмѣсто правильнаго извлеченія коммерческаго процента на капиталъ, а съ другой стороны удорожается очень сильно стоимость пріобрѣтенія недвижимаго имущества (что для пріобрѣтателей земли особенно важно) тѣми лицами, которыя имѣютъ въ виду ихъ эксплоатировать, а не спекулировать ихъ продажей. Никакого произвола при той системѣ, которую мы предлагаемъ, быть не можетъ, такъ какъ мы беремъ въ основаніе обложенія чисто объективные признаки. Утайки въ цѣнѣ продаваемыхъ имуществъ (встрѣчающіяся и теперь), конечно, будутъ, но для устраненія ихъ придется принять нѣкоторыя мѣры (пересмотръ закона о куплѣ-продажѣ недвижимыхъ имуществъ, лишеніе права включенія въ договоры о запродажѣ недвижимости условія уплаты неустойки въ случаѣ отказа продавца совершить купчую, независимо отъ его обязанности возвратить задатокъ въ двойномъ размѣрѣ, воспрещеніе выдачи купчей продавцу, а не покупателю,—обычный способъ уклониться отъ уплаты налога на переходъ и т. д.). Да и вообще, возможность уклоненія отъ налога не есть возраженіе противъ его введенія: уклоненія возможны и неизбѣжны при всякомъ налогѣ, при всякой податной системѣ.

Въ виду легкости и простоты взиманія налога на переходъ недвижимыхъ имуществъ и несомнѣннаго повышенія этого налога при проектируемой нами реформѣ, можно ожидать довольно значительнаго отъ нея приращенія государственныхъ доходовъ по крайней мѣрѣ, въ полтора раза противъ нынѣшняго, т. е. въ суммѣ около 12 милліоновъ рублей на первое время. Впослѣдствіи поступленіе это должно еще болѣе возрасти. Такимъ образомъ путемъ преобразова-

нія нашей системы прямого обложенія, отъ введенія подоходнаго и реформы имущественнаго налога, можно ожидать увеличенія государственныхъ доходовъ на сумму, по крайней мѣрѣ, 25—30 милліоновъ рублей ежегодно, что было бы достаточно для оплаты внутреннихъ военныхъ займовъ на сумму до 500—600 милліоновъ рублей, безъ всякаго обремененія бѣдныхъ классовъ населенія и не задѣвая нисколько производительныхъ силъ страны.

Было бы желательно и введеніе особаго биржевого налога (въ цѣляхъ привлеченія къ обложенію спекулятивныхъ доходовъ на фондовыхъ и товарныхъ сдѣлкахъ биржевыхъ дѣльцовъ), но это налогъ—уже гораздо болѣе сложный и по незначительности нашихъ биржевыхъ оборотовъ много не обѣщающій (извѣстный гербовый налогъ на биржевыя сдѣлки, кромѣ того, у насъ уже есть). Но съ увеличеніемъ косвеннаго обложенія (къ чему такъ склонно всегда финансовое вѣдомство) нужно быть особенно осторожнымъ вслѣдствіе большихъ его у насъ размѣровъ, хотя и здѣсь кое-что сдѣлать не только можно, но и настоятельно необходимо.

XI.

Наши финансы, какъ и финансы всѣхъ другихъ государствъ, построены, главнымъ образомъ, на обложеніи широко распространенныхъ предметовъ потребленія или на такъ называемыхъ—косвенныхъ налогахъ. Въ 1904—1905 г.г. у насъ отъ этихъ налоговъ (включая казенную винную монополію) предполагалось къ поступленію до 925—946 мил. р. противъ 135—139 мил. руб. поступленія отъ прямыхъ налоговъ и 103½—105 мил. р. отъ пошлинъ. Главную роль у насъ играетъ налогъ на спиртные напитки, важнѣйшая часть котораго взимается въ видѣ казенной продажи питей. Этотъ налогъ всегда служилъ у насъ излюбленнымъ средствомъ для повышенія государственныхъ доходовъ и, постепенно, съ 4 коп. за градусъ дошелъ до 11 коп. (послѣдняя копейка была набавлена по случаю китайской войны 1900 г., въ видѣ временной мѣры, да такъ и осталась до сихъ поръ безъ отмѣны). О повышеніи акциза на спиртъ заговорили сейчасъ же и теперь, едва вспыхнула война. Со введеніемъ казенной продажи питей, естественно, акцизъ отошелъ на задній планъ,—и все дѣло въ цѣнахъ на спиртъ, опредѣляемыхъ министерствомъ финансовъ (съ утвержденія госуд. совѣта), въ которыя входитъ и самый налогъ. Цѣны же эти по случаю введенія винной монополіи настолько были повышены, что это равнялось почти введенію полуторнаго акциза сравнительно съ бывшимъ до монополіи, но безъ сколько-нибудь значительнаго увеличенія чистаго государственнаго дохода, потому что расходы монополіи чрезвычайно велики какъ и всякаго казеннаго предпріятія. Мы не будемъ здѣсь

останавливаться на достоинствахъ и недостаткахъ нашей питейной реформы. Въ общемъ, она надеждъ не оправдала. Чистый доходъ оказался гораздо меньше предполагаемаго, хотя потребленіе спиртныхъ напитковъ населеніемъ скорѣе возросло, чѣмъ сократилось. Для поднятія доходности монополіи министерству финансовъ пришлось отказаться отъ своей первоначальной мысли—принять мѣры къ уменьшенію народнаго пьянства: въ закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ сельскимъ обществамъ стали отказывать, усилили коммиссіонную продажу питей, самыя лавки расположили въ центрахъ скопленія рабочаго населенія, а въ городахъ—на лучшихъ и центральныхъ улицахъ, возложивъ охрану порядка въ нихъ (отъ пьяныхъ) на городскихъ полицейскихъ чиновъ, отвлеченныхъ, поэтому, отъ ихъ прямыхъ обязанностей, и т. д. На содержаніе огромнаго штата чиновниковъ приходится тратить весьма значительныя суммы, которыя при существованіи акцизной системы можно было бы употребить на народное образованіе (народъ, повторяемъ, платитъ почти полуторныя цѣны за спиртные напитки сравнительно съ прежнимъ, домонопольнымъ временемъ). Главное достоинство монополіи—въ улучшеніи (очень серьезномъ) качества отпускаемыхъ въ продажу напитковъ (что очень важно для народнаго здоровья) и въ устраненіи значительнаго элемента лицъ, занимавшихся эксплоатаціей крестьянскаго населенія путемъ его спаиванія, отъ питейнаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что повышеніе продажныхъ цѣнъ на водку по случаю настоящей войны (проектируется повышеніе цѣнъ на ведро водки съ 7 р. 60 к. до 8 р. и съ 11 р. до 12 р. для высшихъ сортовъ)—совершенно нецѣлесообразная мѣра и многаго не дастъ казнѣ въ виду чрезвычайнаго напряженія платежныхъ силъ нашего крестьянскаго населенія, на которое по преимуществу падаетъ питейный налогъ. (Противъ поступленія 1903 г. въ 1904 г. наблюдалось уже значительное уменьшеніе дохода

по казенной продажѣ питей, а на 1905 г. этотъ доходъ исчисленъ въ суммѣ на 30 мил. руб. меньшей противъ поступленія 1903 года).

Но и въ сферѣ нашего питейнаго обложенія возможны такія преобразованія, которыя могли бы дать крупный доходъ казнѣ и способствовать развитію нашей сельскохозяйственной промышленности. Мы уже не говоримъ о возможности сокращенія расходовъ казенной продажи питей путемъ нѣкоторыхъ улучшеній въ самой постановкѣ дѣла. Важно *расширеніе* самого предпріятія, что само собою и *удешевитъ* его относительную стоимость. Винная монополія ввела у насъ нормировку спиртового производства, сокративъ таковое и почти совершенно упразднивъ бывшій ранѣе довольно значительнымъ вывозъ нашего спирта за границу. Между тѣмъ, производство спирта—очень важная отрасль сельскаго хозяйства, дающая возможность ввести въ сѣвооборотъ корнеплоды и предоставляющая хозяевамъ отличное кормовое средство для скота (барду), а слѣдовательно,—и удобреніе. Теперь, однако, при сокращеніи производства и его нормированіи не можетъ быть рѣчи о широкомъ распространеніи сельско-хозяйственнаго винокуренія. Народъ не можетъ пить безъ конца, да и не въ состояніи вынести огромный налогъ на питія, если увеличитъ свое потребленіе. Кромѣ того, расширеніе потребленія спирта, какъ напитка, ни съ какой стороны не представляется желательнымъ, важно распространеніе его, какъ *освѣтительнаго матеріала* или матеріала для отопленія. Денатурированный съ этой цѣлью спиртъ получилъ уже въ Германіи, а затѣмъ Франціи и Австріи, довольно широкое примѣненіе и распространеніе, у насъ же вопросъ объ этомъ поднятъ только недавно (хотя законъ о предоставленіи министру финансовъ права выпуска денатурированнаго спирта существуетъ уже года три), и денатурированный спиртъ появился въ продажѣ лишь въ прошломъ году, при чемъ пріобрѣтеніе

его допускается только съ разрѣшенія (выдаваемаго особо на каждый случай отдѣльнымъ лицамъ) акцизнаго управленія (сперва даже самого министра финансовъ). Такое ограниченіе вызвано опасеніями, что при свободномъ обращеніи денатурированнаго спирта возможно будетъ его денатурированье, и что низшіе классы населенія будутъ потреблять, какъ напитокъ, даже денатурированный спиртъ. Мы думаемъ, что эти опасенія сильно преувеличены, да и не могутъ служить основаніемъ къ ограниченію столь важной отрасли сельскаго хозяйства, какъ винокуреніе. *Необходимо разрѣшить продажу денатурированнаго спирта совершенно безъ всякихъ формальностей.* Пусть лучше будутъ нѣкоторыя злоупотребленія,—они съ избыткомъ возмѣстятся той громадной пользой, которая получится отъ выпуска въ свободное обращеніе новаго дешеваго и великолѣпнаго горючаго матеріала, близкаго и доступнаго поэтому населенію, которое, кромѣ того, получитъ крупный заработокъ при производствѣ самого спирта. Казна, сосредоточивая въ своихъ рукахъ торговлю спиртомъ, могла бы принимать на себя за извѣстное вознагражденіе денатурированіе спирта и его продажу по опредѣленной цѣнѣ въ своихъ винныхъ лавкахъ. Это вознагражденіе могло бы составить весьма крупную сумму съ распространеніемъ денатурированнаго спирта. Могла бы казна и просто пріобрѣтать весь производимый спиртъ и продавать по однообразной цѣнѣ, включая въ нее извѣстную прибыль или налогъ. Здѣсь, а вовсе не въ возвышеніи цѣны спиртныхъ напитковъ, лежитъ источникъ увеличенія государственныхъ доходовъ, столь необходимаго по случаю войны.

Другое крупное поступленіе по косвенному обложенію казна имѣетъ отъ *сахара*, акцизъ на который у насъ очень великъ (1 руб. 75 коп. съ пуда), всего въ общемъ до 80 мил. руб., хотя въ послѣднее время здѣсь замѣчается уже нѣкоторая пріостановка роста этихъ поступле-

ній, раньше увеличивавшихся непрерывно. Высота акциза и тенденція къ сокращенію поступленій отъ сахарнаго акциза показываютъ, что объ увеличеніи его по случаю войны не можетъ быть рѣчи. Выпускъ безакцизнаго денатурированнаго сахара (для откорма скота) въ противоположность денатурированному спирту—есть совершенная нелѣпость—порча одного изъ важнѣйшихъ продуктовъ нашего питанія, практически не нужная, ибо сахаромъ скота у насъ никто откармливать не будетъ (пудъ сахара стоитъ на заводѣ безъ акциза около 2 рублей и, слѣдовательно, является чрезвычайно дорогимъ, какъ кормовое средство). Такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ увеличенія казеннаго дохода отъ сахарнаго акциза является расширеніе потребленія сахара въ его натуральномъ видѣ, а это возможно только при удешевленіи цѣнъ на сахаръ, вообще у насъ въ настоящее время чрезмѣрно высокихъ, далеко не соотвѣтствующихъ нормальной стоимости производства самого продукта. Между тѣмъ, съ 1895 г. министерство финансовъ усиленно заботится именно о поддержаніи цѣнъ на сахаръ на возможно высокомъ уровнѣ, и съ этою цѣлью у насъ введена правительственная нормировка производства этого полезнѣйшаго продукта питанія, замѣнившая собою сахарный трестъ, образованный у насъ для поднятія цѣнъ на сахаръ. Нормировка (нигдѣ не примѣняемая за границей, кромѣ нормировки производства спирта, принятой въ Германіи и Австріи съ цѣлью не поддержки высокихъ цѣнъ на спиртъ, а ограниченія потребленія его населеніемъ, какъ напитка, признаваемаго всѣми безусловно вреднымъ), обезпечивъ крупные барыши сахарозаводчикамъ и совершенно устранивъ возможность конкуренціи не только привознаго сахара, но и сахара внутренняго производства (такъ какъ постройка новыхъ заводовъ и расширеніе производства старыхъ стали почти невозможными), способствовала пониженію техническихъ качествъ нашихъ сахарныхъ заводовъ, совершенно отставшихъ отъ за-

граничныхъ, а отсюда и удороженіе сахарнаго производства для самихъ заводовъ. Поддержаніе высокихъ цѣнъ на сахаръ сперва у насъ не отразилось на сокращеніи его производства и потребленія. Напротивъ, и то, и другое значительно возрасли, возрасталъ изъ году въ годъ и государственный доходъ отъ сахарнаго акциза. Даже вывозъ сахара за границу хотя и не могъ идти въ сравненіе съ вывозомъ тѣхъ странъ (Германія, Австро-Венгрія, Франція), которыя выдавали экспортерамъ сахара вывозныя преміи, опредѣлялся довольно крупными цифрами. Министерство финансовъ и его оффиціальные органы такой удовлетворительный результатъ нашего сахарнаго дѣла прямо приписали введенной у насъ сахарной нормировкѣ, но это, разумѣется, было только довольно пріятное заблужденіе: потребленіе сахара всюду растетъ (въ другихъ странахъ гораздо болѣе, чѣмъ у насъ), и та или другая система обложенія, сахарный трестъ, нормировка и т. д. не всегда могутъ остановить совершенно ростъ этого потребленія, а только нѣсколько задерживаютъ. Такъ и у насъ, не смотря на нормировку, потребленіе сахара увеличивалось, росло и производство сахара, увеличивалось количество свекловичныхъ плантацій, росли барыши сахарозаводчиковъ, выросталъ государственный доходъ отъ сахарнаго акциза. Но безъ нормировки все это (кромѣ барышей сахарозаводчиковъ) увеличивалось бы гораздо быстрѣе, постояннѣе и прочнѣе. Послѣднее время замѣчается уже поворотъ къ худшему: результаты сахарной нормировки начинаютъ, наконецъ, сказываться. Площадь свекловичныхъ плантацій, составлявшая въ 1902 г. 540 тысячъ десятинъ, въ 1903 году понизилась до 498 тысячъ, а въ 1904 году уже даже до 438 тысячъ десятинъ, т. е. за два года почти на 20 процентовъ; государственный доходъ отъ сахарнаго акциза съ 81 милл. руб. въ 1902 году упалъ до 75 мил. руб. въ1903 г.; брюсельская конвенція совершенно закрыла западную границу для нашего сахара, и мы почти

лишились еще одной статьи нашего вывоза [1]) благодаря правительственной нормировкѣ производства (другая статья—спиртъ). Такое явленіе отнюдь нельзя признать нормальнымъ и съ нимъ мириться: слишкомъ ужъ важные экономическіе интересы связаны въ настоящее время съ производствомъ сахара, чтобы ихъ принести въ жертву небольшой кучкѣ сахарозаводчиковъ, крупные барыши которыхъ, помимо всего прочаго, способствуютъ чрезвычайнымъ тратамъ ихъ владѣльцевъ за границей (нѣкоторые тамъ проживаютъ постоянно, лично или ихъ семьи) и, слѣдовательно, ухудшенію нашего разсчетнаго баланса. Брюссельская конвенція (къ которой наше министерство финансовъ отказалось примкнуть именно вслѣдствіе желанія сохранить въ неприкосновенности нормировку), упраздняя вывозныя преміи на сахаръ (которыхъ мы не выдавали, вслѣдствіе чего вывозъ сахара изъ Россіи сравнительно съ вывозомъ Франціи, Германіи и Австро-Венгріи былъ совершенно ничтоженъ, и «честь» откармливанія дешевымъ сахаромъ англійскихъ свиней отнюдь не принадлежала Россіи, въ чемъ, однако, наши публицисты часто ее упрекали),—давала возможность нашимъ сахарозаводчикамъ серьезно конкуррировать при вывозѣ сахара за границу съ германскими, французскими и австрійскими, такъ какъ у насъ дешевле рабочія руки, дешевле земля (а, слѣдовательно, и свекловица), и весь вопросъ только въ приспособленіи старыхъ заводовъ къ современнымъ техническимъ требованіямъ (значительная часть заводовъ у насъ новѣе заграничныхъ, и, слѣдовательно, техническое оборудованіе ихъ должно быть лучше, т. е. и здѣсь преимущество на нашей сторонѣ). Увеличеніе сахарнаго производства для цѣлей экспорта должно было бы отразиться въ высшей степени благопріятно на нашей сельско-хозяйственной промышленности и на нашемъ

---

[1]) Въ 1903 г. случайно вывозъ сахара достигъ впрочемъ довольно крупной цифры (на сумму около 15 мил. руб.

балансѣ, косвенно отразившись и на ростѣ государственныхъ доходовъ. Но этотъ ростъ возможенъ и въ видѣ простого увеличенія поступленій отъ сахарнаго акциза, если возможно будетъ увеличить потребленіе сахара внутри страны. Съ этою цѣлью необходимо нѣкоторое *постепенное пониженіе сахарнаго акциза* съ пониженіемъ предѣльныхъ цѣнъ на сахаръ сперва путемъ той же нормировки (которую сразу, къ сожалѣнію, упразднить нельзя). Стоимость сахара на сколько-нибудь порядочныхъ заводахъ (включая коммерческую прибыль) составляетъ въ настоящее время менѣе 2 руб. пудъ. Понизивъ акцизъ до 1 руб. 50 коп. съ пуда, возможно, такимъ образомъ, опредѣлить предѣльную цѣну сахара по нормировкѣ въ 3 руб 50 коп. вмѣсто нынѣшнихъ 4 р 55 коп., а это понизило бы (въ розничной продажѣ) цѣну на фунтъ сахарнаго песка до 9—10 коп. вмѣсто нынѣшнихъ 12—13 к. и способствовало бы очень сильному увеличенію потребленія сахара населеніемъ, ибо потребность въ сахарѣ все болѣе и болѣе возрастаетъ, но нѣтъ средствъ къ ея удовлетворенію. Увеличеніе потребленія съ избыткомъ вознаградило бы казну за отказъ отъ 25 коп. налога на пудъ сахара, и мы думаемъ, что поступленія отъ налога не уменьшились бы, а возросли бы, не говоря уже объ огромной экономической выгодѣ отъ развитія сахарной промышленности. Что это такъ, — доказываетъ опытъ Германіи, гдѣ въ прошломъ году акцизъ на сахаръ вслѣдствіе присоединенія къ Брюссельской конвенціи былъ пониженъ, а поступленіе отъ него возросло на 14 милліоновъ марокъ. Сооруженіе новыхъ сахарныхъ заводовъ и расширеніе старыхъ можно было бы допустить совершенно свободно и, сохраняя временно нормировку, предупредить сахарозаводчиковъ, что налогъ на сахаръ будетъ пониженъ постепенно до 1 руб. съ пуда, а предѣльныя цѣны на сахаръ установлены въ размѣръ 2 руб. 50 коп. (послѣ чего нормировка будетъ упразднена), т. е. заводчикамъ будетъ предоставлено только 1 руб. 50 коп. съ пуда,

что совершенно достаточно уже теперь для хорошо организованныхъ заводовъ, а съ улучшеніемъ ихъ техническихъ средствъ и съ значительнымъ увеличеніемъ производства (что особенно важно) цѣна эта будетъ вполнѣ нормальною и для всѣхъ заводовъ. Въ розничной продажѣ фунтъ сахарнаго песка будетъ тогда стоить не дороже 7 коп., а рафинада 9—10 коп., дальнѣйшее же пониженіе цѣнъ безцѣльно, такъ какъ сахаръ все же—продуктъ не первой необходимости. Конечно, при такихъ цѣнахъ, которыя неизбѣжно въ самый короткій срокъ удвоятъ потребленіе сахара, казна получитъ милліоновъ на десять больше, чѣмъ въ настоящее время, не считая возрастанія другихъ доходовъ, вслѣдствіе чрезвычайнаго роста сахарной промышленности и улучшенія нашего разсчетнаго баланса вслѣдствіе вывоза сахара за границу, такъ какъ мы могли бы, отказавшись отъ нормировки, присоединиться къ выгодной именно для насъ брюссельской конвенціи. Для вывоза сахара могъ бы быть образованъ особый синдикатъ заводчиковъ, которому со стороны правительства препятствій ставить не слѣдовало бы. Повышеніе же цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ этимъ синдикатомъ было бы невозможно въ виду допустимости (по брюссельской конвенціи) конкуренціи заграничнаго сахара.

Третій крупный акцизъ нашъ—съ *табаку*—не даетъ намъ особенно крупныхъ поступленій (на 1905 годъ доходъ отсюда исчисленъ всего въ суммѣ 48 мил. рублей), не смотря на довольно высокое обложеніе, повышенное еще «временно» по случаю китайскихъ осложеній (въ общемъ, до 1 р. съ фунта табака 1 сорта). Неоднократно поэтому подымался у насъ вопросъ о введеніи табачной монополіи, дающей вообще громадные сравнительно съ другими системами доходы (во Франціи до 130 мил. руб., въ Италіи до 60 мил. руб., въ Австріи до 50 мил. руб. чистыхъ), но рѣшенъ былъ, по счастью, отрицательно. Наша система взиманія табачнаго налога—одна изъ наиболѣе совершенныхъ, такъ какъ на-

логъ берется съ готоваго уже продукта, но (помимо разныхъ техническихъ недостатковъ) нашъ налогъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что совершенно одинаковъ для всѣхъ высшихъ сортовъ табака (называемыхъ общимъ именемъ—перваго сорта). Здѣсь и слѣдовало бы внести главную поправку въ нашей системѣ, именно соразмѣрять налогъ съ продажной цѣной табака (ad valorem), введя прогрессивную скалу, что особенно удобно при системѣ выборки фабрикой бандеролей и оклейки ими помѣщеній съ табакомъ (напримѣръ, за табакъ стоимостью 1 р. 25 к. фунтъ можно было бы взимать налогъ въ размѣрѣ 75 к. при продажной цѣнѣ въ 2 р.; при стоимости отъ 1 р. 50 к. до 2 руб. брать 1 руб.; при стоимости отъ 2 руб. 50 к. до 3 р.—1 р. 50 к.; при 3 руб. 50 к.—2 р., при 4 р.—3 р., при 4 руб. 50 к.—4 р. 25 к., при 5 р.—5 р. и на этомъ остановить прогрессію). Это было бы вполнѣ справедливо и повысило бы на нѣкоторую сумму казенный доходъ (не болѣе впрочемъ, чѣмъ на 5 мил. руб. по нашему разсчету на первое время, но и такимъ доходомъ пренебрегать не слѣдуетъ).

Четвертый нашъ акцизъ—на *осветительные нефтяные продукты*—очень великъ (60 к. съ пуда), и повышенія его ни въ какомъ случаѣ мы не рекомендуемъ. Но на что слѣдуетъ обратить вниманіе (объ этомъ много разъ говорилось въ печати)—на нашъ отпускъ этихъ продуктовъ за границу. Препятствіе экспорту (который вообще развить весьма нелегко)—вещь нелѣпая, но не слѣдуетъ забывать, что въ отношеніи нефти мы находимся въ совершенно исключительномъ положеніи, обладая богатѣйшими въ мірѣ нефтяными мѣсторожденіями и вывозя свой продуктъ только при условіи недостатка на міровомъ рынкѣ продукта американскаго. Нашъ керосинъ покупаетъ преимущественно та же Oil Standart C-ie, которая владѣетъ міровымъ нефтянымъ рынкомъ, а въ послѣднее время всемогущій американскій трестъ пытается захватить наши нефтяныя богатства въ свои руки

непосредственно. Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что наша нефтяная промышленность почти цѣликомъ находится въ рукахъ иностранцевъ, при томъ по преимуществу крупныхъ капиталистовъ, умѣющихъ отлично постоять за свои интересы и не нуждающихся въ особомъ покровительствѣ и поддержкѣ правительства. Печать наша очень часто высказываетъ неудовольствіе на захватъ кавказскихъ нефтяныхъ богатствъ иностранцами, но ничего невозможно сдѣлать съ русскими капиталистами, которые предпочитаютъ барышничество коммерческимъ предпріятіямъ: пока земли не попадутъ въ прочныя руки, пока не будетъ принято хотя нѣкоторыхъ ограничительныхъ мѣръ противъ спекуляціи на земли и не введено *налога на незаслуженную прибыль*, серьезныхъ русскихъ коммерческихъ предпріятій у насъ не будетъ, ибо никто не захочетъ довольствоваться хотя бы и значительною коммерческой прибылью, когда можно сразу удваивать и утраивать затраченный на покупку земли капиталъ безъ всякихъ хлопотъ (этимъ объясняется и перепродажа русскими капиталистами иностранцамъ своихъ естественныхъ богатствъ, тѣхъ же нефтяныхъ мѣсторожденій, сравнительно даже за недорогую цѣну, разъ имъ самимъ эти мѣсторожденія достались за безцѣнокъ или вовсе даромъ). Но эта же принадлежность нефтяныхъ нашихъ богатствъ именно иностранцамъ дѣлаетъ безспорно возможнымъ и желательнымъ принятіе мѣръ къ ограниченію прибылей, получаемыхъ отъ нефтяныхъ предпріятій, такъ какъ эти прибыли все равно уйдутъ за границу. Поэтому нисколько не слѣдуетъ опасаться притока иностранныхъ капиталовъ въ наши предпріятія, важно только, чтобы у насъ функціонировала правильная податная система, недопускающая извлеченія чрезвычайныхъ барышей безъ отдачи части ихъ на общегосударственныя нужды. Разъ нефтяная промышленность даетъ очень крупныя прибыли, эти прибыли можно обложить въ подоходномъ налогѣ или же какимъ-либо *спеціальнымъ налогомъ*; тогда

значительная часть извлеченныхъ иностранными капиталистами отъ эксплоатаціи русскихъ богатствъ прибылей пойдетъ снова въ пользу Россіи, а не будетъ вывезена за границу. Такой спеціальный налогъ на нефтяныя предпріятія (какъ дополненіе къ налогу промысловому) свободно можетъ быть введенъ для покрытія военныхъ издержекъ [1]). Но возможно и установленіе вывозныхъ пошлинъ на нефтяные продукты, напр., въ размѣрѣ 10 коп. съ пуда. Въ 1903 г. вывезено было такихъ продуктовъ 107 мил. пудовъ на 52 мил. рублей, и, слѣдовательно, до 10 мил. руб. могло-бы быть извлечено указаннымъ нами путемъ. Вмѣсто вывозной пошлины могъ бы быть просто повышенъ тарифъ на Закавказской жел. дорогѣ за перевозку нефтяныхъ продуктовъ, теперь, кстати, берущійся въ меньшемъ размѣрѣ при отправкѣ ихъ изъ Батума за границу, чѣмъ при отправкѣ оттуда же во внутреннюю Россію. О повышеніи этого тарифа писали и говорили очень много, но безъ особаго результата въ виду сильнаго противодѣйствія со стороны нефтепромышленниковъ. Министерствомъ финансовъ созванъ теперь новый тарифный съѣздъ, которому не мѣшало бы пересмотрѣть тарифъ Закавказской жел. дороги.

Но тарифный съѣздъ могъ бы и вообще попытаться изыскать нѣкоторые рессурсы для государственнаго казначейства путемъ увеличенія тарифныхъ ставокъ на разные

---

[1]) Когда мы пишемъ эти строки (январь 1905 г.),—въ Баку забастовка рабочихъ на нефтяныхъ промыслахъ, вызванная безобразными условіями и обстановкой работъ на этихъ промыслахъ. Правительство, къ сожалѣнію, однако, вмѣсто того, чтобы обуздать аппетиты и произволъ нефтепромышленниковъ, кажется, занялось, по обыкновенію, „усмиреніемъ“ рабочихъ, сопровождающимся, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, человѣческими жертвами. Пора понять, что въ интересахъ государства (и его финансовъ)—охранять высокую заработанную плату и здоровье рабочихъ, а не крупную прибыль на капиталъ, особенно иностранный.

предметы нашего отпуска и ввоза. Повышеніе тарифовъ на нѣкоторые вывозимые нами продукты могло бы быть замѣнено и прямымъ установленіемъ вывозныхъ пошлинъ. Какіе же это предметы? Въ числѣ ихъ мы могли бы указать на отруби, жмыхи и другіе отбросы, идущіе на выкормку германскаго скота (вывозъ ежегодно на сумму до 20 мил. р.) и на яйца (вывозъ доходитъ до суммы свыше 50 мил. р.). Наврядъ-ли вывозная пошлина или повышенный тарифъ могли бы отразиться на ихъ цѣнахъ (производитель все-равно получаетъ гроши, прибыли идутъ посредникамъ); а если-бы повышеніе цѣнъ отразилось на нѣкоторомъ сокращеніи вывоза, то это сокращеніе могло бы только оказать пользу нашему сельскому хозяйству, удержавъ въ нашихъ рукахъ великолѣпное кормовое средство и давъ толчекъ къ выкормкѣ дома и затѣмъ вывозу за границу скота. Яйца же—необходимый и цѣнный продуктъ питанія самого населенія, въ послѣднее время съ вывозомъ яицъ и развитіемъ производства и вывоза коровьяго масла совершенно почти лишившаго себя и яичныхъ и молочныхъ продуктовъ. Экспортъ для насъ, конечно, вопросъ большей важности, чѣмъ для какой-либо другой страны въ мірѣ вслѣдствіе нашей чрезмѣрной внѣшней задолженности; но мы думаемъ, что не въ поощреніи вывоза такихъ продуктовъ, какъ яйца или отруби (да еще за безцѣнокъ) находится узелъ вопроса о развитіи нашей внѣшней торговли. Многаго вывозная пошлина на названные продукты, конечно, не дастъ, но и небольшая сумма (2—3 мил. руб.), если она получается безъ всякаго ущерба для народнаго хозяйства, имѣетъ свое значеніе въ государственномъ бюджетѣ. Не мѣшаетъ пересмотрѣть еще и тарифъ по перевозкѣ среднеазіатскаго хлопка или, быть можетъ, поднять вопросъ о введеніи спеціальнаго налога на хлопковыя плантаціи: цѣны на хлопокъ сильно возросли послѣднее время, полученные хлопководами барыши достигаютъ очень солидныхъ размѣровъ,—это дань центра окраинѣ, которую не мѣ-

шало бы путемъ правильнаго примѣненія налогового аппарата привлечь къ облегченію государственныхъ тягостей.

Рекомендовать усиленное обложеніе ввозимыхъ изъ-за границы продуктовъ мы не будемъ, такъ какъ здѣсь мы связаны торговыми договорами, а въ чемъ не связаны, то обложено и теперь болѣе, чѣмъ достаточнымъ налогомъ. Но при пересмотрѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ кое-что можно было бы привлечь къ обложенію и изъ договорныхъ товаровъ, особенно изъ предметовъ роскоши. Здѣсь мы имѣемъ въ виду не столько увеличеніе государственныхъ доходовъ, сколько хотя бы нѣкоторое сокращеніе заграничнаго къ намъ ввоза. Министерство финансовъ предполагаетъ еще повысить пассажирскій тарифъ, особенно I и II классовъ. Мы уже категорически высказывались въ печати неоднократно *противъ* этого повышенія, для котораго нѣтъ никакихъ основаній [1]). Единственно, что можно было бы допустить въ виду тяжелаго военнаго времени, это повышеніе основной ставки для исчисленія общаго тарифа съ 1,435 коп. до 1,5 коп. (для простоты разсчетовъ), а пригороднаго тарифа съ 0,9 коп. до 1 коп. Получилось бы ничтожное увеличеніе дохода жел. дорогъ (милліона на два рублей), но и что нибудь лучше, чѣмъ ничего. Полагаемъ, что никакихъ другихъ (кромѣ нами рекомендованныхъ) мѣръ къ увеличенію государственныхъ доходовъ принимать не слѣдуетъ, хотя было бы не трудно и изобрѣсти новые налоги, и разные (менѣе рекомендуемые наукой) способы (кромѣ налоговъ) извлеченія изъ населенія средствъ на нужды войны (напр., лотерею). Въ результатѣ предлагаемыхъ нами рефомъ можно было бы получить:

1) Отъ подоходнаго налога до . . . . 10.000,000 руб.
2) Отъ реформы налога наслѣдственнаго и на переходъ недвижимыхъ имуществъ . . 15.000,000 »

---

[1]) „*Слово*“ 1904 г. № 29.

3) Отъ измѣненій въ системѣ прямого обложенія и введенія спеціальнаго промысловаго налога на нѣкоторыя предпріятія до .	5.000,000 руб.
4) Отъ налога на денатурированный спиртъ и пониженія цѣнъ на сахаръ до . .	10.000,000 »
5) Отъ повышенія налога на табакъ . .	5.000,000 »
6) Вывозная пошлина на керосинъ и другіе продукты	10.000,000 »
7) Отъ увеличенія желѣзнодорожныхъ тарифовъ	10.000,000 »
Итого . .	65.000,000 руб.

Сумма эта (65 милл. руб.) совершенно достаточна для оплаты спеціальныхъ военныхъ займовъ (на сумму до 1300—1500 милліоновъ рублей). Ее необходимо указать при заключеніи новыхъ займовъ. Безъ этого указанія кредиторы наши не могутъ быть вполнѣ увѣрены въ нашей кредитоспособности и въ условія займовъ будутъ включать *рисковую премію.* Такъ случилось и на самомъ дѣлѣ при реализаціи нашихъ двухъ первыхъ военныхъ займовъ, погашенія которыхъ заграничные банкиры потребовали въ короткій срокъ по номинальной цѣнѣ, что довело размѣръ ихъ процента до $6^1/_2$—7 вмѣсто расцѣниваемыхъ биржей прежнихъ займовъ изъ $4^1/_2$%.

Но спеціальныя суммы для оплаты военныхъ займовъ весьма значительно увеличились бы, если бы были приняты мѣры къ умноженію государственныхъ доходовъ *путемъ поднятія экономическаго благосостоянія населенія.* Подъемъ же благосостоянія возможенъ только при правильной постановкѣ дѣлаемыхъ государствомъ затратъ своихъ поступленій. Эти затраты должны производиться преимущественно въ цѣляхъ удовлетворенія культурныхъ нуждъ населенія или же съ такъ называемыми цѣлями производительными, для чего возможно было бы даже прибѣгнуть къ спеціальнымъ займамъ. Мы говорили уже о нѣкоторыхъ государственныхъ предпріятіяхъ,

осуществленіе которыхъ вызвало бы огромный экономическій подъемъ населенія: сооруженіе важныхъ рельсовыхъ путей и улучшеніе уже существующихъ; расширеніе и улучшеніе водныхъ путей; созданіе сѣти шоссе; облѣсеніе сыпучихъ песковъ; приспособленіе пустынныхъ теперь и нуждающихся въ оросительныхъ или осушительныхъ работахъ мѣстностей для переселенія избытковъ земледѣльческихъ классовъ изъ центра на окраины; организація самаго переселенія на новыя мѣста и помощь переселенцамъ; организація сельско-хозяйственнаго и мелкаго народнаго кредита; организація на широкихъ началахъ разныхъ видовъ государственнаго страхованія. Часть этихъ задачъ не можетъ быть иначе осуществлена, какъ съ помощью государственныхъ займовъ, но расходованіе внутри страны занятыхъ суммъ на столь важныя потребности непремѣнно вызоветъ огромное повышеніе государственныхъ доходовъ, часть которыхъ можетъ быть употреблена на дальнѣйшее осуществленіе начатыхъ предпріятій. Другая часть этого избытка государственныхъ доходовъ должна быть израсходована на культурныя нужды населенія, преимущественно на *народное образованіе*. Передача нѣкоторыхъ прямыхъ налоговъ (въ случаѣ введенія государственнаго подоходнаго налога) въ распоряженіе земствъ и городовъ (вполнѣ возможная при общемъ ростѣ государственныхъ доходовъ) дастъ средства для осуществленія многихъ культурныхъ задачъ (санитарныя мѣропріятія, пожарное, дорожное дѣло, общественное призрѣніе, продовольственный вопросъ, кустарная промышленность и т. д.). Но народное образованіе государство должно взять въ свои руки непосредственно и не жалѣть расходовъ на его широкую и современную постановку. Мы слишкомъ уже отстали отъ своихъ сосѣдей и конкуррентовъ, чтобы можно было намъ ограничиться робкими и медленными шагами въ дѣлѣ народнаго образованія. И общее, и техническое образованіе, съ курсами также для подростковъ и взрослаго населенія, съ соотвѣтствующими музеями, мастерскими и опытными по-

лями должны быть поставлены сразу же на широкую ногу и не жалѣя расходовъ. Часто слышится возраженіе, что на это у насъ нѣтъ средствъ. Но это возраженіе со стороны лицъ, которыя въ финансовыхъ вопросахъ совершенно не освѣдомлены. Мы категорически утверждаемъ, что всѣ расходы на низшее, хотя бы въ томъ числѣ и спеціальное народное образованіе (высшее и среднее—это вопросъ другой), какъ бы они велики ни были, немедленно же возвратятся въ казну въ видѣ увеличеннаго поступленія государственныхъ доходовъ, такъ какъ всѣ расходы на народное образованіе производятся внутри страны (постройка и оборудованіе школъ, ихъ содержаніе, наемъ учителей) за ненадобностью какихъ либо пріобрѣтеній за границей (кромѣ какихъ-нибудь мелочей) и за невозможностью для школьнаго персонала (въ виду ничтожности его содержанія) производить какіе-либо расходы за границею или на покупку заграничныхъ дорогихъ товаровъ. Тѣ же суммы, которыя остались внутри страны, государство очень легко съ помощью правильно функціонирующаго податного аппарата всегда сумѣетъ привлечь обратно на свои надобности. Къ сожалѣнію, теорія государственныхъ расходовъ еще мало разработана финансовой наукой (а нѣкоторые наши финасисты и вовсе отрицаютъ необходимость такой разработки, находя, что финансовая наука чисто техническая, занимающаяся вопросомъ, какъ лучше надо государству извлекать изъ народа свои доходы, а какъ ихъ расходовать—не дѣло финансовой науки), отсюда и страхъ передъ производствомъ многихъ даже полезнѣйшихъ и необходимѣйшихъ расходовъ на самыя важныя народныя нужды,—что у государства не хватитъ тогда средствъ на внѣшнюю оборону и на поддержаніе внутренняго правопорядка. Опасенія эти совершенно неосновательны. И внѣшняя оборона, и внутренній правопорядокъ гораздо лучше поставлены въ той странѣ, гдѣ на высокомъ уровнѣ стоитъ народное благосостояніе, народное здоровье, народное образованіе.

Въ такихъ странахъ и государственные финансы находятся въ неизмѣримо лучшемъ состояніи. А въ такой войнѣ, какъ нынѣшняя, несомнѣнно могущей, въ виду постоянныхъ нашихъ военныхъ неудачъ, продлиться очень долго, вопросъ о прочномъ экономическомъ и финансовомъ положеніи государства есть самой первостепенной важности—вопросъ о возможности нашей побѣды. Введеніе всеобщаго народнаго образованія обошлось бы Россіи, по нашему разсчету [1]), въ суммѣ жегодно не свыше 100 мил. руб. въ добавленіе къ уже ассигнуемымъ теперь на этотъ предметъ средствамъ. Эти 100 мил. руб. могли бы быть постепенно ассигнованы въ теченіе пяти лѣтъ, по 20 милліоновъ рублей ежегодно. А сокращеніе расходовъ, которыми министерство финансовъ такъ гордится, на разныя преимущественно *производительныя* надобности государства, немедленно же отражается на ростѣ поступленій государственныхъ доходовъ, что мы въ свое время и предсказывали. Это уменьшеніе составляетъ почти 4% за первые девять мѣсяцевъ 1904 г., а къ концу года, пожалуй, дойдетъ и до 6%; при бюджетѣ въ 2.000 мил. р. это будетъ 120 мил. р., т. е. приблизительно именно та сумма, на которую были сокращены государственные расходы на случай войны. Вотъ что значитъ вести бюджетную, а не народно-хозяйственную политику! Много и другихъ культурныхъ задачъ слѣдовало бы осуществить у насъ по случаю войны, чтобы освободить общество отъ многихъ путъ и дать толчекъ къ развитію его самодѣятельности. Задачи эти подробно указаны нами въ печати [2]) своевременно.

---

[1]) *Русь* 1904 г. № 300. („Финансовый проэктъ введенія въ Россіи всеобщаго народнаго образованія“).

[2]) *Слово* 1904 г. №№ 1, 10 и 17. („Наши культурныя задачи“).

XII.

Настоящая война затянется на долгое время,—теперь (послѣ неудачъ нашихъ подъ Ляояномъ и на Шахэ) это несомнѣнно и для тѣхъ, кто еще недавно утверждалъ противное. Было бы наивно предполагать, что врагъ нашъ, имѣвшій долгое время (а можетъ быть, имѣющій и теперь) на театрѣ войны преимущество въ численности своихъ войскъ, а главное, артиллеріи (которая теперь безспорно, рѣшаетъ бой, хотя кое-кто, можетъ быть, и теперь будетъ это отрицать), будетъ раздавленъ однимъ ударомъ. Нѣтъ мы будемъ вынуждены шагъ за шагомъ обратно завоевывать то, что еще недавно досталось намъ такъ легко; возможно, что намъ придется отчаянно защищать еще и безспорныя наши территоріи (Приморскую область, Приамурскій край, Сахалинъ). Борьба предвидится долгая, напряженная, и, чтобы выйти изъ нея побѣдительницей, Россія должна будетъ мобилизировать очень еще большія силы, и военныя, и финансовыя. Намъ придется поэтому, вѣроятно, въ зависимости отъ хода войны не разъ еще браться за перо, чтобы освѣтить тотъ или другой вопросъ. Но пока мы высказали то, что имѣли сказать и что можно было сказать. Война выдвинула на сцену цѣлый рядъ весьма важныхъ вопросовъ и внѣшней, и внутренней политики, съ разрѣшеніемъ которыхъ ждали и можно было бы еще ждать, но теперь они стали неотложными,—откладывать болѣе нельзя, слишкомъ ужъ многое поставлено на карту.

Мы же вообще привыкли все откладывать въ дальній ящикъ, закрывать глаза на грядущую опасность, довольство-

ваться только настоящимъ днемъ, не думая о будущемъ. Политика наша пропускала не разъ важные и удобные моменты для осуществленія серьезнѣйшихъ государственныхъ историческихъ задачъ; ложно понятое миролюбіе влекло къ нашей постоянной военной неподготовленности. Не лучше было и съ внутренними порядками. Здѣсь полезнѣйшія и необходимѣйшія реформы изъ-года въ годъ откладывались подъ предлогомъ неимѣнія средствъ для ихъ осуществленія; въ дѣлѣ народнаго благосостоянія мы отстали на десятки лѣтъ сравнительно не только съ Америкой, но и Западной Европой. Война сразу встряхнула все общество, сразу выставила на первый планъ всѣ эти безъ конца отлагавшіеся вопросы нашей внѣшней и внутренней политики, обнаружила наши недостатки, но, къ счастью, и показала, что многое еще весьма поправимо, что далеко еще не все потеряно, и не все у насъ такъ плохо, какъ казалось безъ внимательнаго разсмотрѣнія. Между тѣмъ, извѣстная часть нашего общества до того извѣрилась въ свои силы, что въ неудачахъ войны стала видѣть залогъ нашего спасенія, стала поэтому желать этихъ неудачъ и имъ радоваться. Вспомнили Севастополь и убѣжденіе многихъ жаждавшихъ блага Россіи, но наивныхъ людей того времени, что именно севастопольскій погромъ привелъ къ нашему возрожденію, повлекши правительство на путь реформъ. Исторію у насъ вообще знаютъ очень плохо, особенно новѣйшую, политикой, однако, всѣ любятъ заниматься, но дальше повторенія нѣкоторыхъ излюбленныхъ мыслей извѣстнаго шаблона обыкновенно не идутъ, поражая крайнимъ невѣжествомъ самыхъ извѣстныхъ фактовъ и необычайной скудостью и наивностью своихъ доводовъ. Все, что выходитъ за предѣлы общепринятаго такими «политиками» шаблона, кажется имъ вреднымъ и опаснымъ новшествомъ, противъ котораго эти старовѣры и возстаютъ съ энергіей, достойной лучшей участи, не выслушавъ даже своего противника до

конца и не останавливаясь передъ полнымъ извращеніемъ его мыслей.

Къ числу такихъ шаблонныхъ у насъ положеній принадлежитъ то, что Россія *страдаетъ отъ многоземелья* (!), что всѣ наши несчастья происходятъ отъ чрезмѣрнаго занятаго нами пространства, отсюда, будто бы и наша бѣдность и наше невѣжество. По переписи 1897 г., дѣйствительно приходилось въ Россіи въ среднемъ только по 15 человѣкъ на англійскую квадратную милю занятаго нами пространства (129 мил. чел. на 8.660.395 кв. миль), теперь эта плотность возросла (при общемъ населеніи въ 141 милл. человѣкъ) до 16 1/3 чел., но въ Европейской Россіи эта плотность достигала въ среднемъ 51 человѣкъ на кв. милю, для отдѣльныхъ губерній до 189 (теперь до 200 слишкомъ) человѣкъ, въ Царствѣ Польскомъ до 193 въ среднемъ и 297 для отдѣльныхъ губерній. Малоземелье крестьянъ средней, а отчасти и южной (не говоря уже о западной и юго-западной) Россіи — давно уже общеизвѣстный фактъ. Надѣлы понизились во многихъ мѣстахъ до 1/3 десятины, арендныя цѣны растутъ совершенно несообразно съ доходностью земли: крестьяне платятъ за право приложить къ ней свой трудъ. Интенсивная система земледѣлія при такихъ условіяхъ совершенно не возможна: не мыслимо держать большой и дорогой инвентарь (особенно живой) на ничтожныхъ клочкахъ земли и при чрезвычайно низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ. При другихъ цѣнахъ (на западѣ интенсивная система охраняется огромными пошлинами на привозный хлѣбъ, а безъ этой охраны земледѣліе падаетъ и становится почти невозможнымъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи) или при другихъ климатическихъ условіяхъ (сходныхъ, напр., съ китайскими или японскими) можно было бы здѣсь чего-нибудь добиться, конечно, при помощи широко поставленнаго народнаго сельскохозяйственнаго кредита, но при настоящихъ обстоятельствахъ ничего радикальнаго предпринять нельзя, возможны только

палліативы. Отсюда огромное стремленіе нашего крестьянства въ Сибирь и на Дальній Востокъ, какъ западно-европейскаго крестьянства—въ Америку. Вся площадь Европейской Россіи уже распахана, степей нѣтъ, скотоводство пало, вырублены лѣса и занимаемыя ими пространства обращены также подъ пахоту, отсюда огромное развитіе овраговъ, обмеленіе рѣкъ, засыпка плодородныхъ мѣстностей пескомъ. Скотоводство переходитъ постепенно въ южныя сибирскія области и въ Среднюю Азію, но переселенецъ занялъ уже и тамъ мѣста для пашни, кочевные инородцы вынуждены бросать свой промыселъ, и значительное количество шерсти, сала, кожъ и воску мы уже получаемъ изъ-за границы. Необъятная Сибирь, Забайкалье, Приамурскій край, Приморская область, какъ и крайній сѣверъ Европейской Россіи, правда почти не заселены, но самая большая часть ихъ и вовсе не пригодна для поселенія, другія части пригодны лишь для лѣсныхъ промысловъ, оленеводства, рыболовства, горныхъ промысловъ, но не для земледѣлія и скотоводства. Наконецъ, безусловно, пригодныя для этихъ цѣлей земли уже давно заселены, незаселенныя же—годны будутъ только послѣ извѣстной ихъ подготовки (осушенія или орошенія). Подготовка эта кое-гдѣ (въ раіонѣ Сибирской жел. дор.) и производится, и ее придется, конечно, ускорить и расширить, но всѣхъ избытковъ населенія Европейской Россіи здѣсь не помѣстить. Отсюда и нужда въ новыхъ территоріяхъ. Спора нѣтъ, многое въ системѣ нашего землепользованія можно было бы измѣнить и улучшить, даже не переходя къ правильной интенсивной системѣ земледѣлія. Но для этого надо перевоспитать, переучить наши земледѣльческіе классы. Такой процессъ перевоспитанія—длителенъ. Безъ вниманія его оставлять нельзя, и надо работать въ этомъ направленіи, не подкладая рукъ, ибо вѣчно расширять нашу территорію невозможно. Но пока достигнуты будутъ здѣсь практическіе результаты, населеніе рискуетъ умереть,—безъ возможности переселеній,—

съ голоду. Такихъ ли результатовъ добиваются у насъ противники расширенія занятыхъ Россіей территорій? Необходимо замѣтить, что вездѣ у насъ (какъ всюду), гдѣ населеніе снабжено землею въ изобиліи, оно относительно благоденствуетъ, гораздо лучше развито въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, чѣмъ населеніе безземельной внутренней Россіи. Такъ, въ Новороссіи, такъ на Сѣв. Кавказѣ, такъ въ Сибири и въ Пріамурскомъ Краѣ. Мы просто не понимаемъ, откуда могла взяться и быть повторяема у насъ нелѣпая мысль, что земельное богатство можетъ служить источникомъ народной бѣдности. Напримѣръ, въ Канадѣ приходится на одну англ. кв. милю всего по полтора человѣка (у насъ, напоминаемъ, по 16), на огромное пространство въ 3.745.574 мили всего 5.371.000 чел., а между тѣмъ это одна изъ богатѣйшихъ странъ въ свѣтѣ. Тоже, можно сказать объ Австраліи съ ея плотностью населенія въ 1,2 чел. на кв. милю (3.771.715 чел. на 2.972.573 мили) Плотность населенія С. Американскихъ Соед. Штатовъ немного превосходитъ нашу (21 чел. на милю), для отдѣльныхъ штатовъ, понижаясь до 0,4 чел. на милю (для Аляски даже до 0,1 чел.) Богатѣйшая Мексика имѣетъ только до 17 чел. населенія на милю, не менѣе богатая Аргентина 4—8 человѣкъ. И всѣ эти страны, и многія другія, богаты именно вслѣдствіе такого обилія земли,—бѣдна почему то одна Россія! Ясно, что односторонніе сужденія давно пора бы оставить и твердо помнить, что одна и та же причина (въ данномъ случаѣ, земельное богатство) не можетъ порождать разныхъ слѣдствій (богатство или бѣдность населенія). Обиліе земли — главный источникъ благосостоянія населенія, но *не единственный*, наша же бѣдность—въ значительной степени есть слѣдствіе недостатка земли, годной для привычной намъ культуры. Захваченныя другими народами земли гораздо лучше по качеству и географически лучше помѣщены, чѣмъ наши, отсюда трудность для насъ конкурренціи съ этими

народами. Необходимость расширенія площади занятой европейцами земли давно ими сознана, отсюда вся европейская колоніальная политика, этотъ грандіозный захватъ другихъ заселенныхъ (Азія и Африка) и незаселенныхъ (Америка и Австралія) материковъ, процессъ котораго заканчивается на нашихъ глазахъ. Споръ о ничтожныхъ клочкахъ земли на континентѣ Европы, какъ кажется, уже почти прекращенъ. Если и думаютъ, то объ объединеніи (на національной почвѣ), а не о прирощеніи земель. Колоніальная политика всюду на первомъ планѣ. Наша бѣда только въ томъ, что мы далеко не такъ готовы къ колоніальной политикѣ, какъ другіе европейскіе народы,—что мы помимо земли еще болѣе нуждаемся въ упорядоченіи нашихъ внутреннихъ дѣлъ, въ обезпеченіи извѣстнаго правопорядка, въ подъемѣ народнаго образованія. Отсюда и мнѣніе, что гдѣ уже намъ конкуррировать съ другими народами: «Сидѣлъ бы Ерема дома». Но въ томъ также бѣда наша, что мы слишкомъ ужъ долго «сидимъ», а толку что то не видно. Другіе народы, когда у нихъ и правовой порядокъ былъ еще хуже нынѣшняго нашего и образованіе было на самомъ низкомъ уровнѣ, дома не сидѣли, а смѣло шли впередъ, вопреки разнымъ предостереженіямъ, открывали и заселяли цѣлые новые материки, завоевывали старые и—вопреки мнѣнію и предсказаніямъ разныхъ пессимистовъ и моралистовъ — богатѣли, а затѣмъ развивались во всѣхъ отношеніяхъ. Вспомнимъ Англію. Развѣ она была образованнѣе, богаче и населеннѣе въ началѣ XVII вѣка, чѣмъ Россія въ началѣ XX? Но остановило ли это захватъ Англіей Индіи, что послужило именно причиной и нынѣшняго расцвѣта англійской культуры? Почему мы не должны слѣдовать примѣру нашей великой соперницы?

Россія, конечно, могла бы и обождать съ расширеніемъ своей территоріи: многія изъ принадлежащихъ ей пространствъ въ Азіи еще не заселены и неиспользованы. Правда, ихъ

надо еще приспособлять для заселенія, но это не есть непреодолимое препятствіе къ заселенію; вглубь Азіи мы непремѣнно должны были бы подвигаться постепенно, извнутри, черезъ Семирѣченскую и Семипалатинскую области по направленію къ Монголіи и, только заселивъ и укрѣпивъ за собою послѣднюю, двигаться къ незамерзающимъ берегамъ Тихаго Океана черезъ Манчжурію. При этомъ пріобрѣтеніе базы на Персидскомъ заливѣ для нашего военнаго флота (вмѣсто Чернаго моря) и хотя бы небольшой угольной станціи между Индійскимъ и Тихимъ океанами являлось необходимымъ условіемъ прочности движенія нашего на Дальній Востокъ.

Пріобрѣтеніе Босфора обезпечило бы намъ оборону Черноморскаго побережья и дало бы возможность значительную часть нашихъ военныхъ силъ передвинуть для охраны новыхъ пріобрѣтаемыхъ земель. Съ этого пріобрѣтенія Босфора и надо было начинать нашу аггресивную политику, и его можно было бы добиться *мирнымъ путемъ*, отказавшись отъ права имѣть въ Черномъ морѣ военный флотъ—угрозу Турціи (при владѣніи Босфоромъ для защиты намъ ненужный) и отъ мысли о захватѣ Царьграда и Дарданеллъ (послѣднія не обезпечиваютъ все равно свободнаго выхода въ Средиземное море, ибо за ними—Архипелагъ, гдѣ враждебный флотъ можетъ всегда задержать нашъ флотъ, а изъ-за ни на что ненужнаго намъ Константинополя не вести же намъ новую войну съ Турціей!). Очень можетъ быть, что все это и было бы сдѣлано, если бы не движеніе на Китай со стороны Японіи. Это движеніе не было вызвано (какъ многіе полагаютъ) недостаткомъ въ Японіи земли, избыткомъ населенія, ибо Корея и Южная Манчжурія, куда японцы двинулись,—страны такъ же густо заселенныя, какъ и сама Японія, новымъ пришельцамъ тамъ мѣста не было, но Японія мечтала объ *эксплоатаціи населенія* этихъ странъ (а не ихъ земель) и, всего больше, о *гегемоніи на азіатскомъ материкѣ*, съ вытѣсненіемъ оттуда европейцевъ'

прежде всего, ближайшихъ сосѣдей Японіи—русскихъ. Японія со временемъ вышлетъ и свои избытки населенія, но не въ густо заселенныя части Азіи, а на Филиппины и въ пустынную Австралію. теперь же движеніе было вызвано совсѣмъ другими причинами (за послѣднія 10 лѣтъ ни одинъ японскій земледѣлецъ не переселился въ Корею или Манчжурію, ѣздили, и то лишь на время, только промышленники и торговцы,—это важнѣйшій признакъ отсутствія настоящаго избытка населенія въ странѣ). Россія, чтобы воспрепятствовать грознымъ для нея замысламъ Японіи, была вынуждена занять Манчжурію и Квантунъ, ускоривъ свое движеніе на Дальній Востокъ, не обезпечивъ своего положенія тамъ привлеченіемъ русскихъ переселенцевъ, не имѣя твердой базы для своего флота нигдѣ отъ Балтійскаго до Тихоокеанскаго побережья. Успѣли проложить только самые необходимые рельсовые пути (да и то плохо). Японія воспользовалась нашей крайней слабостью на Дальнемъ Востокѣ и объявила намъ войну. Война застала насъ врасплохъ: броненосцы, которые еще въ 1902—1903 г.г. по программѣ должны были бы быть совершенно готовы («Орелъ» и «Слава»), додѣлывались не спѣша въ эллингахъ Балтійскаго завода, другіе, уже сооруженные броненосцы («Александръ III», «Бородино», «Князь Суворовъ») не были окончательно снаряжены,—отсюда превосходство японскаго флота надъ нашей тихоокеанской эскадрой. Не оказалось у насъ и подводнаго флота, о которомъ такъ много говорили; ничтожнымъ оказался и миноносный флотъ. На сушѣ и тактически, и матеріально мы оказались вовсе не готовы къ горной войнѣ, которую именно и пришлось намъ вести. Мы не имѣли ни одного горнаго скорострѣльнаго орудія противъ японскихъ (болѣе 400), превосходныя же наши (лучше японскихъ) полевыя пушки оказались непригодными въ горахъ (въ одномъ сраженіи, напримѣръ, изъ 88 орудій мы могли втащить на горы только 16; удивляться ли послѣ этого неудачамъ нашимъ?). Мы не имѣли вьючнаго обоза (колесный въ горахъ

не годится, какъ не годятся лошади, а нужны мулы и ослы) для подвозки войскамъ продовольствія, воды и снарядовъ, не имѣли арбъ для перевозки солдатской амуниціи, несеніе которой войсками на себѣ до крайности затрудняло движеніе въ горахъ; мы не имѣли полевого воздухоплавательнаго парка (змѣйковыхъ аэростатовъ не имѣемъ и сейчасъ), не имѣли безпроволочнаго телеграфа (полевого), не имѣли и многаго другого, о чемъ здѣсь не мѣсто распространяться. Снаряжаться къ горной войнѣ начали уже въ самомъ походѣ. Офицерскій персоналъ долженъ былъ почему-то взять на себя (вмѣсто интенданства) обязанности по заготовленію горнаго и иного снаряженія, обезпеченія арміи провіантомъ, фуражемъ и т. д., тогда какъ обязанность арміи—только драться. Почему-то найдено было необходимымъ вести имено *горную войну*, къ которой мы готовы не были, вмѣсто того, чтобы отступить въ долины и тамъ ждать непріятеля. Вѣчно мы пытались (съ слабыми силами) перейти въ наступленіе именно противъ правой японской арміи (Куроки), для чего и былъ образованъ «Восточный отрядъ», начальникъ котораго и погибъ безъ всякой пользы при одномъ изъ такихъ наступленій. Войска у насъ сначала было очень немного, но и эти немногочисленныя войска переутомились постоянными маршами и контръ-маршами, а въ дѣло вступали уже въ совершенно непригодномъ видѣ. Въ тоже время не найдено было даже возможнымъ остановить высадку японцевъ въ Бидзыво, хотя этотъ пунктъ былъ всѣмъ отлично извѣстенъ. Для этой остановки не потребовалось бы большихъ силъ, а между тѣмъ осада Артура была бы надолго отсрочена. Затѣмъ первоначально отправка войскъ на Дальній Востокъ производилась крайне медленно. Европейскіе корпуса стали отправлять только съ мая, а до того времени все формировали сибирскіе корпуса изъ резервныхъ частей, что отняло много времени и дало первоначально неподготовленныя войска. Въ отдѣльныхъ случаяхъ неподготовленность эта была парализована

блестящими дарованіями корпусныхъ командировъ (Стессель, Зарубаевъ), но не всѣ они оказались на высотѣ своего призванія. Формированіе 5-аго и 6-го сибирскихъ корпусовъ изъ резервныхъ бригадъ Казанскаго округа—фактъ и вовсе не объяснимый. Думаемъ, что правительство все хотѣло кому-то доказать, что Россія можетъ справиться съ Японіей силами одной Сибири и русскихъ восточныхъ губерній съ присылкой на помощь трехъ-четырехъ европейскихъ корпусовъ. Доказать мы, конечно, ничего не доказали а время потеряли, проигравъ вмѣстѣ съ тѣмъ и кампанію 1904 года. Затѣмъ удивительно, что кампанія велась *безъ стратегическаго резерва*, которому мѣсто было въ Мукденѣ (какъ для дѣйствующей арміи—въ Ляоянѣ), да и теперь (въ январѣ 1905 г.), есть ли у насъ такой резервъ? А безъ этого возможны ли, спокойныя и рѣшительныя дѣйствія арміи, необезпеченной отъ обхода и возстанія въ тылу враждебнаго туземнаго населенія? Еще удивительнѣе пристрастіе къ разнымъ доказавшимъ свою нераспорядительность и безталанность генераламъ: они продолжаютъ командовать важнѣйшими частями войскъ, проигрывая одно сраженіе за другимъ. Не называемъ именъ, такъ какъ въ арміи да и въ печати (не только заграничной но и русской) они хорошо извѣстны. Напомнимъ только. что сраженіе подъ Ляояномъ русская армія *выиграла*, а отступленіемъ (отъ полуразбитаго врага) мы обязаны (какъ теперь выяснено) вовсе не генералу Орлову, ошибка котораго (оставленіе янтайскихъ высотъ) была исправлена ген. Самсоновымъ. Въ памяти встаетъ Вафангоу и неудачная операція на нашемъ лѣвомъ флангѣ при Шахе... Наконецъ, что значатъ всѣ непонятные слухи о какомъ-то антагонизмѣ между главнокомандующимъ и военнымъ министерствомъ, будто-бы отказывающимъ въ присылкѣ подкрѣпленій для укомплектованія уже имѣющихся на театрѣ войны частей? Потери въ пѣхотѣ достигали послѣ битвы на Шахэ до 60% въ нижнихъ чинахъ и 70% въ офицерахъ. Пѣхота перегружена артиллеріей,

обозами, штабами. Ее необходимо пополнить, а вмѣсто этого посылаются *новыя части*, въ которыхъ никакой крайней нужды нѣтъ. Благодаря этому и нѣкоторымъ другимъ причинамъ, война затянулась и грозитъ затянуться еще на долгое время. Она потребуетъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ, она поглотитъ огромныя суммы. Что же мы получимъ въ результатѣ войны, даже если она окажется вполнѣ побѣдоносной?

Было бы въ высшей степени желательно и интересно, чтобы возражающіе противъ присоединенія къ Россіи новыхъ территорій, какъ результата войны, указали, въ чемъ же они видятъ цѣль войны, чего, по ихъ мнѣнію, Россія должна добиваться въ результатѣ войны? Должна уступить Корею и Квантунъ, а, можетъ быть, Сахалинъ и Владивостокъ Японіи, Манчжурію возвратить Китаю, подарить ему стоящую 500 милл. руб. желѣзную дорогу? Самой же, въ случаѣ побѣды, удовольствоваться одною славой? Или вовсе, не добиваясь побѣды, признать свое безсиліе и уступить Японіи все побережье Тихаго океана, уплативъ еще и приличную контрибуцію (Японцы требуютъ отъ 500 до 1000 милліоновъ рублей)? Надо же, наконецъ, выяснить, какой слѣдуетъ держаться намъ политики, чего добиваться, а не критиковать только прежнія дѣйствія правительства и упрекать его въ *прошлыхъ* ошибкахъ. Прошлаго не воротить, пусть укажутъ, какъ эти ошибки поправить, какъ выйти изъ нынѣшняго тяжелаго положенія, не раззоривъ окончательно внутренней Россіи, а не ограничиваются голословными возраженіями о ненужности для насъ земельныхъ богатствъ, о бѣдности нашей вслѣдствіе обилія у насъ земель, хотя это обиліе при всѣхъ нашихъ бѣдахъ до сихъ поръ одно только и спасало насъ отъ экономическаго банкротства.

Авторъ настоящихъ статей ставитъ вопросъ такъ. Мы вынуждены вести тяжелую и раззорительную войну, которой очень хотѣли, но не сумѣли избѣгнуть. Можетъ быть, она была и вызвана преждевременнымъ нашимъ движеніемъ на

Дальній Востокъ (хотя не слѣдуетъ забывать, что движеніэ это произошло *послѣ нападенія Японіи на Китай*; несомнѣнно начала Японія, а не Россія), можетъ быть, напротивъ, война была отсрочена вслѣдствіе этого преждевременнаго движенія, задержавшаго аггрессивную политику Японіи и заставившаго ее вести войну на манчжурской, а не на нашей территоріи (что для насъ выгоднѣе). Дѣло не въ томъ. Правы мы или виноваты,—мы имѣемъ дѣло съ фактомъ: идетъ кровопролитная и тяжкая (пока для насъ крайне неудачная) борьба съ сильнымъ и смѣлымъ народомъ, весьма многочисленнымъ и отлично вооруженнымъ, при томъ при несомнѣнномъ и почти открытомъ содѣйствіи вѣкового врага нашего—Англіи (можетъ быть, и Америки). Борьба носитъ расовый характеръ, почему мы видимъ на сторонѣ Японіи и китайцевъ, не смотря на недавнія еще воспоминанія о разгромѣ ихъ японцами, повлекшемъ за собою и дальнѣйшія бѣды для Китая, не смотря на притѣсненія и насилія японцевъ и въ нынѣшнюю войну и не смотря на гуманное обращеніе съ китайцами со стороны русскихъ. Сейчасъ, быть можетъ, рѣшаются судьбы азіатскаго материка и во всякомъ случаѣ судьбы Россіи, какъ державы (кромѣ европейской) и азіатской. А у насъ думаютъ, что борьба идетъ изъ-за ненужнаго намъ Квантуна или Южной Манчжуріи Вся наша дальнѣйшая жизнь, наша политика, и внутреняя и внѣшняя, выполненіе нашихъ задачъ, весь ходъ нашей исторіи зависятъ отъ совершающихся въ далекой Манчжуріи военныхъ дѣйствій. Въ теченіе одного 1904 года война стоила намъ свыше 600 милліоновъ рублей; въ 1905 году она грозитъ поглотить уже цѣлый милліардъ рублей, а если придется продолжать войну и дальше? Чѣмъ вознаградить народъ нашъ за такія колоссальныя затраты? Вѣдь если мы уступимъ Японіи, то мы не добьемся прочнаго мира, это твердо надо помнить: Японія расширитъ за нашъ счетъ свою территорію, приведетъ разстроеные войною финансы въ порядокъ (особенно, еслибы мы ей дали контрибуцію) и, полу-

чивъ преобладаніе въ Китаѣ, преобразовавъ его и вооруживъ, снова начнетъ борьбу противъ Россіи, чтобы окончательно изгнать ее изъ Азіи: Азія для азіатовъ. Эта мысль проводится уже въ Японіи и съ университетскихъ каѳедръ, и на страницахъ газетъ, и въ общественныхъ собраніяхъ; ею руководятся многіе японскіе государственные дѣятели. Да и удивляться здѣсь нечему! Всякому японцу ясно, что побѣжденная и отодвинутая отъ Великаго океана Россія не оставитъ своего пораженія безъ возмездія, соберется съ силами и снова ударитъ на врага, миръ будетъ только перемиріемъ. Японцы просто постараются насъ упредить. Итакъ, мы категорически утверждаемъ, что только рѣшительная русская побѣда можетъ обезпечить намъ прочный миръ, но чтобы миръ былъ дѣйствительно прочнымъ, необходима возможность правильной обороны нашей азіатской сухопутной и морской границы на случай новаго нападенія со стороны Японіи или Китая, а этого вовсе не такъ легко достигнуть.

Возможность прочнаго мира, конечно, не исключается и при другихъ обстоятельствахъ, именно если бы къ сознанію необходимости мира и даже *союза съ Россіей* пришла сама Японія. Тогда соглашеніе можно было бы выработать безъ особаго труда, съ сохраненіемъ и русскихъ, и японскихъ интересовъ, и съ сохраненіемъ взаимнаго престижа и Россіи и Японіи. Дѣло въ томъ, что борьба въ 1904 г. несомнѣнно была не рѣшительной. Ни русская, ни японская армія ни разу разбиты не были. Отступленіе арміи послѣ битвы при Ляоянѣ произошло, какъ извѣстно, послѣ одержанной русскими нерѣшительной побѣды и послѣ сравнительно ничтожныхъ потерь. Бой на Шахе былъ совершенно нерѣшительный и не закончился даже нашимъ или японскимъ отступленіемъ. Артуръ палъ, но палъ, послѣ геройскаго сопротивленія и неслыханныхъ потерь японской арміи (не менѣе 100,000 человѣкъ). Безусловное пораженіе понесли мы только на морѣ, но на морѣ мы никогда никакого престижа

и не имѣли. Слѣдовательно, и Россія и Японія могутъ признать, что борьба между ними безполезна и не стоитъ по возможнымъ результатамъ тѣхъ затратъ, которыя на нее надо будетъ произвести. А отсюда одинъ только шагъ для заключенія почетнаго мира. Условія этого мира въ слѣдующемъ, какъ ихъ отчасти предлагаетъ и *японская оффиціальная пресса* (если исключить нелѣпое требованіе объ уступкѣ Сахалина, отказѣ Россіи держать на Дальнемъ Востокѣ болѣе 10 военныхъ судовъ, признаніи Приморской области независимой и уплатѣ контрибуціи): 1) Россія уступаетъ Китаю Южную Манчжурію и Квантунъ. взамѣнъ чего получаетъ Сѣверную Манчжурію, Монголію и Восточный Туркестанъ (части которыхъ нами уже и теперь заняты), 2) Южная вѣтвь Восточно-Китайской желѣзной дороги съ Дальнимъ и Восточно - Китайскимъ пароходствомъ выкупаются по ихъ дѣйствительной стоимости (таковая равняется 130 мил. руб.) образованнымъ для этой цѣли акціонернымъ обществомъ или китайскимъ правительствомъ, 3) Квантунъ съ Артуромъ и Дальнимъ уступается Китаемъ Японіи на тѣхъ же началахъ, какъ онъ былъ уступленъ Россіи, 4) Корея поступаетъ подъ протекторатъ Японіи, но безъ права устраивать тамъ крѣпости и укрѣплять порты, 5) Дальній, Артуръ, Фузанъ, Мозампо, Инкоу и Шанхай-Гуань становятся открытыми портами, и Россія пользуется въ нихъ правами наиболѣе благопріятствуемой державы, 6) Захваченное обоими сторонами правительственное и частное имущество въ ознаменованіе установленія дружественныхъ отношеній между Россіей и Японіей возвращается взаимно обратно, 7) Немедленно по заключеніи мира дипломатія обѣихъ сторонъ обязана выработать между ними условія *союзнаго договора.*

Мы думаемъ, что миръ на такихъ условіяхъ былъ бы гораздо болѣе выгоднымъ и для Японіи и для Россіи, чѣмъ продолженіе кровопролитной и тяжкой борьбы. Японія сохранила бы свою армію и флотъ, пріобрѣла бы Корею и

Квантунъ, важные для ея торговыхъ цѣлей, упрочила бы вліяніе въ Китаѣ, получила бы возможность распространенія въ сторону Филиппинъ и Австраліи. Россія взамѣнъ ненужнаго Квантуна и опасной въ смыслѣ возможнаго изъ-за нея въ будущемъ столкновенія съ Китаемъ Южной Манчжуріи получила бы прекрасныя незаселенныя степи Монголіи, богатѣйшій В. Туркестанъ, упрочила бы свою стратегическую границу съ Китаемъ, спрямивъ ее и проведя по горнымъ хребтамъ, обезпечила бы владѣніе желѣзной дорогой, соединяющей Сибирь съ Владивостокомъ, получила бы вознагражденіе за Южную Манчжурскую дорогу и избавилась бы отъ расхода по ея охранѣ и экспоатаціи. *Коммерческіе* выходы для великаго сибирскаго пути остались бы *международными* и они съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ оказались бы не только въ Дальнемъ или Шанхай-Гуанѣ, но и въ Таку и Шанхаѣ. Военный портъ остался бы во Владивостокѣ, другой могъ бы быть въ Николаевскѣ, и мы обратили бы, наконецъ, вниманіе на Японское и Охотскоо моря, на Приамурскую и Приморскую богатѣйшія области вмѣсто увлеченія Желтымъ моремъ и Манчжуріей. Выходы къ Тихому океану есть у насъ и теперь, только мы не умѣемъ ими пользоваться. Гораздо необходимѣй намъ не незамерзающіе порты Манчжуріи или Кореи, *а выходъ въ Индійскій океанъ*. Собранныя теперь силы на Дальнемъ Востокѣ было бы поэтому всего цѣлесообразнѣе употребить какъ угрозу противъ Англіи, вѣчно мѣшающей нашему поступательному движенію. Для среднеазіатскихъ нашихъ владѣній выходъ необходимъ: онъ въ Персіи, съ которой, также какъ и съ Японіей, но на другихъ началахъ, необходимо заключить союзъ и создать желѣзную дорогу отъ русскихъ границъ къ портамъ Персидскаго залива. И напрасно думаютъ, что «престижъ» нашъ могъ бы упасть отъ такого соглашенія съ Японіей. Напротивъ, онъ сильно поднялся бы къ ужасу Западной Европы, которая въ этомъ случаѣ пожала бы плоды

своей эгоистической политики. Наше соглашеніе улучшило бы и отношеніе Россіи къ Китаю. Монголія и В. Туркестанъ Китаю ни на что не нужны, китайцевъ тамъ нѣтъ и это области, находящіяся отъ Китая, въ номинальной зависимости, столь же для нея мало интересныя, какъ и отошедшій въ свое время къ намъ Пріамурскій Край. Южная Манчжурія же другое дѣло. Ея зависимость была не номинальной, населена она очень густо окитаеннымъ населеніемъ, здѣсь священный для китайцевъ Мукденъ и императорскія могилы. Изъ-за Южной Манчжуріи столкновеніе съ Китаемъ въ будущемъ неизбѣжно.

Если однако Японія не согласится заключить миръ и союзъ на указанныхъ нами условіяхъ (которыя есть *предѣлъ* русскихъ уступокъ, дальше которыхъ идти невозможно), прійдется вести борьбу до рѣшительной нашей побѣды. Возможна ли такая побѣда? По счастью, есть всетаки полное основаніе на нее разсчитывать. Во первыхъ, матеріально мы уже сейчасъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ началѣ войны: мобилизировано семь мѣстныхъ (включая восточный отрядъ и войска Владивостокскаго округа) корпусовъ и семь (1, 4, 8, 10, 16, 17 и 5 стрѣлковыхъ бригадъ) европейскихъ; отправляются въ ближайшемъ будущемъ еще три европейскихъ корпуса, и это число войскъ легко можетъ быть увеличено;—есть уже горная скорострѣльная артиллерія (ея, однако, мало, и для наступательной войны придется увеличить ее, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза противъ нынѣ заготовленнаго количества орудій), – прибыли гаубицы и мортиры, улучшено снаряженіе войскъ,—самыя войска обучились въ бояхъ горной войнѣ,—привыкла къ новымъ орудіямъ артиллерія,—готовъ полевой воздухоплавательный паркъ, улучшена саперная часть,—введено много техническихъ усовершенствованій въ военно-инженерномъ дѣлѣ. Во-вторыхъ, самыя войска обнаружили рѣдкое мужество, а многіе вожди и выдающееся искусство. Блестящая оборона Квантунскаго полуострова и Портъ-Артура войсками,

руководимыми генералами Кондратенко (увы! нынѣ покойнаго), Стесселемъ, Фокомъ, Смирновымъ, Никитинымъ, вызываетъ общее восхищеніе даже со стороны нашихъ враговъ. Побѣда ген. Зарубаева подъ Дашичао (которой не использовали вслѣдствіе одновременнаго недоразумѣнія на Хайченской позиціи), оборона тѣмъ же выдающимся генераломъ ляоянскихъ позицій и его отступленіе за рѣку безъ утраты даже тяжелыхъ орудій, блестящія дѣйствія дивизій генераловъ Каштalинскаго, Гернгроса и Кондратовича,— чисто-эпическая защита спѣшенными кавалерійскими отрядами ген. Самсонова янтайскихъ высотъ, а затѣмъ восточнаго фронта отступающей нашей арміи,—не менѣе блестящія дѣйствія въ авангардѣ при наступленіи и аріергардѣ при отступленіи отрядовъ генераловъ Мищенко и того же Самсонова,—эти лучшія страницы нашей новой военной исторіи позволяютъ смѣло смотрѣть въ глаза будущему и не терять надежды на побѣду. Есть еще. значитъ, надежда, что изъ среды арміи выступятъ настоящіе таланты, если имъ дадутъ ходъ. Командующій арміей генералъ Куропаткинъ пользуется общимъ довѣріемъ и высокимъ авторитетомъ даже за границей, въ его распоряженіи есть самыя выдающіяся силы, необходимыя именно для современной войны. Назовемъ для примѣра превосходнаго артеллерійскаго генерала Н. І. Иванова, блестящаго военнаго инженера проф. Величко и ген.-лейт. Случевскаго, которому русская армія обязана правильной постановкой у насъ сапернаго дѣла и разработкой многихъ важныхъ военно-техническихъ вопросовъ. Теперь образовано уже три отдѣльныхъ арміи, и во главѣ ихъ поставлены выдающіеся по общимъ отзывамъ генералы (Линевичъ, Каульбарсъ, Гриппенбергъ) Не всѣ вожди, можетъ быть, и прекрасные для условій мирнаго времени, оказались на своемъ мѣстѣ въ бою. Это и неудивительно, и неизбѣжно, но вполнѣ поправимо. Шансы на успѣшный исходъ для насъ борьбы на сухопутномъ театрѣ войны, несомнѣнно, есть. Всего

хуже было бы для насъ, если бы японцы, прекративъ наступленіе противъ нашей арміи, ограничились обороной занятыхъ ими Кореи и Ляодуна, — вытѣсненіе ихъ оттуда стоило бы намъ чрезмѣрныхъ усилій при условіи цѣлости ихъ армій и поддержки флота. Поэтому совершенно основательно указывалось въ печати на необходимость угрозы Японіи со стороны нашего флота. Только эта угроза можетъ заставить японцевъ отозвать свою армію съ материка (если она не будетъ разбита) или, напротивъ, продолжать вести наступательную кампанію (гораздо для насъ болѣе выгодную и обѣщающую конечное пораженіе японской арміи). Однако, флота-то именно у насъ и нѣтъ. Указываютъ на возможность борьбы съ помощью флота подводнаго, и спорить противъ этого ие приходится. Но надо удивляться, почему же у насъ нѣтъ до сихъ поръ такого флота, хотя уже прошелъ годъ со времени объявленія войны, и его можно было бы создать. Еще удивительнѣе, что подводныхъ лодокъ до сихъ поръ не было и у японцевъ, столь падкихъ на все новое. Дѣйствительно-ли современный подводный флотъ практически осуществимъ, не есть-ли это дѣло еще будущаго, хотя бы и недалекаго? Нельзя останавливаться ни передъ какими затратами, чтобы создать подобный флотъ, Россіи это болѣе необходимо, чѣмъ какому-либо другому государству, ибо мы ни на кого не нападаемъ и не думаемъ о нападеніяхъ, но обороняемся, и лучшаго оборонительнаго оружія для пустыннаго нашего побережья Тихаго океана не возможно придумать: мы были бы навсегда обезпечены тамъ отъ возможныхъ въ будущемъ военныхъ авантюръ Японіи, а со временемъ (кто знаетъ?), можетъ быть, и Америки. Но и при невозможности создать подводный флотъ, не все еще потеряно. Мы имѣемъ въ рукахъ средство заставить Японію спѣшить покончить съ войной, пока путь отступленія съ моря, еще не отрѣзанъ,—это балтійская наша эскадра, одна *возможность* отправки которой

заставляетъ японцевъ напречь всѣ усилія, чтобы разгромить нашу армію до подхода флота.

Въ свое время еще *до отправки эскадры адм. Рожественскаго* авторъ этой книги указывалъ въ печати [1]) на полную несостоятельность выхода эскадры въ столь слабомъ видѣ сравнительно съ японскимъ флотомъ и настаивалъ на обожданіи, пока будутъ готовы новыя суда, особенно броненосныя. «Кромѣ того,» писали мы: «въ эллингахъ Балтійскаго завода и новаго адмиралтейства сооружаются два огромныхъ броненосца («Андрей Первозванный» и «Павелъ I»), 16,000 тоннъ вмѣстимости, какихъ нѣтъ у японцевъ, затѣмъ на томъ же и на другихъ заводахъ—рядъ крейсеровъ и миноносцевъ. Ихъ надо во что бы то ни стало окончить въ ближайшемъ будущемъ, и это возможно, если работы производить днемъ и ночью, увеличивъ комплектъ рабочихъ путемъ найма ихъ на лучшихъ заграничныхъ заводахъ. Всѣ необходимыя для строящихся судовъ части могутъ быть заказаны за границей же на разныхъ заводахъ (для ускоренія исполненія заказовъ), и только собраны въ Петербургѣ. Миноносный и подводный флотъ можно было бы получить изъ-за границы въ готовомъ видѣ при посредствѣ дружественныхъ балканскихъ государствъ, не объявлявшихъ о своемъ нейтралитетѣ. Можетъ быть, и пріобрѣтеніе даже крупныхъ готовыхъ уже военныхъ судовъ при посредствѣ тѣхъ же государствъ не представилось бы совершенно невозможнымъ. Экипажъ можно было бы получить съ, въ сущности, ненужныхъ многочисленныхъ учебныхъ и старыхъ судовъ балтійскаго флота и съ судовъ флота черноморскаго. (А нельзя ли сдѣлать попытку отправить изъ Чернаго моря три имѣющихся тамъ годныхъ для дальняго плаванія броненосца?). Если только все это возможно, то обожданіе съ отправкой балтійской эскадры имѣетъ очень

---

1) *Русь* № 280 (21 сент. 1904 г.)

большое значеніе,—посылать же часть ея для разгрома японцами—значило бы разъ на всегда отказаться отъ надежды морской побѣды надъ Японіей. Война рѣшится, конечно, на сухомъ пути, но поддержка съ моря сильно упростила и облегчила бы задачу нашей сухопутной арміи». На слова наши, конечно, никто не обратилъ вниманія, и эскадра Рожественскаго двинулась въ путь неготовая, въ слабомъ составѣ. По уходѣ ея рабочіе съ заводовъ были отпущены, и изготовленіе новыхъ боевыхъ судовъ и приведеніе въ порядокъ старыхъ прекратилось. Тогда выступилъ со своими горячими статьями Н. Л. Кладо, гдѣ было указано то же, что и нами, но настаивалось на немедленной отправкѣ въ подкрѣпленіе Рожественскому старыхъ судовъ Балтійскаго флота. Статьи г. Кладо имѣли огромный заслуженный успѣхъ, и за сооруженіе флота горячо принялись. Однако, эскадра Рожественскаго отозвана не была впредь до ея усиленія и дѣло нашего флота осталось поставленнымъ на карту, посылка его изъ *впрной угрозы* стала рискованнымъ и совершенно ненадежнымъ предпріятіемъ. И это настоятельно необходимо поправить.

Итакъ, если побѣда возможна, то, несомнѣнно, борьбу надо вести до конца. Но что же будетъ результатомъ этой борьбы, которая уже потребовала и еще больше потребуетъ столь громадныхъ усилій и затратъ? Мы прямо указали, что свести эти результаты къ нулю т. е. возвратиться къ statum quo ante bellum—значило бы совершенно разорить внутреннюю Россію, о чемъ, вѣроятно, и хлопочутъ разные «радѣтели» русскаго народа, предлагающіе уступить Японіи или Китаю занятыя нами земли. Уступка эта означала бы даромъ брошенные сотни милліоновъ, а, можетъ быть, и милліарды рублей и десятки тысячъ человѣческихъ жизней, потерю русскаго политическаго престижа и безконечныя войны съ Китаемъ и Японіей въ будущемъ. Оказалось бы, что мы вели войну ради самой войны, а вовсе не защищали свои интересы отъ напора желтой расы, которыхъ у насъ, будто бы, и нѣтъ на Дальнемъ Востокѣ.

Смѣемъ думать, однако, что это не вѣрно, что интересы, и очень большіе, есть, хотя можно было бы и подождать съ ихъ осуществленіемъ, если бы не затѣянное Японіей нашествіе. Россіи, какъ и другимъ государствамъ, нужны новыя свободныя и плодородныя земли вовсе не какъ рынокъ для сбыта своихъ произведеній (мы вѣдь торгуемъ только сырьемъ), а для направленія туда избытковъ населенія изъ внутреннихъ областей (рынокъ могутъ составить и чужія области). Со временемъ, когда новыя области заселятся и разовьются экономически, онѣ поглотятъ и массу продуктовъ обрабатывающей нашей промышленности (которая не всегда же будетъ въ застоѣ, да застой этотъ и теперь чрезмѣрно преувеличивается), давъ съ своей стороны рядъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Эти свободныя земли мы находимъ, какъ уже сказано выше, въ Восточномъ Туркестанѣ, Монголіи и Сѣверной Манчжуріи. Области эти почти незаселены, малочисленное населеніе ихъ находится на самой низкой степени культуры и стонетъ подъ гнетомъ владычества разныхъ хановъ, князей, эмировъ или китайскихъ чиновниковъ. Зависимость ихъ отъ Китая—чисто номинальная, китайскаго населенія тамъ нѣтъ вовсе. Присоединеніе къ Россіи такихъ областей было бы для ихъ туземнаго населенія истиннымъ благодѣяніемъ уже вслѣдствіе одного избавленія ихъ отъ произвола мѣстныхъ «владыкъ», не говоря уже объ извѣстной культурѣ, всюду нами вносимой въ Азіи, чего не отрицаютъ даже враги наши. Изъ-за этихъ областей именно не возможно столкновеніе съ кѣмъ бы то ни было. Онѣ нужны *только намъ* и больше никому, всего менѣе тому же Китаю. Съ другими же государствами эти области и не граничатъ: мы ихъ единственные сосѣди. И намъ возражаютъ, что такое присоединеніе этихъ въ сущности никому непринадлежащихъ пустынныхъ областей «имморально»! Почему? Нарушаются, должно быть, интересы и права всѣхъ этихъ хановъ, эмировъ и т. д., въ защиту которыхъ и возстаютъ въ сущности наши политики.

Однако, всѣ культурныя государства (Англія и Франція особенно) поступаютъ именно такъ, богатѣютъ сами отъ такой политики и обогащаютъ и вносятъ культуру въ дикія страны, ими занятыя. Для нихъ это «морально», для насъ—«имморально», должно быть не доросли. Нѣкоторые «патріоты» наши, конечно, сейчасъ же заговорятъ о хищничествѣ Англіи, о разореніи (якобы) ею Индіи и Египта, но эти анекдоты пора бы оставить. И Индія, и Египетъ, и всѣ другія англійскія колоніи въ настоящее время процвѣтаютъ подъ англійскимъ владычествомъ, они получили культуру, образованіе, свободу личности и слова отъ англичанъ, ихъ финансы въ блестящемъ состояніи, періодъ ломки прежнихъ экономическихъ порядковъ, вызывавшей гибельныя для населія послѣдствія, давно уже прошелъ, и, если недовольство англичанами есть, то его причина: колоніи окрѣпли, чувствуютъ силу и самостоятельность и мечтаютъ объ отдѣленіи отъ метрополіи. У насъ, при связанности территоріи, это невозможно, да и политика наша въ обращеніи съ инородцами гораздо мягче англійской. Но присоединенія новыхъ областей мы всегда боялись и больше всего именно, чтобы не нарушить правъ какого-нибудь восточнаго владыки. Когда М. Г. Черняевъ взялъ Ташкентъ (въ 1860-хъ годахъ), петербургскіе политики и дипломаты отказывались присоединить его къ Россіи и требовали, чтобы населеніе выбрало себѣ хана и управлялось какъ самостоятельное государство. Однако, туземцы категорически заявили, что больше всего на свѣтѣ они боятся именно разныхъ хановъ, рады, что наконецъ отъ таковыхъ избавлены и не намѣрены сами же снова лѣзть въ петлю. Ташкентъ былъ присоединенъ къ Россіи. Обѣднѣла ли она отъ этого, пострадали ли туземцы? Имъ ли лучше живется, или хивинцамъ, а тѣмъ болѣе афганцамъ? Мервъ самъ вступилъ въ русское подданство, тоже было съ Кульджею (которую мы все-таки отдали Китаю), о русскомъ подданствѣ неоднократно молило измученное населеніе всѣхъ ханствъ Восточ-

наго Туркестана, находящагося подъ номинальной властью Китая. Конечно, не всѣ китайскія области, лежащія за Великой стѣною, могутъ быть присоединены къ Россіи,—границу нашу съ Китаемъ такъ надо провести, чтобы она обезпечивала намъ наиболѣе успѣшную оборону отъ возможнаго въ будущемъ нашествія китайцевъ. Теперь у насъ этой границы съ Китаемъ—нѣтъ, и Россія совершенно открыта для китайскаго нападенія. Великая стѣна даетъ прекрасную этнографическую и даже отчасти естественную границу (пустыни, горные хребты), граница Восточнаго Туркестана опредѣляется горными хребтами. Все это надо точно и подробно изслѣдовать. Говорятъ иногда, будто присоединеніе этихъ областей можетъ вызвать войну. Съ кѣмъ?

Гораздо хуже дѣло обстоитъ съ Кореей и Южной Манчжуріей. Обѣ эти области густо заселены мѣстнымъ населеніемъ, нашимъ переселенцамъ сюда хода быть не можетъ,—какъ рынки сбыта нашихъ продуктовъ онѣ слишкомъ удалены отъ нашихъ промышленныхъ районовъ. Значеніе этихъ областей для насъ чисто стратегическое, а для будущаго важно, что здѣсь выходъ нашей Сибирской желѣзной дороги къ незамерзающимъ портамъ. Корея, фактическій протекторатъ надъ которой былъ бы совершенно для насъ достаточенъ, можетъ дать эти выходы и безъ Южной Манчжуріи, и, если только возможно провести естественную границу Сѣверной Манчжуріи отъ Южной (а мы думаемъ, что это вполнѣ возможно, по желѣзной дорогѣ приблизительно начиная отъ станціи Іомане по парелели жел. дороги отъ Харбина на Владивостокъ), быть можетъ, было бы благоразумнѣе послѣднюю возвратить Китаю въ обмѣнъ на указанныя нами выше области. Желѣзная дорога могла бы быть въ этомъ случаѣ уступлена иностранной компаніи, стать международнымъ предпріятіемъ и подъ международной защитой. Еслибы Японія согласилась на миръ безъ дальнѣйшей борьбы, протекторатъ надъ Кореей могъ бы быть уступленъ Японіи. Квантунъ

ни на что намъ не нуженъ, и было бы нелѣпо изъ-за него вести какую-либо борьбу, тѣмъ болѣе отымать обратно Артуръ. Въ сущности онъ не нуженъ и Японіи, но это ужъ ея дѣло.

Но чтобы новыя земли не легли новымъ бременемъ на внутреннюю Россію, чтобы онѣ могли окупить сдѣланныя на ихъ пріобрѣтеніе затраты и затраты по ихъ военной охранѣ (сухопутной арміей и флотомъ),—чтобы эти области не оставались пустынными и потому беззащитными противъ наплыва со стороны тѣхъ же японцевъ и китайцевъ,—необходима *громадная творческая работа*. Нельзя присоединить области да такъ ихъ и оставить на произволъ судьбы. Съ обломовщиной пора кончить. Пора оставить одну брюзжащую безсильную критику, говорить, что намъ надо отдохнуть, собраться съ силами. Отдыхать некогда. Другіе народы не дремлютъ, не знаютъ отдыха въ работѣ, мы отстаемъ все болѣе и болѣе. Нуженъ большой трудъ всего населенія, нужно творчество. Не слѣдуетъ забывать, что народъ нашъ въ общемъ очень трудолюбивъ и дѣятеленъ, но ему часто негдѣ приложить свой трудъ, часто онъ не знаетъ, какъ этотъ трудъ приложить. Безъ дѣла сидитъ часто и многочисленная «интеллигенція» наша, обивая пороги правительственныхъ мѣстъ и добиваясь казенной, грошами оплачиваемой, службы; среди другихъ такихъ лицъ, не находящихъ примѣненія своему труду, есть много и со спеціальными знаніями и образованіемъ. Есть у насъ и капиталы (хотя это многіе и отрицаютъ самымъ забавнымъ образомъ, намъ приходилось читать подобныя вещи даже въ оффиціальныхъ органахъ нашего министерства финансовъ), которыхъ также не знаютъ ихъ владѣльцы, куда помѣстить и которые часто попадаютъ въ руки спекулянтовъ, не говоря уже о чрезмѣрно развитомъ у насъ барышничествѣ. А между тѣмъ самаго важнаго и полезнаго дѣла вокругъ не обобраться. Нѣтъ школъ, нѣтъ дорогъ, исчезли лѣса, гибнутъ рѣки, засыпаются пескомъ плодородныя земли, другія земли и вовсе

лежатъ втуне, безъ обработки, нуждаясь въ орошеніи или осушеніи, нѣтъ народнаго кредита. Изъ заграницы везутъ къ намъ и хлопокъ, и чай, и шелкъ, и шерсть, и кожи, и сало, и пчелиный воскъ и всевозможныя издѣлія. А огромныя пространства земли, захваченной нами, и пустынныхъ областей, примыкающихъ къ нашей территоріи, стоятъ безъ обработки, ждутъ рабочихъ рукъ и капиталовъ, которымъ нѣтъ примѣненія во внутренней Россіи. Это какой-то заколдованный кругъ, который созданъ нашей трусостью передъ радикальной и широкой постановкой творческихъ задачъ. Какъ возставали у насъ противъ привлеченія изъ-за границы капиталовъ въ промышленныя предпріятія. Какъ энергически возражали противъ нашей мысли о необходимости привлечь эти капиталы, не взирая на войну, съ помощью спеціальныхъ банковъ, для оказанія помощи нашему сельскому хозяйству и промышленности, о необходимости строить желѣзныя дороги и шоссе, облѣсять пески, упорядочивать водные пути, расширить хлопковую площадь и т. д.! Утверждали даже, будто бы авторъ этой книги рекомендуетъ вести войну не съ помощью займовъ (а на счетъ какихъ-же рессурсовъ?), хотя я рекомендовалъ для войны внутренніе займы, ибо по внѣшнимъ военнымъ займамъ намъ нечѣмъ будетъ платить, и, если своихъ капиталовъ для войны у насъ не хватаетъ, то слѣдуетъ увеличить ихъ количество путемъ привлеченія изъ-за границы-же, но для производительныхъ предпріятій, которыя могутъ окупить займы. Возможенъ и внѣшній военный заемъ, если цѣль войны—пріобрѣтеніе богатыхъ новыхъ территорій, доходъ которыхъ можетъ этотъ заемъ оплатить. Мы указывали, что Восточный Туркестанъ, Персія и Монголія, при проведеніи тамъ желѣзныхъ дорогъ, организаціи переселеній и нѣкоторыхъ другихъ мѣропріятіяхъ, могутъ въ ближайшемъ же будущемъ избавить насъ отъ привоза иностранныхъ сырыхъ продуктовъ ежегодно на 150 милл. руб., слѣдовательно, дать сумму, доста-

точную для оплаты даже 3.000 милл. руб. заграничныхъ займовъ.

Творческія задачи государства по подъему народнаго благосостоянія нами неоднократно указывались, и ихъ можно осуществить единственно съ помощью государственнаго кредита. У насъ-же кричатъ, что прежде всего намъ нужны народныя школы, всеобщее обязательное начальное обученіе дѣтей, а прочее будто бы приложится само собою. А сколько для этого надо ждать? Да и приложится ли, если не принять и другихъ мѣръ? Да и гдѣ-же думаютъ изыскать средства на школы, если народъ будетъ попрежнему оставленъ безъ земли, безъ кредита, безъ дорогъ, безъ переселенческихъ банковъ, безъ промышленныхъ предпріятій, безъ возможности приложить свой трудъ? Доказывать пользу всеобщаго государственнаго обязательнаго обученія (мѣра чрезвычайно важная и въ политическомъ отношеніи при отсутствіи однородности нашего населенія,—школа сплотила бы его и объединила)—значить ломиться въ открытыя двери. Кто-же возражаетъ? Какую, подумаешь, новость, сообщаютъ на столбцахъ газетъ! А вотъ какъ на эти школи изыскать средства, объ этомъ не думаютъ и, не вникая въ сущность кредитныхъ и налоговыхъ операцій, возражаютъ противъ возможности изысканія этихъ средствъ, когда ихъ указываютъ спеціалисты. О колоссальной нашей заграничной задолженности забываютъ, иногда утверждаютъ, будто она—результатъ нашей завоевательной политики. Безъ снятія съ народа нашего этой мертвой петли заграничнаго долга, что возможно только при созданіи крупнаго активнаго разсчетнаго баланса), не можетъ быть рѣчи о нашемъ экономическомъ прогрессѣ, а для этого необходимо промышленное развитіе страны, увеличеніе отпуска (конечно, сырья, которое отпускаетъ и Америка, справившаяся этимъ путемъ со своимъ внѣшнимъ долгомъ), уменьшеніе привоза (уменьшить привозъ сырья, особенно хлопка, легче, чѣмъ издѣлій, ко-

торыхъ и теперь ввозится очень не много), сокращеніе непроизводительныхъ расходовъ заграницей нашихъ туристовъ. Какъ любопытную справку можно привести фактъ, что со времени свободнаго открытія границы (съ 1858 г.) вывезено нашими туристами minimum три милліарда рублей, не считая процентовъ на этотъ капиталъ,—сумма нашей государственной внѣшней задолженности въ настоящее время. Однако у насъ ни внѣшней задолженности, ни пассивному балансу Россіи не придаютъ никакого значенія, высмѣивая этотъ вопросъ и по невѣжеству смѣшивая заботы о развитіи производительныхъ силъ съ забытыми идеями меркантилизма. Стоило намъ сказать, что хотя бы на время тяжкой опасной войны, требующей напряженія всѣхъ нашихъ силъ и экономическихъ рессурсовъ, слѣдовало бы ограничить заграничныя увесилительныя поѣздки или ихъ обложить крупнымъ налогомъ, какъ стали кричать о стѣсненіи желающей учиться заграницей молодежи, которой негдѣ учиться дома, стѣсненіи свободы передвиженія, о невозможности дома лѣчиться (какъ будто бы заграничныя путешествія даютъ здоровье! Это уже и медицина теперь отрицаетъ, да и во всякомъ случаѣ заграничное лѣченіе—привеллегія только богатыхъ классовъ) и т. д. Мы именно указывали на ничтожное число учащихся (всѣхъ, а не одной только молодежи) сравнительно съ развлекающимися заграницей, подчеркнули ничтожность расходовъ этихъ учащихся и настаивали, при общемъ ограниченіи заграничныхъ поѣздокъ, сдѣлать именно исключеніе для научныхъ цѣлей и для цѣлей торгово-промышленныхъ. Но возрожающіе торопятся взять подъ свою защиту учащуюся молодежъ, которую будто бы профессоръ, самъ учившійся за границей и посылающій туда съ этою же цѣлью своихъ учениковъ, хочетъ лишить просвѣщенія и общенія съ культурнымъ Западомъ. Кстати и опредѣленная нами цифра расходовъ нашихъ туристовъ въ 100 милл. рублей ежегодно (и ни въ какомъ случаѣ не

менѣе 70 милл. руб.) обращается произвольно въ 60 милл. руб.,—разница не малая...

Всякое дѣло, всякое предпріятіе должно имѣть свою опредѣленную цѣль, тѣмъ болѣе такое дорогое и рискованное, какъ война. Войска, которыя теперь съ такимъ мужествомъ и самоотверженіемъ бьются на Дальнемъ Востокѣ за честь и интересы Россіи, должны твердо знать, въ чемъ же эти интересы. Армія наша, конечно, увѣрена, что она отстаиваетъ присоединеніе къ Россіи новыхъ земель, необходимыхъ намъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ,—что эти земли достанутся обезземеленнымъ рускимъ крестьянамъ,—тѣмъ же борющимся солдатамъ или ихъ дѣтямъ. Увѣрять, что мы бьемся изъ-за территорій, ни на что намъ ненужныхъ, изъ-за какихъ-то правительственныхъ ошибокъ, изъ-за какой-то призрачной славы или никому невѣдомаго принципа,—значитъ отнимать у войска бодрость духа и заранѣе обрекать борьбу на неудачу. Да, новыя территоріи нужны. Въ томъ-то и великій смыслъ нынѣшней войны, что ею окончится завоевательный періодъ исторіи нашей: дальше намъ идти некуда и незачѣмъ. На всю будущую историческую жизнь русскаго народа мы имѣемъ возможность теперь пріобрѣсти мѣсто для экономическаго и политическаго преуспѣянія этого народа,—получить и выходы къ незамерзающимъ морямъ (хотя бы политически эти выходы и остались въ чужихъ рукахъ, коммерческій выходъ для нашего Сибирскаго пути долженъ быть во всякомъ случаѣ обезпеченъ). Вотъ почему мы неразрывно съ вопросомъ о расширеніи нашихъ владѣній въ Средней Азіи категорически связываемъ и вопросъ о выходѣ къ Индійскому океану, о чемъ нѣтъ теперь и не можетъ быть спора съ Японіей. Этотъ выходъ—единственно въ Персіи, и вопросъ о политическомъ и таможенномъ союзѣ съ этимъ государствомъ въ связи съ постройкой русской желѣзной дороги къ Персидскому заливу долженъ быть поставленъ сейчасъ-же за окончаніемъ японской войны, или, еще лучше, не ожидая

этого окончанія. Безъ этого и теперешнія наши владѣнія въ Закавказьѣ и Западномъ Туркестанѣ очень теряютъ въ своемъ экономическомъ значеніи. Покончивъ разъ навсегда со своей расширительной политикой, Россія можетъ перейти исключительно къ *своимъ внутреннимъ дѣламъ*, обезпечивъ только надлежащую военную оборону своихъ новыхъ и старыхъ владѣній. Чтобы это обезпеченіе дѣйствительно было полнымъ и прочнымъ, нужна именно большая и серьезная работа въ области внутреннихъ экономическихъ и политическихъ реформъ. Ничего изъ новыхъ и старыхъ владѣній нашихъ нѣтъ у насъ лишняго и ненужнаго, но многое, къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ пренебреженіи, по нашей бѣдности или невѣжеству. Богатѣйшія залежи каменнаго угля и нефти на Сахалинѣ остаются безъ разработки, а флотъ на Дальнемъ Востокѣ получаетъ уголь изъ Кардифа. Рыбныя богатства того-же Сахалина, Командорскихъ острововъ, Амура, Камчатки едва початы и истребляются хищнически (а мы на десятки милл. рублей покупаемъ сельдей изъ-за границы). Колоссальныя лѣсныя богатства Сѣверной Сибири даже не описаны, а не только не эксплоатируются, падаетъ охотничій промыселъ и оленеводство. Золотыя розсыпи Сибири, Камчатки и Манчжуріи, по богатству однѣ изъ лучшихъ въ мірѣ, разрабываются очень слабо и безъ надлежащихъ капиталовъ. Манчжурія, Приамурскій край, часть Монголіи могли-бы дать новыя дѣвственныя земли для пахоты, другія части Монголіи, Манчжуріи, Семипалатинская и Семирѣченская области— для обширнаго возрожденнаго скотоводства, Западный и Восточный Туркестанъ, равно Закавказье и Персія вполнѣ пригодны для разведенія хлопка, шелку, джуты, а отчасти и чая. Нужны только капиталы и рабочія руки. Но рабочихъ рукъ у насъ не занимать стать, ихъ можно привлечь изъ Европейской Россіи, дайте только имъ умѣлую администрацію, школы, а, главное, кредитъ. Дешевый западноевропейскій капиталъ съ охотою будетъ вложенъ въ наши колоніальные

и промышленные банки или непосредственно въ хлопковыя предпріятія, куда дадутъ охотно деньги хотя-бы затѣмъ, чтобы избавиться отъ хлопковаго голода, отъ вѣчной угрозы Америки. Переселенцы возможны не только изъ Россіи (но и изъ Россіи количество ихъ доходитъ уже до 400—500 тысячъ человѣкъ, цыфра не малая!). Мы имѣемъ нѣкоторыя обязанности и передъ нашими братьями славянами, толпами переселяющимися теперь въ Америку — Сѣверную и Южную изъ Австріи, Пруссіи и... изъ Россіи же. Было бы безконечно желательнѣе въ нашихъ и вообще славянскихъ интересахъ направить этотъ переселенческій потокъ въ наши новыя владѣнія,—на Средній и Дальній Востокъ, для ихъ скорѣйшаго заселенія. Внесенная ими новая культура была бы примѣромъ и для многихъ нашихъ поселенцевъ изъ внутреннихъ губерній. Мы ничего не потеряли бы даже, если бы предложили переселяться на Востокъ и германцамъ,—безъ особыхъ, конечно, для нихъ льготъ сравнительно съ русскими (какъ это практиковалось прежде), но также при благожелательномъ отношеніи правительства. Новыя области быстро заселились бы и процвѣли, составивъ прочный оплотъ противъ вторженія монгольской возрождающейся расы. Только такой живой оплотъ можетъ оказаться дѣйствительнымъ и надежнымъ, только тогда окраины не будутъ лежать тяжелымъ бременемъ на нашемъ центрѣ и могутъ быть охраняемы за свой собственный счетъ. Центръ же, избавляемый отъ избытка населенія, переложившій часть своего податного бремени на окраины, получившій новые источники дохода, избавленный отъ необходимости выбрасывать свой хлѣбъ за безцѣнокъ заграницу для уплаты процентовъ по внѣшнимъ нашимъ займамъ (эта обязанность перейдетъ на окраины, но они будутъ экпортировать не хлѣбъ, а другіе, болѣе цѣнные продукты), получитъ возможность поднять, наконецъ, свое благосостояніе на болѣе высокую ступень. Этому центру нужны внутреннія реформы—и эко-

номическія, и политическія, здѣсь не можетъ быть двухъ мнѣній. О характерѣ реформъ такъ много писалось, и говорилось и въ печати, и въ обществѣ, и въ правительственныхъ сферахъ, что здѣсь незачѣмъ объ этомъ распространяться. Для насъ важно только указать, что *реформы эти вполнѣ осуществимы*, и что для этого осуществленія всегда могутъ быть изысканы средства—вопреки общераспространенному мнѣнію. Конечно, рутинные пріемы финансоваго хозяйства придется оставить и обратиться къ другой системѣ. Безъ большой же и серьезной творческой работы—не возможна и наша прочная и полная побѣда надъ врагомъ. Чтобы побороть грозящую намъ опасность и съ востока и съ запада, не достаточно имѣть только хорошо вооруженную и храбрую армію, нужно еще и многое другое. Нужно просвѣщеніе, нужна извѣстная свобода, нужно большее участіе народныхъ представителей въ государственныхъ дѣлахъ, нужна экономическая мощь. Только при этихъ условіяхъ, поборовъ въ настоящемъ столкновеніи врага, мы можемъ чувствовать себя въ безопасности на будущее время отъ новыхъ вторженій, сможемъ спокойно заниматься своимъ внутреннимъ развитіемъ.

Того же автора:

Регулированіе бумажной валюты въ Россіи, Х. 1896 г. (въ продажу не поступало).

Русскій государственный кредитъ, т. I, эпоха 1769–1886 г.г. 606 стр., Х. 1899 г. (распродано).

Русскій государственный кредитъ т. II Министерство И. А. Вышнеградскаго 1887–1892, стр. 578, Х. 1900 г. (распродано).

Русскій государственный кредитъ, т. III Министерство С. Ю. Витте и задачи будущаго, выпускъ I, стр. 1–114, ц. 75 к., вып. II, стр. 115–438, ц. 1 р. 50 к., вып. III, стр. 439–798, ц. 1 р. 50 к., вып. IV стр. 799 – 1017 ц. 1 р. 30 к. Х. 1901–1904 г.г. (нѣсколько экземпляровъ).

Реформа денежнаго обращенія и промышленный кризисъ, Х. 1902 г. стр. 324 цѣна 2 р.

Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожные займы, Х. 1903 г. стр. 360, ц. 2 р.

Наша банковая политика, стр. 439, Х. 1904 г. ц. 3 р.

Выкупные платежи, къ вопросу о ихъ пониженіи, Х. 1904 г., стр. 60, ц. 50 к. (распродано).

Русскій сельско-хозяйственный банкъ, проектъ, стр. 40, in 4^{0}, Х. 1902 г., ц. 50 к.

Записка о финансовой готовности Россіи къ войнѣ, стр. 16 Х. 1904 г. (въ продажу не поступала).

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Русскій госуд. кредитъ, т. III вып. V и (послѣдній).

Замѣченныя опечатки.

					Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стран.	IV	строка	12	сверху	къ контекстомъ	съ контекстомъ
»	38	»	10	снизу	по дорогимъ	но дорогимъ
»	42	»	5	»	восточныхъ	военныхъ
»	43	»	11	сверху	побежденной	побѣжденной
»	47	»	4	снизу	катастрофой дѣяніемъ	катастрофой
»	52	»	5	сверху	справлятся	справляться
»	53	»	10	»	ведуть	ведутъ
»	57	»	5	снизу	нашихъ	нашимъ
»	59	»	6	»	ложащихъ	лежащихъ
»	70	»	17	сверху	понизить	понизитъ
»	116	»	17	»	болѣе	менѣе
»	155	»	6	снизу	прямыхъ прямыхъ	прямыхъ
»	161	»	14	»	самымъ	самыхъ
»	165	»	2	сверху	наслѣдователемъ	наслѣдодателемъ
»	165	»	10	»	наслѣдователемъ	наслѣдодателемъ
»	172	»	5	»	денатурированье	ренатурированье
»	186	»	13	»	которыми	которымъ
»	196	»	14	»	возможны ли,	возможны ли
»	200	»	6	»	*оффиціальная*	*оффиціозная*
»	203	»	1	»	покойнаго	покойнымъ
»	205	»	8	снизу	представилосъ	представилось
»	212	»	8	»	что	(что
»	214	»	15	сверху	значить	значитъ